

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

На правах рукописи

Жукова Евгения Алексеевна

**ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОГО В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ
ИДЕОЛОГИЯХ ЛИБЕРАЛИЗМА И КОНСЕРВАТИЗМА
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)**

Специальность: 23.00.01 – Теория и философия политики, история
и методология политической науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук
Федорова Мария Михайловна

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО В ИДЕОЛОГИЯХ	19
1.1. Идеология и рациональность	19
1.2. Особенности рациональности политической философии эпохи Просвещения	45
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОГО В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ	55
2.1. История становления и формирования либерализма	55
2.2. Специфика рациональности в либерализме в конце XVIII – начале XIX вв. и ее эволюция	66
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОГО В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ	81
3.1. История становления и формирования консерватизма	81
3.2. Особенности формирования консервативного типа рациональности и его эволюция	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	116
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	123

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Проблема политической рациональности – одна из ключевых в политической теории и философии, она лежит в основании формирования разнообразных когнитивных конструкций, раскрывающих природу развития политического пространства. В нашей работе будет исследоваться рациональность такой сферы политического, каковой является идеология. И это не случайно.

Политическая ситуация в постсоветской России породила проблему сложности выработки новой модели идеологической системы современного государства. Причина настоящего кризиса заключается в разрушении советской идеологической структуры и объявлении деидеологизации, закрепленной ст. 13 Конституции Российской Федерации. Однако после семидесятилетнего внедрения марксизма как доминирующего способа описания социальной действительности установление периода деидеологизации выглядит как своеобразный заключительный *coup de grâce* для людей, потерявших духовные опоры. Попытка создания идеологического общества уже не выглядит на сегодняшний момент привлекательной. Большинство политиков, исследователей и экспертов утверждают во мнении, что России необходима некая национальная идея. В поправках к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 году, юридически закреплена идея воспитания патриотизма в детях, что по смыслу является идеологическим принципом.

Отсутствие ясных и четких общенациональных идей, функция которых заключается в консолидации общества, негативно сказывается на развитии политического поля государства. Идеологические ценности, по мнению большинства политических философов, составляют основу упорядоченной общественной жизни. Таким образом, остро стоит вопрос об их необходимом рациональном формировании. В связи с невостребованностью социалистических идей на отечественном политическом поле появилась явная конкуренция

политических парадигм либерализма и консерватизма. Эти идеологические системы в настоящее время кажутся более пригодными матрицами для современного российского общества. Однако учитывая, что в оборот российской политической мысли не вовлечены пласты исторически развивающихся западноевропейских либеральных и консервативных традиций, калькировать их на российскую действительность на современном этапе не представляется возможным.

Чтобы понять, к чему стремиться и на что обратить внимание политиков России, нужно преодолеть отечественный патриархальный характер миропонимания, которому не свойственна динамичная форма соперничества социально-политических идей. Преодолев негативное восприятие идеологии, можно определить ее как часть символического освоения мира человеком. Перед нами встает вопрос рациональности политических идеологий и появляется проблема определения рациональности как средства идеологии в освоении мира. Сама рациональность в социокультурном опыте межличностного взаимодействия по сути стала некоей дискурсивной практикой манипулирования политическим миром конкретного субъекта. Развитие же форм рациональности напрямую связано с произошедшей эволюцией от естественно-научной традиции к формам политических идеологий. Таким образом, для того чтобы ответить на вопрос о возможности рационального конструирования идеологической ситуации в современных европейских государствах, в том числе в России, необходимо разобраться в истоках проблемы рационального в формировавшихся в конце XVIII века идеологиях либерализма и консерватизма. Именно в этот период закладываются идейные основы, важные для понимания характера существующих идеологий. Изучение данной проблемы даст возможность не только проследить развитие идеологических и политических практик наряду с усложнением рационального человеческого сознания, но и спрогнозировать тенденции развития современных идеологий в обществе.

Степень научной разработанности проблемы

В современной российской политико-философской литературе отсутствуют крупные труды о проблеме рационального в политических идеологиях, хотя нередко можно встретить фрагментарные материалы исследуемого вопроса в части монографий по тематике политических идеологий. Например, вопросы о рациональном оправдании существования идеологических конструкций на основе базисных философских категорий можно найти в трудах И.С. Лукьянова¹, о политическом как субъективном мировидении человека и политической идеологии как компонента этого субъективного пространства – в работах И.В. Самаркиной². Идеологию как идейно-символический аспект политики в отечественной политической науке разрабатывают М.В. Ильин³, О.Ю. Малинова⁴, А.И. Соловьёв⁵.

В целом идеологическая проблематика является предметом рассмотрения множества российских и зарубежных исследователей. Научное изучение феномена идеологии началось в XIX столетии. Особое значение для всякого политико-философского анализа по проблеме идеологии имеет работа К. Мангейма⁶, так как все дальнейшие исследования идеологии исходили из установок и смыслов, выраженных этим философом. Для преодоления негативного взгляда на сущность идеологии, начало которому положили работы К. Маркса и Ф. Энгельса⁷,

¹ Лукьянов И.С. Отношение идеологии: Собственность. Идеология. Право. Власть. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 314 с.

² Самаркина И.В. Политическая картина мира как компонент субъективного пространства политики: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.03. М., 2013. – 360 с.

³ Ильин М.В. Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа // Дискурс-Пи, 2015. – Т. 12, № 1 (18). С. 83-87.

⁴ Малинова О.Ю. Когда «идеи» становятся «идеологиями»: К вопросу об изучении «измов» // Философский век. Вып. 18. Ч. 2. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, 2001. – С. 11-26; Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. – 2003. – № 4. – С. 8-31.

⁵ Соловьёв А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 5-23; Соловьёв А.И. Политический облик постсовременности: очевидность явления // Общественные науки и современность. – 2001. – № 5. – С. 66-81.

⁶ Мангейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ., отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9-ти т. Т.1. – М.: Политиздат, 1984. – XXVI. – 549 с.

необходимо разобраться в самом вопросе. Были проанализированы работы Т.А. Адорно⁸, Л. Альтюссера⁹, М. Вебера¹⁰, А. Грамши¹¹, Э. Дюркгейма¹², Г. Маркузе¹³ и пр. В XX веке вопрос изучения политических идеологий не только относился к научному теоретическому интересу, но и был осложнен реалиями острой политической ситуации. Появились научные труды Х. Арендт¹⁴ и К. Поппера¹⁵ о проблемах идеологий и тоталитарных обществ. Вопрос сложившейся к середине XX столетия концепции деидеологизации был рассмотрен в работах Д. Белла¹⁶ и Ф. Фукуямы¹⁷. К слову, буквально через несколько десятков лет те же авторы создали теорию реидеологизации. В настоящее время в связи с усилением роли ряда факторов, нуждавшихся в идеологических оценках: национальных волнений, подъема культурного нонконформизма в европейских странах, кризиса общества всеобщего благосостояния и пр. – интерес к изучению идеологий только растет. Работы С. Жижека¹⁸, Ч. Блаттберга¹⁹, М. Селигера²⁰,

⁸ Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. – 192 с.

⁹ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. – 2011. № 3 (77). С. 159-175.

¹⁰ Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – (Сер.: «Социологич. мысль Запада»).

¹¹ Грамши А. Тюремные тетради. – М., 1991. – 560 с.

¹² Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначения / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с. – (История социологии в памятниках)

¹³ Маркузе Г. Эрос и цивилизация / Пер. с англ. А.А. Юдина. – М.: АСТ: Ермак, 2003. – 312 с.

¹⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова. Послесл. Ю.Н. Давыдова. Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.

¹⁵ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.; Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.

¹⁶ Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. – Illinois: Free Press, 1960. – 415 p.

¹⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2010. – 584 с.; Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. – С. 134-148

¹⁸ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999.

¹⁹ Blattberg, Ch. Political Philosophies and Political Ideologies // Public Affairs Quarterly 15. – 2001. – No. 3. – P. 193-217.

²⁰ Seliger, M. Ideology and Politics. – N.Y.: Free Press, 1976. – 352 p.

Б. Каплана²¹, Л. Дж. Р. Херсона²², Г. Фая²³, а также российских исследователей А.Э. Сенцова²⁴, К.С. Гаджиева²⁵, А.В. Жилинской²⁶, М.М. Федоровой²⁷ и др.²⁸ обращены к вопросам существования современных идеологий, анализа ключевых категорий и возможности их государственного развития в условиях всемирного демократического процесса.

Проблема рациональности освещена в современной научной и философской литературе не меньше, чем проблема политических идеологий. Однако нужно подчеркнуть, что речь идет об изученности проблемы общефилософского понимания рациональности, осмысление которой связано в основном с кризисом научной рациональности. У истоков рассмотрения данного вопроса стояли М. Вебер, К. Поппер, эстафету анализа научной рациональности позже подхватили Т. Кун²⁹, И. Лакатос³⁰, С. Тулмин³¹, П. Фейерабенд³² и пр.

²¹ *Caplan, B.* The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies. – Princeton University Press, 2006. – 266 p.

²² *Херсон Л.Дж.Р.* Идеология в Соединенных Штатах // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 6. – С. 87-92.

²³ *Фай Г.* Всемирный переворот. Эссе о новом американском империализме / Пер. с франц. А.М. Иванова. – М.: Слава!, 2005. – 250 с.

²⁴ *Сенцов А.Э.* Концепт будущего в программах политических партий современной России // Вестник ТГУ. Сер.: «Философия. Социология. Политология». – 2012. – № 3 (19). – С. 82-92, 109; *Сенцов А.Э., Скочилова В.Г.* Выражение концепта будущего в партийных программах // Молодой ученый. – 2015. – № 3. – С. 597-600.

²⁵ *Гаджиев К.С.* Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии. 1998. – № 12. – С. 3-20.

²⁶ *Жилинская А.В., Сенцов А.Э., Трунтягин А.А.* Трансформация идеологии в мире политики // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 968-970. – URL <https://moluch.ru/archive/89/18460/> (дата обращения: 03.04.2018).

²⁷ *Федорова М.М.* Критика или герменевтика – два подхода к изучению идеологий // Политическая наука. – 2013. – № 4. – С. 31-44.

²⁸ *Гириц К.* Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 29. – С. 7-38.; *Дугин А.Г.* Основы геополитики. – М.: АРКТОГЕЯ, 2000. – 928 с.; *Ильинская С.Г.* Концепт аутентичного развития как альтернативная модернизации идеология // Вестник РУДН. Сер.: «Политология». – 2018. – Т. 20. – № 2. – С. 215-236.; *Косолапов Н.А.* Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 3-24.

²⁹ *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

³⁰ *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. – М., изд-во «Прогресс», 1978. – С. 203-235.

³¹ *Тулмин Ст.* Человеческое понимание / Пер. с англ. З.В. Кагановой, общ. ред. и вступ. ст. П.Е. Сивоконя. – М.: «Прогресс», 1984. – 326 с.

³² *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI. – № 1. – С. 58-76.

В российской мысли проблемы философского изучения рациональности исследуются в работах Н.С. Автономовой³³, П.П. Гайденко³⁴, Б.С. Грязнова³⁵, И.Т. Касавина³⁶, Б. А. Мамчур³⁷, В.С. Степина³⁸ и др³⁹. О рациональности в других

³³ Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. – М.: Наука, 1988. – 288 с.

³⁴ Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.

³⁵ Грязнов Б.С. Логика и рациональность // Методологические проблемы историко-научных исследований. – М.: Наука, 1982. – 256 с.

³⁶ Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике: Критич. очерк / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1989. – 191 с.

³⁷ Мамчур Е.А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности / Е.А. Мамчур // Философия науки: сб. ст./ Рос. АН, Институт философии; ред. кол. В.А. Смирнов (отв. ред.) [и др.]. – Выпуск 5. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 10-30.

³⁸ Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: ИФРАН, 1994. – 274 с.

³⁹ Власова С.В. Соотношение научного знания и реальности // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2010. – Т. 13. – № 2. – С. 265-272; Даниелян Н.В. Конструктивистский подход и научная рациональность в контексте «информационного общества» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: «Философские науки». – 2011. – № 4. – С. 18-24; Карпович В.Н., Шевченко А.А. Рациональность и нормативность, вера и знание // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: «Философия». – 2013. – Т. 11. – № 2. – С. 16-23; Киносьян В.А. К дискуссии о статусе науки в современной культуре // Аналитика культурологии. – 2008. – № 12. – С. 29-33; Кребель И.А., Першин Ю.Ю. Открытость мысли культурным практикам: проблема подлинной рациональности // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. IX. – № 2. – С. 230-239; Лазаревич А.А. Наука, рациональность и нормы социальной приемлемости // Философия науки. – 2007. – № 1 (32). – С. 16-32; Марков Б.В. Априорное знание в гуманитарных науках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: «Общественные и гуманитарные науки». – 2013. – Т. 1. – № 7. – С. 77-81; Микешина Л.А. Гуманитарное знание как тип рациональности, его трансцендентальные измерения // Человек: образ и сущность. – 2008. – № 1. – С. 114-140; Никитина Ю.А. Новая рациональность и коэволюционно-инновационная стратегия человечества // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 325. – С. 59-61; Писарчик Л.Ю. Р. Рорти о природе философского знания и научной рациональности // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 7 (143). – С. 37-45; Самченко В.Н. Эволюция науки: новый взгляд // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2009. – № 6. – С. 158-165; Серова И.А., Ягодина А.Ю. Иррациональное в науке // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2010. – Т. 23. – № 3. – С. 50-52; Соловьев О.Б. Феномен естественного объекта и неклассическая рациональность // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 21. – № 3. – С. 108-121; Суркова Н.А. Понятие трансцендентального субъекта в контексте парадигмы классического философствования. Уфа: Изд-е БашГУ, 2001. – 168 с.; Сытых О.Л. Новая рациональность и проблема интерпретации знания в современной науке // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2-1. – С. 205-209; Чернавин Ю.А. Рациональность как фактор развития социально-гуманитарных наук в современных условиях // Вестник Екатеринбургского института. – 2008. – № 1. – С. 10-13; Черникова И.В. Постнеклассическая наука и эволюционная эпистемология // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2011. – № 2. – С. 7-17; Чмыхало А.Ю. Феномен повторения научных открытий в контексте обсуждения проблемы научной рациональности // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – Т. 312. – № 6. –

сферах социальной деятельности работ меньше, однако стоит отметить работы о рациональности человеческого понимания Х.Г. Гадамера⁴⁰, рациональности социального действия В.С. Швырева⁴¹ и коммуникативной рациональности М. Хоркхаймера⁴², Т.В. Адорно⁴³, Ю. Хабермаса⁴⁴. Политическая рациональность исследовалась зарубежным философом Д. Истоном⁴⁵, в отечественной политико-философской мысли – К.С. Гаджиевым, А.А. Френкиным⁴⁶, А.С. Панариным⁴⁷ и другими. Для раскрытия вопроса рациональности в политических идеологиях в диссертации использовались монографии и работы В.Н. Поруса⁴⁸, В.С. Швырева, М.К. Мамардашвили, сборник ИФРАН «Исторические типы рациональности»⁴⁹ под редакцией В.А. Лекторского. Для объяснения тезиса идеологии как

С. 93-97; *Шустова О.Б., Сидоров Г.Н.* Философская категория веры в научном познании // Вестник Омского университета. – 2014. – № 1 (71). – С. 28-29.

⁴⁰ *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Пер. с нем. Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.

⁴¹ *Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С.* Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. – М.: Наука, 1972. – С. 28-94; *Швырев В.С.* Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 105–116; *Швырев В.С.* Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – 225 с.; *Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.

⁴² *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума / Пер. с англ. А.А. Юдина; пред. В.Ю. Кузнецова; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 224 с.

⁴³ *Хоркхаймер М. Адорно Т.* Диалектика просвещения: Философские фрагменты. – М.: Медиум, 1997. – 310 с.

⁴⁴ *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Вопросы социальной теории. – 2007. Т. 1. Вып. 1. – С. 229-245.

⁴⁵ *Истон Д.* Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал. – 1993. № 8. – С. 115-128.

⁴⁶ *Рормозер Г., Френкин А.А.* Новый консерватизм: вызов для России. – М., 1996. – 327 с.

⁴⁷ *Философия истории / Под ред. А.С. Панарина* – М.: Гардарики, 1999. – 432 с.

⁴⁸ *Порус В.Н.* На мосту интерпретаций: Роберт Мертон и социальная эпистемология // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2011. – № 2. – С. 28-38; *Порус В.Н.* Рациональность, наука, культура. – М.: Университет Российской Академии образования. Кафедра философии, 2002. – 352 с.; *Порус В.Н.* Системный смысл понятия «научная рациональность» // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 85.

⁴⁹ *Исторические типы рациональности / Отв. ред. В.А. Лекторский.* – Т.1. – М.: ИФРАН, 1995. – 350 с.

надсубъективной рациональности использовались политические работы З. Фрейда⁵⁰.

В связи с тем, что в основание диссертационного исследования взят определенный период, в источниковедческую базу работы вошли труды философов Нового времени, либеральных и причисляемых к ним мыслителей XVIII и XIX веков и ранних консерваторов. В частности, работы Дж. Локка⁵¹, Д. Юма⁵², А. Фергюсона⁵³, Ж.-Ж. Руссо⁵⁴, Д. Дидро⁵⁵, Монтескье⁵⁶ и Вольтера⁵⁷ использовались для выявления сформировавшейся естественно-научной формы рациональности, которая легла в первые тексты либерального толка. Для разбора влияния исторической ситуации на становление и изменение политико-философской мысли либерализма и консерватизма были изучены монографии Т.Б. Длугач⁵⁸ и М.М. Федоровой⁵⁹, посвященные идеям эпохи Просвещения. В изучении трансформации либеральных смыслов и концептуальных категорий под влиянием социально-политического контекста исторических событий, а именно Великой французской революции, использовались работы И. Бентама⁶⁰,

⁵⁰ *Фрейд З.* Психоанализ. Религия. Культура / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – С. 85; Истоки войн. Переписка между Э. Эйнштейном и З. Фрейдом // Экология и жизнь. – 2003. – № 5. – С. 4-11.

⁵¹ *Локк Дж.* Сочинения в 3-х т. Т.1-3. – М.: Мысль, 1985–1988 (Сер.: «Филос. наследие»).

⁵² *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении / Пер. С.И. Церетели, примеч. А.Ф. Грязнова. – М.: Прогресс, 1994. – 237 с.

⁵³ *Ferguson, A.* Of man's progressive nature // Selections from the Scottish Philosophy of Common Sense. – Chicago, 1915. – 276 p.

⁵⁴ *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре: трактаты / Вступ. ст. А. Филиппова и др.; коммент. В.С. Алексеева-Попова, Л.В. Борщевского. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1998. – 414 с.

⁵⁵ *Дидро Д.* Энциклопедия // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. – М.: Наука, 1994.

⁵⁶ *Монтескье Ш.Л.* О духе законов / Сост., пер. и коммент. примеч. авт. А.В. Матешук. – М.: Мысль, 1999. – 672 с. (Сер.: «Из классического наследия»).

⁵⁷ *Вольтер М.Ф.* Философские сочинения / Пер. с франц. С.Я. Шейнман-Топштейн, отв. ред., сост. и автор вступ. ст. В.Н. Кузнецов. – М.: Наука, 1988.

⁵⁸ *Длугач Т.Б.* Руссо и общественный договор // Историко-философский ежегодник. – 2013. – № 2012. – С. 177-190.; *Длугач Т.Б.* Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). – М.: ИФРАН, 2006. – 256 с.

⁵⁹ *Федорова М.М.* Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций. – М.: ИФ РАН, 2005. – 190 с.

⁶⁰ *Бентам И.* Избранные сочинения Иеремиа Бентама. Т. I. Введение в основания нравственности и законодательства. Основные начала гражданского кодекса. Основные начала

Ф. Гизо⁶¹, В. фон Гумбольдта⁶², Б. Констана⁶³, Дж. Ст. Милля⁶⁴. Для сопоставления различных ветвей политической философии конца XVIII – начала XIX веков и прослеживания различий культурно-национальных традиций использовались работа Э. Кассирера «Философия Просвещения»⁶⁵ и монография «От абсолюта свободы к романтике равенства»⁶⁶ под редакцией М.М. Федоровой и М.А. Хевеши. Конкретнее о динамике развития политической рациональности во Франции со времени Великой французской революции – в работе А. Мишеля⁶⁷. Для определения влияния развития проблемы классической рациональности на будущее становление либеральной концепции были изучены работы И. Берлина⁶⁸, К.Б. Макферсона⁶⁹, Л.Т. Хобхауза⁷⁰, Ф.А. Хайека⁷¹.

Для анализа иного типа рациональности в зародившемся консерватизме были использованы работы первых консервативных мыслителей Э. Берка⁷²,

уголовного кодекса. – СПб.: Типография и Литография Н. Тиблена и Ком. (Н. Неклюдова), 1867. – 745 с.

⁶¹ Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с франц. В.Д. Вольфсона. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 336 с.

⁶² Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. – М.: Социум, Три квадрата, 2003. – 200 с.

⁶³ Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 97-106.

⁶⁴ Милль Дж. Ст. О свободе // Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. О свободе: С приложением очерка о жизни и деятельности Милля Е. Конради / Пер. с англ. А.Н. Неведомского. 2-е изд. – СПб., 1882. – 389 с.

⁶⁵ Кассирер Э. Философия Просвещения / Пер. с нем.: В.Л. Махлин. – М.: РОССПЭН, 2004. – 399 с.

⁶⁶ От абсолюта свободы к романтике равенства (из истории политической философии) / Отв. ред. М.М. Федорова, М.А. Хевеши. – М., 1994. – 212 с.

⁶⁷ Мишель А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 536 с.

⁶⁸ Берлин И. Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткинда. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.

⁶⁹ Макферсон, К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии [Текст] / пер. с англ. А. Кырлежева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 176 с.

⁷⁰ Hobhouse L.T. Liberalism / by L.T. Hobhouse. – L.: Williams & Norgate. – 254 p.

⁷¹ Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / Пер. с англ. О.А. Дмитриевой, под ред. Р. И. Капелюшникова. – Челябинск: Социум, 2011. – 432 с.

⁷² Берк Э. Два памфлета. – [б.м.]: Издательские решения, 2018. – 158 с.; Берк Э. Правление, политика и общество / Пер. с англ., сост., вступ. ст. и коммент. Л. Полякова. – М.: Канон-пресс Ц, Кучково поле, 2001. – 480 с.; Берк Э. Размышления о революции во Франции о прениях в некоторых лондонских обществах касательно сего события, содержащиеся в письме,

Ж. де Местра⁷³. Для поиска условий зарождения консервативной мысли в рамках определенного типа рациональности в философии Эдмунда Берка использовались труды британских историков Дж. Кларка⁷⁴ и Дж. Приора⁷⁵, российского исследователя консервативной мысли А.В. Чудинова⁷⁶, были изучены речи⁷⁷ и переписка Берка, большая часть которой собрана под редакцией А. Коббана и Р. Смита⁷⁸. Для сопоставления идей консервативного мыслителя Ж. де Местра был изучен сборник «Актуальность Жозефа де Местра: Материалы российско-французской конференции»⁷⁹. Для анализа развития иного типа рациональности в консервативной идеологии и осмыслении влияния его на дальнейшее развитие идеологии были изучены следующие источники: работы представителей романтического движения Новалиса⁸⁰, Ф. Шлейермахера⁸¹, Ф. Шлегеля⁸², И. Гердера⁸³, И. Фихте⁸⁴, Ф. Шеллинга⁸⁵ и других; консерваторов XX

предполагавшемся быть отправленным некоему благородному господину в Париж / Соч. высокопочтенного Эдмунда Берка; Пер. с англ. Сима Векслер; Под ред. Андрея Бабича; Предисл. и примеч. снабдил Кнор Круз О'Брайен. – London: Overseas publ. interchange ltd., 1992. – 411 с.; *Burke, E. A Philosophical Enquiry into the Origins of Our Ideas of the Sublime and Beautiful.* – London: printed for R. and J. Dodsley, 1757. – 184 p.

⁷³ *Местр Ж.М. де.* Рассуждения о Франции / Пер. Г. Абрамов, Т. Шмачкова, ред. М. Федорова. – М.: РОССПЭН, 1997. – 216 с.

⁷⁴ *Clark J.C.D. Reflections on the Revolution in France. A Critical Edition / ed. Jonathan Clark.* – Stanford University Press, 2001. – 301 p.

⁷⁵ *Prior J. Life of the Right Honourable Edmund Burke.* – 5 Ed. – London, 1854. – 545 p.

⁷⁶ *Чудинов А.В.* Размышления англичан о Французской революции: Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин. – М.: Памятники исторической мысли, 1996. – 304 с.

⁷⁷ *Burke, E., Bredvold, L.I., Ross, G. The philosophy of Edmund Burke: A selection from his speeches and writings.* – [Ann Arbor]: The University of Michigan Press, 1960. – 276 p.

⁷⁸ *The Correspondence of Edmund Burke / eds. A. Cobban and R.A. Smith.* – Cambridge: Cambridge University Press, and Chicago: University of Chicago Press, 1967. – XXVI, 495 p.

⁷⁹ Актуальность Жозефа де Местра: Материалы российско-французской конференции / Ред.: В. Мильчина, П. Глод, С. Зенкин, М. Кольхауэр. – М.: РГГУ, 2012. – 256 с.

⁸⁰ Фрагментарно: Литературные манифесты западноевропейских романтиков / Под ред. А.С. Дмитриева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 639 с.; *Новалис.* Генрих фон Офтердинген. Изд. подг. В. Б. Микушевич – М.: Ладомир; Наука, 2003. – 280 с. («Литературные памятники»).

⁸¹ *Шлейермахер Ф.* Речи о религии. Монологи / Пер. с нем. и пред. С.Л. Франка. – М.: Издат-во «Алетейя», 1994. – 432 с.

⁸² *Шлегель К.В.Ф.* Сочинения. Т. 1. Философия жизни. Философия истории. – М.: Quadrivium, 2015. – 816 с.

⁸³ *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества / Пер. и прим. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977.

⁸⁴ *Фихте И.Г.* Речи к немецкой нации / Пер. с нем. А.А. Иваненко. – СПб.: Наука, 2009. – 352 с.

⁸⁵ *Шеллинг Ф.* Сочинения в 2 т. / Сост. ред. А.Г. Гулыга. – М.: Мысль, 1987. – 637 + 636 с.

века: М. Оукшотта⁸⁶, Ш. Морраса⁸⁷, Х. Чемберлена⁸⁸, Г. Гюнтера⁸⁹, Р. Генона⁹⁰, а также приближенных к современности «новых правых» А. де Бенуа⁹¹ и Г. Фая. Для выявления философии романтизма были изучены литературные труды Н.Я. Берковского⁹², В.М. Жирмунского⁹³, Р. Гайма⁹⁴, Ю.Л. Аркана⁹⁵. Консерватизм XX века потребовал изучения работ А.М. Руткевича⁹⁶, М. Уолцера⁹⁷, В.Э. Багдасаряна⁹⁸, Н.А. Чамаевой⁹⁹ и др. Разбор идеологии консервативных течений «новых правых» и современных «обновленных правых» потребовал анализа газетных статей и интервью представителей этих движений. Также по данному вопросу были изучены монография Е.А. Карцева «Французский неоконсерватизм: либеральная стратегия для XXI века: Социокультурная

⁸⁶ *Оукшотт М.* Рационализм в политике и другие статьи. / Пер. с англ.: И. Мюрберг и др., под общ. ред. Л. Макеевой и др. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.

⁸⁷ *Maurras Ch.* Oeuvres Capitales. – P. 42. Цит. по: *Руткевич А.М.* Консерваторы XX века: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 39.

⁸⁸ *Чемберлен Х.* Основания XIX столетия (в 2-х тт.) / Пер. с нем. Е. Колесниковой. – СПб.: Русский Мир, 2012. – 688 с.

⁸⁹ *Гюнтер Г.Ф.К.* Избранные работы по расологии / Пер. А. Иванов. – М.: Белые альвы, 2002.

⁹⁰ *Генон Р.* Кризис современного мира / Пер. Н.В. Мелентьевой, ред. и вступ. ст. А.Г. Дугина. – М.: АРКТОГЕЯ, 1991.

⁹¹ *Бенуа А. де.* Как можно быть язычником. – М.: Русская Правда, 2004. – 240 с.; *Бенуа А. де.* Против либерализма: к Четвертой политической теории / Пер. с фр., предисл. А. Дугина. – СПб.: Амфора, 2009. – 480 с.

⁹² *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии / Ред. И. Гурвиц. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 512 с.

⁹³ *Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика / Пред. и ком. А.Г. Аствацатурова. – СПб.: Аксиома, Новатор, 1996. – XL + 232 с. (Сер.: «Памятники и история европейского романтизма»).

⁹⁴ *Гайм Р.* Гердер, его жизнь и сочинения / Пер. с нем. В.Н. Неведомского. Т. I. – СПб.: Наука, 2011. – 963 с. (Сер.: «Слово о сущем». Т. 86)

⁹⁵ *Аркан Ю.Л.* Очерки социальной философии романтизма. Из истории немецкой консервативно-романтической мысли / Под ред. К. Сергеева. – СПб.: «Наука», 2003. – 380 с.

⁹⁶ *Руткевич А.М.* Консерваторы XX века / Ред. И.Л. Панкратова. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 180 с.

⁹⁷ *Уолцер М.* Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 360 с.

⁹⁸ *Багдасарян В.Э.* Консерватизм как охранительная реакция на исторические вызовы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2010. № 4. – С. 110-112.

⁹⁹ *Чамаева Н.А.* Политическая теория Майкла Джозефа Оукшотта (1901-1990): автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. – М., 2010. – 22 с.

программа, концепции и стратегические направления Клуба "Орлож"»¹⁰⁰ и работа Б. Кепеци «Неоконсерватизм и "новые правые"»¹⁰¹.

Исходя из изложенного выше обзора литературы можно сделать вывод, что детальных исследований по проблеме рационального в идеологиях либерализма и консерватизма в отечественной научной мысли не проводилось, хотя фрагментарные апелляции к подобному вопросу присутствуют в различной политико-философской аналитике. Требуется дальнейший углубленный политико-философский анализ феномена политической идеологии для изучения проблемы рационального в ней.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования являются сформировавшиеся к концу XVIII века западноевропейские идеологии либерализма и консерватизма и их становление в контексте влияния исторических событий. **Предметом** – особые типы политической рациональности в рассматриваемых теориях западноевропейской мысли периода конца XVIII – начала XIX веков.

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении идеологических форм, сложившихся в исследуемый период, и выделении соответствующих им специфических типов политической рациональности и типов политических практик.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

1) рассмотрение понятия политической рациональности в идеологическом дискурсе;

¹⁰⁰ Карцев Е.А. Французский неоконсерватизм: либеральная стратегия для XXI века. Социокультурная программа, концепция и стратегические направления Клуба «Орлож». – М.: ТЕИС, 2008. – 452 с.

¹⁰¹ Кепеци Б. Неоконсерватизм и «новые правые» / Пер. с венг. М.А. Хевеши. Общ. ред. и послесл. Б.Т. Григорьяна – М.: Политиздат, 1986. – 146 с.

- 2) определение политической идеологии как надсубъективной рациональности;
- 3) выявление типа политической рациональности, характерного для либерализма, и выделение основных этапов его эволюции;
- 4) выявление типа политической рациональности, характерного для консерватизма, и выделение основных этапов его эволюции.

Методологическая основа исследования

Для рассмотрения проблемы рационального в идеологических течениях используются общенаучные методы: принцип объективности и метод системного подхода. Политико-философское исследование проблемы политической рациональности в ее связи с западноевропейскими идеологиями указанного периода проводится при помощи целого комплекса теоретических подходов и методологических принципов. Выбор теоретико-методологических оснований обусловлен целью, задачами и предметом диссертационного исследования. Анализ особенностей формирования политических идеологий либерализма и консерватизма осуществляется на основе историко-генетического подхода совместно с принципом контекстуализации, что позволяет рассмотреть становление идеологических течений под влиянием социально-политического, культурного и интеллектуального контекста охватываемого временного периода. В исследовании политико-философских концепций ранних либералов и консерваторов используется метод теоретической реконструкции, а также при необходимости интерпретативный и компаративный методы. Научный метод реконструкции помогает определить отдельные политико-философские идеологические смыслы и изучить их в связке с исследуемыми типами рациональности. Интерпретативный метод позволяет провести глубокий анализ либеральных и консервативных смыслов и категорий, таких как право, свобода, справедливость, счастье, традиция, предрассудок и др. Компаративный метод способствует выявлению в вышеназванных смыслах нюансы через сопоставление их в трактовках разных теоретиков.

Научная новизна исследования заключается в самой постановке проблемы и логике исследования, а именно в совмещении эпистемологического и политологического подходов к изучению вопроса рационального в политических идеологиях. В том числе:

- формулировка возможного анализа рациональности политических идеологий дает свежий взгляд на идеологии и возможное их развитие;
- предпринята попытка осмысления политической идеологии как понятия надсубъективной рациональности;
- выделена и проанализирована проблема рационального в классических политических идеологиях либерализма и консерватизма и определена трансформация рационального в идеологиях к XX веку;
- установлены и проанализированы функциональные связи между основными категориями и смыслами либеральной и консервативной идеологий конца XVIII – начала XIX веков.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ философских и мировоззренческих оснований идеологий, формирующихся в эпоху Просвещения, позволяет критически отнестись к широко распространенному в истории политической мысли противопоставлению «рациональный либерализм» vs «консервативный иррационализм».

2. Любая идеология по сути является ценностной и символической структурой, которой руководствуются в политической жизни различные социальные слои или силы. Из идеологии человек получает социально-политические смыслы и представления об устройстве власти, целях развития общества. Таким образом, политическая идеология – это звено, которое соединяет мировоззренческие основания, сформулированные на теоретическом уровне, с практической деятельностью людей в социально-политической сфере. Каждый человек в той или иной степени идеологически ангажирован. В то же время он рационален, и его рациональность выражается в поступках, действиях и мыслях.

Соответственно, на политическом плане рациональность и идеология сливаются воедино, что и позволяет говорить об идеологии как надсубъективной рациональности. Таким образом, политическая рациональность является актом раскрытия горизонта понимания власти, а идеология есть способ определения границ.

3. Проблема рационального в западноевропейской идеологии либерализма XVIII столетия зиждется на основании научной классической рациональности, в связи с чем ключевые постулаты классического либерализма уже в начале XIX века подвергаются серьезным трансформациям. В частности, пересматриваются понятия общественного договора, естественного состояния и понятие свободы индивида в рамках государственного образования.

4. Зародившаяся политическая концепция консерватизма изначально строится на ином типе рациональности, нежели либерализм. Если единственно рациональной категорией субъекта политического действия у ранних либеральных мыслителей является разум без примесей, то ранние идеологии возводят в принцип разум не индивидуальный, а коллективный, не «чистый», а опирающийся на опыт, историю, традицию и предрассудок.

Теоретическая и практическая значимость диссертации

Теоретическая значимость диссертации состоит в предложенной новой логике исследования идеологических конструктов, в постановке вопроса о проблеме рационального в политических идеологиях. В частности, предлагается идея рассмотрения плюрализма форм рациональности в изучении начальных этапов развития идеологий. В работе подробно исследованы различия типов политической рациональности формирующихся западноевропейских идеологий либерализма и консерватизма, а также их отличия от классической рациональности эпохи Просвещения.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что ее выводы могут быть использованы в исследовании актуальных

проблем в философии политики, а также при составлении общих и специальных курсов по политологии, философии политики, проблемам когнитивной науки. Материалы диссертации фрагментарно могут быть включены в общие курсы по политической философии и истории политических учений для студентов, обучающихся по направлению «Политология», либо использоваться при составлении учебных и учебно-методических пособий по данному направлению.

Степень достоверности и апробация диссертации

Подтверждение степени достоверности заключается в том, что в ходе проводимого исследования использовались источники и материалы, опубликованные как в России, так и за рубежом. По теме диссертации опубликованы три статьи в следующих реферируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации: «Политика и общество», «Мировая политика». Некоторые выводы диссертационного исследования были представлены в сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Общественные науки: от вопросов к решениям» (Россия, г. Томск).

Структура работы обусловлена целями исследования и отражает поставленные задачи. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Каждая из трех глав диссертационной работы состоит из двух параграфов. Объем работы составляет 139 страниц. Список литературы включает в себя 196 наименований, из которых 23 на английском языке.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО В ИДЕОЛОГИЯХ

1.1. Идеология и рациональность

Часто именуемый веком идеологий XX век завершился, однако идеологического влияния, да и самих идеологий, в настоящее время стало даже больше. В современной России многие политические исследователи, например, В.Т. Третьяков, говорят о наступившем «дефиците идеологии», но точнее было бы сказать о «дефиците идеологической легитимности», так как связывают они это явление с практическим запретом на существование официальной государственной идеологии. После краха коммунистической идеологии в России продолжают поиски идейно-нравственных ценностей, причем интересно, что большую распространенность получают идеи консерватизма, особенно заметно это в базовых установках партии «Единая Россия» и, что удивительно, в программе КПРФ. Сегодня представители различных отечественных политических сил, зачастую полярных, от Владимира Жириновского до Михаила Прохорова, критикуют отдельные положения Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г. В частности, серьезным объектом критики Основного закона выступает запрет на идеологию, вводимый в статье 13. В то же время ведутся поиски национальной идеи, которая позволит сплотить различные социальные слои населения в рамках многонационального государства, раскинувшегося на одну седьмую часть суши. Многие российские политики убеждены, что идеология является базисом для обнаружения целей государства и, соответственно, ни одно государство без идеологии существовать не может. Нередко можно услышать мнения политических деятелей, которые, не подвергая критике запрет на государственную идеологию, говорят о необходимости государственного воспитания общества. В частности, например, В.Ю. Мельников пишет о допустимости существования обязательной конституционной идеологии государства, функционирующей в рамках действующего правового поля: такая идеология должна «способствовать стабильности в государстве и обществе, выступать важным инструментом государственного строительства, гарантией

обеспечения устойчивости правовой системы, единообразной правоприменительной практики и др.»¹⁰². Внедрять данную идеологию в умы граждан необходимо с детства. Вторит той же идее А.В. Смирнов: «Прежде всего должна быть выстроена система воспитания, основанная на любви к родине и своей истории, своей культуре, честном отношении к своей жизни, которая является частью общего»¹⁰³. Иными словами, многие современные российские ученые, переосмысляя сферу идеологии, сходятся во мнении, что запрет на установление идеологии в качестве государственной не отрицает возможности или даже необходимости признания гражданами определенной системы ценностей и идей в качестве интегрирующего фактора.

Современная государственная политика поддерживает идеи объединения общества. Подобные идеи отчетливо просматриваются в поправках к Конституции Российской Федерации, принятых на общероссийском голосовании и вступивших в силу 4 июля 2020 г. Статья 67 Основного закона содержит в себе дополнение о необходимости воспитания в детях патриотизма, гражданственности и уважения к старшему поколению. В той же статье заметен консервативный политический вектор: Российская Федерация признается исторически сложившимся государством с тысячелетней историей и памятью предков, передавших современным гражданам идеалы и веру в Бога.

Бесспорно, переосмысление политического нужно начинать с артикуляции исторического опыта. В данном случае история показывает, что оформленная государственная идеология приводит к тоталитаристским тенденциям, что неоднозначно сказывается на развитии общества. С другой стороны, идеологический вакуум также не дает положительных результатов и глобально может привести к потере политико-философских смыслов общественной

¹⁰² Мельников В.Ю. Необходимость формирования национальной идеи и правовой идеологии в обществе, государстве // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – ИНИОН РАН: 2017. С. 645.

¹⁰³ Директор института философии: «Не вернём воспитание – великой страны не построим» [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «МК.ru». 2019. 27 ноя. URL: <https://www.mk.ru/science/2019/11/27/u-nas-obrazovanie-usluga-o-vozpitanii-voobshhe-nikto-ne-govorit.html> (дата обращения: 01.12.2019).

жизнедеятельности, к кризису моральных установок общества. Само существование политической идеологии делает возможным процесс передачи социально-политических смыслов и значений через формирование ценностных и символических структур. Иными словами, идеология является необходимой составляющей символического освоения мира, а потому общество не может существовать без идеологии. Однако в настоящее время получаемые результаты социальной деятельности часто не соответствуют предполагаемым целям общественно-политической системы в целом и ее элементов в частности. Следовательно, возможным вариантом для современного государства может стать принятие одновременного сосуществования множества конкурирующих между собой идеологических конструкций. Здесь проявляется необходимость современного переосмысления проблем существующих сегодня идеологий в связи с тем, что идеологические конструкции напрямую связаны с комплексом духовных, социально-политических, экономических процессов, происходящих как в западноевропейском, так и в российском обществах в последнее время. Существование большого количества диаметрально противоположных идей и неравномерное их распределение в мире создают актуальную общественную потребность в критических исследованиях и, в частности, изучении понимания рационального в политических идеологиях.

Оба понятия – и рациональность, и идеология – являются многогранными смысловыми конструктами, дать короткое и ясное определение которым не представляется возможным. Однако стоит уточнить, что оба смысла являются размытыми и нечетко определяемыми именно в категориях современности. Если обратиться к классическим понятиям рациональности и идеологии, то под классической рациональностью принято понимать возможность человека познать мир силами собственного разума, а классическая идеология есть не что иное, как концептуальная система идей, которая выражает интересы тех или иных политических субъектов. Но что же происходит с этими понятиями в настоящее время? Идеология в современном обществе стала понятием настолько широким и объемлющим, что под термином скрывается практически все: начиная

от национальной идеи имперского народа-победителя и заканчивая политически ориентированным движением за здоровый образ жизни. В философии политического сознания совершен огромный шаг к дезинтеграции этого сознания: от абсолютизированного в эпоху Просвещения единства субъекта – «сознания вообще»¹⁰⁴ – до современного множества сознаний идеологических групп людей. Карл Мангейм в начале XX столетия в работе «Идеология и утопия» писал об историческом вытеснении «сознания вообще» сначала дифференцированным народным духом, затем понятием классовой идеологии. Сегодня можно видеть, что мир политических идеологий включает в себя малые, дифференцированные исторически, территориально, социально и даже узконаправленные субъекты. Можно согласиться с не потерявшей актуальность мыслью Мангейма: «Представление о единстве сознания сохраняется и теперь ..., однако теперь это – динамическое единство...»¹⁰⁵.

В свою очередь, рациональность сегодня – понятие не просто размытое, а практически не схватываемое. Для объяснения рациональности философам приходится вводить различные типологизации и классификации. Уже в начале XX-го столетия Э. Гуссерль пишет о необходимости прояснения сущности рациональности, которое извращено «натурализмом» и «объективизмом», и указывает, что рационализм – «это *ratio* в постоянном движении прояснении самого себя»¹⁰⁶. Противопоставление классической и неклассической рациональности, связываемое с историческим кризисом автономии субъекта, уже стало традиционным. В известной статье трех авторов – М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева и В.С. Швырева «Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии»¹⁰⁷ – современная рациональность понимается как

¹⁰⁴ Мангейм К. Там же. – С. 63.

¹⁰⁵ Мангейм К. Там же. – С. 65.

¹⁰⁶ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д.В. Скляднева. – СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2004. – С. 355.

¹⁰⁷ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. – М.: Наука, 1972. – С. 28–94.

способность самопознания через прояснение внутреннего мира в его онтологической неподатливости в отличие от классического, где рациональность – выявление самосознания как деятельности, а через него – и бытия. Однако если в философии ведутся масштабные дискуссии о рациональности, ее типах и включении в круг изучения ранее отбрасываемых, считавшихся вне- или нерациональными идей и смыслов, то в политическом поле этот вопрос напрямую не рассматривается.

Авторов, раскрывающих понятие рациональности именно в политическом дискурсе, немного. Американский специалист по искусственному интеллекту Э. Юдковский остроумно замечает: «Если вы желаете высказаться по поводу науки или рациональности, то мой вам совет: не стоит хоть каким-либо образом задевать современную политику, если вы можете избежать этого... Политика – такая важная область, в которой следует применять рациональность, но и такая ужасная область, в которой категорически не следует изучать рациональность или же изучать ее в том случае, если все участники дискуссии уже не рациональны»¹⁰⁸. Конечно, стоит отметить развитие фундаментальной теории рационального выбора, однако по большей части это экономико-социологическая теория, в широком смысле трактуемая как определение лучшего варианта действий по достижению цели при условии ограниченных ресурсов. Рациональность, которую используют последователи теории, сформирована в недрах утилитаристской теории и концепции «невидимой руки» и фактически представляет собой скрещенные вместе эффективность, оптимальность и логичность. На основе данной теории применительно к политологии была разработана теория общественного выбора, в рамках которой в качестве рационального поведения политиков понимают не заботу об общем благе, а исключительно преследование корыстных интересов, например, переизбрание на должность или получение материальных благ. Однако это очень узконаправленный, индивидуалистический подход к рациональности, опирающийся на часть либертарианской философии. Собственно, теории

¹⁰⁸ *Yudkowsky E. Politics is the Mind-Killer // Yudkowsky E. How to Actually Change your Mind. 2007. 19th Feb. (Дата обращения: 28.11.2019).*

рационального выбора направлены на объяснение рациональности средств политического (экономического) актора, но не его целей, что является практическим, инструменталистским типом рациональности.

Существующие специальные политологические работы о рациональности, выходящие за пределы рамок узких теорий рационального выбора, малочисленны. Чаще всего встречаются работы, в которых понятие рациональности сужается до своего радикального инструменталистского типа, развитого еще в эпоху Просвещения. В работе «Затмение разума. К критике инструментального разума» М. Хоркхаймер уже в середине прошлого века пишет о современном становлении субъективности и формальности понятия рациональности: «Тогда, когда идея разума только зарождалась, в ней видели больше, чем просто орудие регулирования отношений между целями и средствами – он рассматривался как инструмент понимания самих целей, их определения»¹⁰⁹. Критике подобного прагматического типа политической рациональности посвящены работы политолога Г. Моргентхау¹¹⁰ и М. Оукшотта¹¹¹, которые отвергают инструментальную рациональность в политике, но в то же время не углубляют понятие рациональности, оставаясь в рамках существующего положения вещей. Впрочем, стоит отметить, что в современных политологических дискуссиях при произношении таких фраз, как «рациональная политика», «рациональный подход к управлению» и пр., интуитивно применяется именно инструменталистское понятие рациональности. Возможно, это связано с тем, что политика изначально является человеческой практикой, то есть такой системой действий, сконструировать и применять которую может и должен сам человек при помощи разума. Следовательно, определение классической рациональности

¹⁰⁹ Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / Пер. с англ. А.А. Юдина; пред. В.Ю. Кузнецова; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 15-16.

¹¹⁰ Morgenthau, H.J. *Scientific Man vs. Power Politics*. – London: Latimer House Limited, 1947. – 207 p.

¹¹¹ Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. / Пер. с англ. И. Мюрберг, Е. Косилова, Ю. Никифоров, О. Артемьева, ред. Л. Макеева, А. Толстова, М. Косилова. – М.: Идея-Пресс, 2002.

наиболее удобно для политического поля: рациональность как осознание человеком своих мыслей, действий и желаний, встраивание их в общую, «правильную», принятую картину мира; найденная человеком возможность познавать мир силами собственного разума, способ не только отразить существующий вокруг мир в голове, но и познать, что получившиеся картины реального и репрезентированного миров одинаковы.

Прежде чем перейти к исследованию принципа рационального в идеологиях, следует рассмотреть круг определений понятия рациональности и, более того, проследить вектор изменений понимания рационального в политико-философском дискурсе.

Понятие рациональности исторически развивалось достаточно длительно и, бесспорно, претерпело серьезные изменения с момента своего терминологического появления в научной среде в эпоху Просвещения. Следует отметить, что исходные установки рационального мышления были заложены не в Новое время, а много ранее. Карл Ясперс отметил, что появившиеся в культурах Древних Китая, Индии и Греции начала рациональности стали специфическим ответом на вызовы «осевого времени»: «Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа)»¹¹². В это время человек начинает осознавать не только окружающий его мир, но и самого себя и свои границы. Тогда и начался переход от общества с мифологическим мышлением к такому типу цивилизации, где главными ценностями человечества стали свобода, универсализм и рациональность. Также Швырев в статье «Рациональность как философская проблема»¹¹³ относит смысловые сдвиги в античной Греции по вопросу соизмерения человека в бытии к первоначальным идеям рациональности.

Так, начиная с Античности и вплоть до Нового времени в Европе складывалась «логоцентрическая» парадигма философии. Рациональность

¹¹² Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. 2-е изд. – М.: Республика, 1991 (Мыслители XX в.). – С. 33.

¹¹³ Швырев В.С. Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 3-20.

в данной парадигме рассматривается как соответствие законам разума, правилам общепринятой логики. Иными словами, рациональность является собой способность к логичному мышлению, характерному для взятого в ракурс рассмотрения общества. Основные постулаты указанной рациональности сформулированы еще Аристотелем в виде трех основных законов классической логики – тождества, противоречия и исключенного третьего, которые легли в основу всего классического западноевропейского мышления: «Эта логика стала во всем мире на долгие годы выражением сути классической науки и, как следствие, классической рациональности, их фундаментом. Иначе говоря, на практике произошло отождествление научной рациональности и классической логики»¹¹⁴. К слову, по сей день нередко встречается такое традиционное употребление понятия рационального. В частности, российский философ А. Болдачев говорит о сведении понимания рационального к продуцированию формальных знаковых систем. «Рациональность, – пишет Болдачев в рамках дискуссионной интернет-площадки «Философский шторм», – это прежде всего однозначность, а таковая может быть установлена только относительно строго фиксированных феноменов: предметов, знаков»¹¹⁵. Философ делает своеобразное соотнесение рациональности с логичностью. Для него логичность, в отличие от разумности, характеризуется тем, что производит рациональные, нерациональные (достижимые опытным или чувственным путем) и иррациональные (интуитивные, мистические) суждения. Нужно отметить, что в этом случае человек получает набор некоторых суждений различными способами, где рациональным или нерациональным может быть накладываемая в дальнейшем на данные суждения логическая связь. Подобная граница между рациональным и нерациональным выглядит достаточно прочно вследствие опоры на способ фиксации результатов мышления, результатов познания. Таким образом, если познавательное суждение преподносится как некая данность, полученная в результате эмпирического наблюдения, чувственного

¹¹⁴ Яшин Б.Л. Рациональность и логическое мышление // Философская мысль, 2015. № 10. – С. 77.

¹¹⁵ Философия Гераклита [Электронный ресурс] // Философский шторм, 2006-2014. URL: <http://philosophystorm.org/node/1190#comment-6176> (Дата обращения: 02.09.2017).

или интуитивного восприятия, то можно заключить, что данный вывод является нерациональным способом познания. С другой стороны, если выявленному суждению предшествует логическая цепочка других суждений, то имеет смысл утверждать рациональное познание. Однако следует учесть – и это исключительно важно в переходе размышления к изучению существования рационального в идеологиях конца XVIII – XIX столетий, – что если в начале логической цепочки рассуждения стоит нерационально (или иррационально) принятое суждение, то однозначную границу между разными способами познания в данном случае провести сложно, но все же можно говорить о рациональном (т. е. логичном) выводе.

Английский идеолог Майкл Оукшотт, рассматривая такое устоявшееся понятие рациональности, утверждает, что подобный рационалист полагает свои умственные процессы максимально изолированными от окружающего мира и протекающими в некой абстрактной пустоте. Рационалисты, отмежевавшиеся от традиционных знаний собственного общества, склонны признавать общество неопытным и потому беспомощным. Вследствие этого интеллект перестает выполнять функцию критики политических обычаев и начинает подменять их собой, поэтому общественная жизнь быстро утрачивает обыденную размеренность и превращается в сплошную череду кризисов и проблем. В то же время именно рационализм, открытый веком Просвещения и господствующий вплоть до середины XX века в политической и иных сферах человеческой жизнедеятельности (образовании, науке, пр.), уже не является просто «одним из возможных стилей осуществления политики, он превратился в своего рода критерий респектабельности любой политики вообще»¹¹⁶. Однако сейчас ученые осознают неединственность классической рациональности. Таким образом, в философско-антропологической тематике разворачивается критический подход к пониманию разума как неполного и неадекватного целостному бытию,

¹¹⁶ Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи. / Пер. с англ. И. Мюрберг, Е. Косилова, Ю. Никифоров, О. Артемьева, ред. Л. Макеева, А. Толстова, М. Косилова. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 25-26.

исследователями производится необходимое включение в рациональность дополнительного морального, религиозного и философского сознания.

«Универсалистская» трактовка понятия рациональности является только одним, пусть и наиболее важным типом, который включает в себя методологические нормы и правила, например эмпирическую проверяемость, критичность, предсказуемость и пр. Б.С. Грязнов утверждает, что существующие сегодня логические теории не позволяют охватить всю область рационального в связи с тем, что в качестве основы рациональности может быть взята как классическая, так и неклассические логики (модальная, временная или эпистемическая, многозначная, логика изменения и др.).¹¹⁷ Рациональность не может сводиться к одной логичности: она включает в себя и внелогическое мышление. Логические критерии не исчерпывают множества критериев рациональности, ведь логичность только один из типов нормативности. Эмоциональные, интуитивные и ценностные факторы являются важными составляющими разумной деятельности.

Примерно к концу XIX – началу XX веков в философских кругах вектор понимания рациональности смещается. Философы этого периода сталкиваются с противоречием, замыкаясь на попытках определить рациональность по признакам научности и, наоборот, научность – через критерии рациональности. Происходит качественный переход от представлений о естественно-научной рациональности к плюрализму форм рационального, что особенно важно для понимания рационального в политике.

Для большинства философов вышеназванного периода рациональность становится ценностно-нейтральной, безоценочным понятием. Например, для М. Вебера понятие рациональности несет в себе строгий расчет средств, которые нужны для достижения поставленной перед человеком цели. Определяя целерациональный тип социального действия, он подчеркивает, что критерием рациональности является успех, а сам процесс рационализации социального

¹¹⁷ Грязнов Б.С. Логика и рациональность // Методологические проблемы историко-научных исследований. – М., 1982. – С. 14-15.

действия есть тенденция исторического процесса. Важнейший признак современного общества – это присутствие формально-рационального начала, которое характеризуется прежде всего калькулируемостью и «определяется мерой технически для него (*прим.* общества) возможного и действительно применяемого им расчета»¹¹⁸. Вебер подчеркивал, что создание идеально-типической конструкции формальной рациональности произошло в разрезе с интересами эпохи, которые поставили вопросы, что такое современное капиталистическое общество и как это общество реализует провозглашенные еще в XVII и XVIII веках идеалы, обозначенные как «идеалы разума». Для другого видного философа, Л. Витгенштейна, рациональность представляет собой наилучшую адаптированность к обстоятельствам, следование «правилам игры». В трактате «О достоверности» философ отмечает, что рациональные предположения выявляются не истинно, не по усмотрению, а в случае совместного действия, которое лежит в основе языковой игры. Витгенштейн утверждает, что «следование правилу» – некая практика. Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать лишь «приватно»; иначе думать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же»¹¹⁹. В то же время он подчеркивает разницу между «следованием правилу» и «подчинением приказу»: подобная аналогия зачастую сбивает с толку, ведь кто прав, если один реагирует на приказ по-своему, а другой – иначе? Требование Витгенштейна в данном случае заключается в необходимости признания различий. Для представителя «Венского кружка» Р. Карнапа рациональность является способностью наилучшего выбора из всех имеющихся вариантов.

В чем же состоит суть рационального в современном понимании эпистемологической проблемы? Может ли являться рациональным внутри социально-политического контекста не только актер, но и социальное действие?

¹¹⁸ Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – С. 25.

¹¹⁹ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Сост., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – С. 163.

Сегодня критерии рациональности размыты в связи с концептуальным кризисом в интерпретации этого понятия. Отказавшись от классицистского монологизма естественно-научной формы рациональности, эпистемологи приходят к вынужденной типологизации рационального, неотвратимо принимая плюрализм форм рациональности. В таком случае рассматривать ту или иную рациональность следует с «создания категориального аппарата элементарных научных форм, являющихся ее основанием»¹²⁰. В последующих главах, посвященных разным типам рациональности исследуемых идеологий, «признавая неразрывную связь категорий рационального и понятийного мышления»¹²¹, уделим большое внимание понятийным смыслам.

Итак, сегодня проблема рационального (рациональности, рационального действия, решения и пр.) – краеугольная эпистемологическая проблема, обсуждаемая уже не только в рамках философии, но и в междисциплинарном поле науки, о чем, в частности, писал В.С. Швырев: «Внимание к этой теме, проявляющееся в различных формах, можно проследить и за пределами специально-научной литературы в публицистике, литературной критике и т. д. И это нетрудно понять, поскольку речь идет об осмыслении и оценке роли и значимости «рационального начала» в современной жизни людей»¹²². Собственно, рациональность – проблема фундаментальная, ее решение всегда зависит от содержания той методологической концепции, в рамках которой она поднимается. Зачастую интенсивные дискуссии между гуманитарными философами на различные темы упираются в нее и заходят в тупик, потому что рациональное разными исследователями понимается с точки зрения той или иной парадигмы, что в итоге не позволяет оппонентам прийти к обоюдному, согласованному решению. Возможно, дело в том, что сегодня не существует

¹²⁰ Ахтямова В.А., Ефанова Э.А., Ахтямов А.М. Многозначность научной рациональности // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 23. – С. 201.

¹²¹ Власов Д.В. Проблема эволюции рационального и определения понятия как формы мысли // Вестник РУДН. Сер.: «Философия». – 2009. – № 4. – С. 42.

¹²² Швырев В.С. Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 3.

абсолютного, принятого всеми определения понятия рационального. В отечественной и зарубежной литературе по философии науки есть немало разнообразных трактовок термина «рациональность», и среди философов нет единства в понимании термина как однозначного понятия. В связи с тем, что в современной философии и методологии науки исследователи по тем или иным основаниям выделяют различные типы рациональности, к примеру А.А. Ивин – универсальную и локальную, В.С. Степин – классическую, неклассическую и постнеклассическую, термин становится даже не многозначным понятием, а размытым.

В статье М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева и В.С. Швырева, упоминание о которой уже было в начале главы, проводится разделение рациональности по шкале «классическое – неклассическое (современное)». Интересно, что философский переход к современным формам, по мнению авторов, был произведен в том числе и в связи с возникновением новых отношений в сфере социально-политической практики. Многими философами отмечается, что «тенденцией в современной эпистемологии становится исследование новых исторических теоретических форм и познавательных процедур, выходящих за рамки традиционных моделей логического и лингвистического анализа структуры научного знания»¹²³. Однако в отличие от философского мира науки в политической практике все еще властвуют формы классического мышления как мышления преимущественно «за другого».

Подводя черту, сформулируем смысл рациональности, который будет использоваться в дальнейшем в работе: рациональность как способ аргументации или, иными словами, как возможность убеждения человека в истинности его жизни. Более емко выразил схожую мысль В.Н. Порус, подметив, что рациональность можно определить как «средство достижения истины»¹²⁴. Но строго говоря, Порус, рассматривая многозначность понятия рациональности

¹²³ *Безвесельная З.В., Козьмин В.С.* Концепции взаимосвязи философии и науки в современной эпистемологии // Вестник Академии. – 2014. – № 1. – С. 91.

¹²⁴ *Порус В.Н.* Системный смысл понятия «научная рациональность» // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 85.

и, в частности, научной рациональности, также приходит к выводу, что абсолютистские, универсальные попытки привести рациональность к чему-либо строгому всегда неудачны. Следовательно, рациональность есть в первую очередь проблема, которая не допускает однозначных решений. Каждая из построенных моделей рациональности составляется в связи с разными задачами, поставленными перед теми или иными исследователями, поэтому типы рациональности могут и совпадать, дополнять друг друга, и «перемешиваться», и, разумеется, конфликтовать между собой. Таким образом, вопрос о том, возможно ли прийти к определению так называемой подлинной рациональности, оказывается неправомерным: невозможно дать четкого ответа, не находясь в рамках какой-либо рациональности.

Конструктивный подход к проблеме рационального в политических идеологиях предполагает прежде всего выход на новые уровни социального знания. Взятые временные рамки работы не случайны: именно конец XVIII – начало XIX веков – это время расцвета идеологий классического либерализма и консерватизма. В данный период и именно в контексте процесса формирования устойчивых политических идеологий образуются основные модели теоретических конструктов, причем понятие рациональности здесь становится ключевым моментом. Чтобы разобраться с современной ситуацией в политической жизни, необходимо изучить истоки вопроса. Погрузиться в проблему рационального в идеологиях можно лишь на примере самих политических действий, связанных с той или иной идеологией, с утвержденными теоретическими конструктами. Для этого попробуем разобраться с самим понятием идеологии, а также проследить произошедшие изменения в его понимании.

Множество критиков идеологии связывают данное понятие с ложью и манипуляциями, они превозносят разум и критическое мышление человека на высоту, которая должна помочь освободиться всему человечеству от наносной идеологической политики. В таком представлении идеологии по сути своей являются политическими религиями, наборами ценностей и учениями, требующими слепой веры от общества, в котором люди не могут мыслить

за пределами навязанного мировоззрения. Автором диссертации предпринимается попытка иначе понять сущность идеологии как части символического освоения мира человеком. Сегодня демократическое общество представляет публичную сферу как средоточие сосуществующих друг с другом различных человеческих практик и идей, поэтому вопрос идеологий должен рассматриваться не в определении их истинного или ложного характера, а через выявление действительности в качестве значимых исторически и социально.

Термин идеологии быстро утратил первоначальную трактовку, предложенную французом Дестютом де Траси в работе «Элементы идеологии», – наука об идеях, точнее наука о законах возникновения человеческих идей из чувственного опыта. Понятие идеологии де Траси применял в попытках вслед за Кондильяком обосновать науку о духе с позиций антропологии и социологии.

Опираясь на труды К. Маркса и К. Мангейма, многие ученые предпочитают рассматривать идеологию как противостоящее научному знанию мышление, как некий социальный феномен или даже политический миф. Идеология как «ложное сознание», представленное Ф. Энгельсом, – такое марксистское противопоставление идеологии и истины было закреплено в умах интеллигенции на продолжительное время. В «Немецкой идеологии» К. Маркс для определения идеологии оперирует заимствованным у Фейербаха понятием отчуждения. Именно отчужденные «сущности» для подчинения и поклонения обозначают саму идеологию: «Представления, которые создают себе эти индивиды, суть представления либо об их отношении к природе, либо об их отношениях между собой, либо о том, что такое они сами»¹²⁵. Маркс отмечает, что идеологии или иллюзорные представления о реальности рождаются в связи с практикой материальной деятельности индивидов. Так как материальная форма общества и обусловленные этим внутрисоциальные отношения независимы, отчуждены от человека, люди таким образом принимают в сознании сконструированные заранее представления о мире, иными словами, вводятся в заблуждение. Идеология

¹²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9-ти т. Т.1. – М.: Политиздат, 1984. – С. 19.

выступает как прием фальсификации реальной жизни в воображаемом представлении о реальности. Соответственно, можно выявить короткое определение термина идеологии у К. Маркса: идеология есть самообман, искаженный комплекс реальной жизни, общность иллюзий, которыми общество себя окружает.

К. Мангейм идет еще дальше, он объединяет марксову причину возникновения идеологии – ограниченность общества – с принципом обусловленности всего культурно-исторического сознания. Мангейм говорит об идеологии эпохи или конкретной социально-исторической группы, разбирая характер структуры мышления взятой группы или эпохи и ее своеобразие. Изучать обусловленность мышления бытия ученый предлагает, используя дисциплину социологии знания. Собственно, само понятие мышления автор исследует в разрезе функционирования его в качестве орудия коллективного действия в общественно-политической сфере жизни: «...политика может использовать свою концепцию мира в качестве орудия и <...> политика не является только борьбой за власть, но обретает свое фундаментальное значение лишь тогда, когда она связывает свои цели со своего рода политической философией, с политической концепцией мира»¹²⁶. Различные типы мышления, по Мангейму, не могут быть эффективно поняты без выявления их историко-социальных корней. Иначе говоря, мыслят не отдельно взятые индивиды, а определенные группы вырабатывают специфический стиль мышления в качестве реакции на те или иные ситуации. Идеология же Мангеймом, соответственно, понимается как создаваемые классом взгляды, некое духовное образование, в аспекте социальной обусловленности мышления бытием или способ понимания общественно-политических явлений правящим классом, признаваемый им единственно истинным.

Можно видеть, как подходы к рассмотрению сложной структуры идеологии разнятся у исследователей данной тематики. К примеру, В. Парето формулирует определение идеологии как некой словесной оболочки, задающей теоретическую

¹²⁶ Мангейм К. Там же. – С. 37

форму человеческим чувствам и оформляющей побудительные мотивы человеческого поведения. Иначе к идеологии относится М. Вебер. Предпринимая попытку систематизации многообразия форм политического господства, он воспринимает идеологию как идеальный тип – модель общества, в которой типичные действия и поведение людей соотносятся с конкретными намерениями и мотивами.

В целом можно развивать тему сложности теоретического выявления и определения истинного значения понятия идеологии. На протяжении XX века идеология зачастую несла в себе функцию обидного клейма, но и предпринимались попытки изучения как нейтрального научного понятия. О.Ю. Малинова точно подмечает, что на сегодняшний момент понятие идеологии «употребляется в столь разных смыслах, что нет никакой надежды дать ему четкое и единственное определение»¹²⁷.

В широком смысле политическую идеологию можно определить как систему концептуально оформленных представлений и идей, выражающую интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политического мира. Это функциональное определение неизбежно, поскольку идеология обладает высокой социально-политической значимостью. По мнению профессора политической философии Монреальского университета Чарльза Блаттберга, идеология представляет собой «элементы политической культуры, права, институционального дизайна и политического строительства»¹²⁸, а разница идеологических подходов состоит в определении ценностей и их соотношении между собой. Идеология совершает попытки привить принявшему ее обществу некие высшие цели, создать возможные пути их достижения, построить смыслы и базовые ценности и, главное, предложить убедительное обоснование своих принципов. Именно последнее и является рациональным в идеологическом дискурсе.

¹²⁷ Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. – 2003. № 4. – С. 31.

¹²⁸ Blattberg Ch. Political Philosophies and Political Ideologies. // Public Affairs Quarterly 15. – No. 3 (July 2001). – P. 196.

Переоценить важность рационального в идеологиях невозможно, поскольку речь идет об оценке и осмыслении происходящих действий в важнейшей социально-политической сфере человеческой жизнедеятельности. Подчеркнем, что социологизация в понимании феномена идеологии, вероятно, вызвана историческим опытом. Но прежде всего, конечно, следует отметить публикации, констатирующие смерть идеологии в современном обществе. Две самые известные работы, декларирующие заявления о смерти идеологии, это, бесспорно, «Конец идеологии» Д. Белла и «Конец истории» Ф. Фукуямы. Однако здесь в принципе неверна формулировка – в произведениях идет речь не о смерти идеологий вообще, а скорее об отмирании всех идеологических концепций кроме либерализма. Здесь ярко виден сугубо идеологический окрас тезиса о конце развития всех политических альтернативных соперников капитализму.

По прошествии нескольких десятков лет заметна иная ситуация, о чем, например, написал Вячеслав Корнев: «...мировой идеологический ринг никогда не пустует: на сцену вышли исламский фундаментализм, левый антиглобализм, радикальный правый консерватизм и другие бойцы»¹²⁹. Произошло усиление роли ряда факторов, нуждавшихся в идеологических оценках: национальные волнения, подъем культурного нонконформизма в европейских странах, кризис общества всеобщего благосостояния и пр. – все это заставило говорить уже об «эпохе реидеологизации». Фактически авторы, в частности Д. Белл, писали об исчерпанности политических практик великих идеологий XIX века. Некоторые исследователи парадоксально называют современный период концом «конца идеологии». Интересна в данном ключе позиция философа Д. Шварцмантеля, который описывает постидеологическое общество. По его мысли, это не свободное от идеологии общество, а некий переход от классических идеологий к идеологиям нового типа. Происходит такой переход в связи с тем, что в большом количестве появляются сетевые квазиидеологические движения, которые своим существованием являют, что доминирующие ранее крупные идеологии «потеряли

¹²⁹ Корнев В.В. Идеология после конца идеологии: в лабиринтах современного политического сознания / Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. № 4. – С. 53.

связь с конкретными современными проблемами»¹³⁰. Возникновение этих движений указывает не на гибель идеологий вообще, а на близость абсолютной победы неолиберализма, который претендует на позицию универсальной, глобальной идеологии.

В то же время существуют различные точки зрения на серьезные модификации сущности идеологий в современных условиях. Среди них укажем, в частности, позицию А.И. Соловьева, полагавшего, что на месте идеологов в современной политике прочно обосновались технологи и когнитариисты¹³¹, политический процесс превращается в зрелищную театрализованную постановку, а идеологии сменяются политической рекламистикой. В условиях массовизации общества идеология не может выживать в «культурном хаосе» политики, поэтому происходит ее маргинализация.

В свою очередь, автор диссертации полагает, что смерть идеологии – это невозможное положение вещей и что вряд ли реально когда-нибудь наступит прогнозируемый идеологический апокалипсис. Идеология как продукт социально-политической жизни не может умереть, а все попытки «избавиться» от идеологии являются лишь отрешением от насаждения той или иной государственной идеологии в абстрактном желании защитить права человека; «обычные люди, конечно, не проходят строгие мыслительные тесты на идеологическую искушенность, но большинство из них действительно думают, чувствуют и ведут себя в идеологически значимых и поддающихся интерпретации терминах»¹³². Хотя можно предположить, что практика идеологии может сменить позицию с агрессивной на нейтральную. Человек по природе своей придерживается тех или иных взглядов, выбирает удобную для себя позицию. Вера в высшие идеалы – будь то божественные или политические – позволяет человеку сформировать образ

¹³⁰ Шварцмантель Д. Идеология и политика. политика / Пер. с англ. Е.В. Пызиной; науч. ред. Т.И. Арсеньева. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2009. – С. 276.

¹³¹ Соловьёв А.И. Политический облик постсовременности: очевидность явления / Общественные науки и современность. – 2001. № 5. – С. 72.

¹³² Jost, J. The End of the End of Ideology // American Psychologist. – 2006. – Vol. 61. – No. 7. – P. 667.

желаемого будущего и тем самым укрепиться в мире, осознать себя как некий субъект, принадлежащий чему-то большему. Впрочем, также стоит отметить, что сегодня в ответ на попытки объявить архаизмом какую-либо классическую идеологию та реагирует скоропалительной модернизацией и встраиванием в структуры обыденного сознания при помощи воздействия современных средств массовой коммуникации. Здесь автор диссертации не согласен с позицией Мангейма о неэластичности идеологических организаций. Мангейм утверждал, что «мышление, подчиненное политической установке, не может позволить себе постоянно применяться к новому опыту»¹³³. Однако наиболее простой пример можно привести о внедрении ценностей классической консервативной идеологии по схеме массовой коммуникации Г. Лассуэла: (кто?) Президент Российской Федерации сообщает – (что?) о важности стабильности – (как?) через канал телевидения – (кому?) гражданам страны – (с каким эффектом?) с положительным эффектом. Такой однонаправленный линейный процесс прост и в то же время более чем эффективен для формирования нужных политических символов.

Даже в этом небольшом обзоре можно отметить серьезные функциональные изменения, произошедшие с пониманием идеологии у исследователей разных исторических периодов. Во взглядах Маркса идеология рассматривалась в противопоставлении с наукой, у Вебера – в противопоставлении с действительностью, у современных политических философов – во взаимосвязи со средствами массовой информации и разными формами манипулирования, что характерно для информационной эпохи. Иными словами, к настоящему моменту можно судить об изменении роли идеологии в обществе – из инструмента политической мобилизации общества, движущей силы общественного развития, она превращается в средство упорядочения множества смыслов, идей и концепций, имеющих хождение в общественном сознании. Следовательно, необходимо глубокое изучение проблемы рационального в идеологическом дискурсе.

¹³³ Мангейм К. Там же. – С. 38.

Учитывая тот факт, что рациональность при рассмотрении понятия в широком смысле так или иначе связана с осознанной деятельностью, ее можно расценивать как целесообразность, тогда «вопрос о рациональности или нерациональности некоторой деятельности приобретает смысл только после того, как указана цель этой деятельности, а ответ на него можно получить лишь после достижения цели (или отказа от ее достижения)»¹³⁴. Иначе говоря, использование понятия рациональности подразумевает оценку деятельности субъекта с точки зрения полученного результата и таким образом, по факту, является относительным выводом, так как то, что неоспоримо принимается как рациональное в отношении одной достигаемой цели, может стать нерациональным и даже иррациональным в отношении другой, «неэффективным при достижении другой цели и даже мешать ее реализации»¹³⁵.

Существует точка зрения (Дж. Ролз, Ю. Хабермас), что рациональность заключается в универсальных истинах, обязательных для всех, независимо от историко-культурного контекста, однако, по мнению автора диссертации, феномен рациональности обладает неразрывной связью с той или иной культурой. Более того, рациональность в том или ином ее виде является порождением вполне определенной культуры. Этот вывод опирается на определение рациональности как ценности культуры, данное В.С. Швыревым: «Рациональность выступает как определенная культурная ценность, реализуемая в определенных нормах человеческого поведения»¹³⁶. А рациональное же поведение в таком случае можно определить как успешный выход из возникающего положения в непреложно заданных рамках внешней социальной детерминации: «Иначе говоря, рациональность в деятельности связывается исключительно с целесообразностью,

¹³⁴ Никифоров А.Л. *Философия науки: история и методология*. – М.: Дом интеллектуал. кн., 1998. – С. 248.

¹³⁵ Андрески С. Самое уязвимое место: понятие рациональности // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. – 2011. – № 1. – С. 211.

¹³⁶ Швырев В.С. *Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования*. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 3.

но не с целеполаганием»¹³⁷. Человек изначально не единственен, он не может быть самодостаточен без включения в историю и культуру, так как он рождается не оторванным от корней. Таким образом, с детства, имея на плечах груз наследственного и отпечаток определенной культуры, он может только рационально встраиваться в уже существующий, сложившийся годами порядок. В том же ключе трактует понятие рациональности А.И. Ракитов: «Рациональность понимается как система замкнутых и самодостаточных правил, норм и эталонов, принятых и общезначимых в рамках данного социума для достижения социально-осмысленных целей»¹³⁸. Иными словами, рациональность всегда связана с социальным контекстом. Именно сущность социального диктует саму необходимость использования рациональности. Можно отметить, что подобное, основанное на веберовской концепции, ценностное определение рациональности несколько гипертрофировано учеными в рамках исследования социокультурных и общественно-политических аспектов. Однако следует отметить, что именно такая трактовка рациональности максимально полезна, а следовательно, и наиболее приоритетна в вопросах политического дискурса.

Ранее высказывалось утверждение, что рациональность являет собой способ обоснования человеческой жизни. Можно ли в таком случае заявить, что рациональность всегда субъективна? Технически да, ведь каждый человек мыслит по-своему, своеобразно. Современный мыслящий человек представляет свое Я как нечто самостоятельное, цельное и четко отграниченное от окружающего мира. Субъективность в данном случае понимается как основополагающая категория, устанавливающая общий принцип существования человеческой реальности. Однако существует немало социологизаторских концепций, в рамках которых сущность человека определяется как продукт общественных отношений. Действительно, для того чтобы жить в обществе, необходимы некие взятые за основу общие нормативные установки: будь то негласные своды шаманских

¹³⁷ Швырев В.С. Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности / Отв. ред. В.А. Лекторский. Т.1. – М., 1995. – С. 10.

¹³⁸ Ракитов А.И. Рациональность и теоретическое познание // Вопр. философии. 1982. № 11. – С. 69.

правил, религиозные догмы или законодательные акты – это проявления рациональности социальной детерминации. Политическая же идеология в первую очередь отражает ценностные интересы той или иной группы ее создателей. Одной из функций идеологии в политическом пространстве является легитимизация власти, иными словами, рациональное оправдание деятельности правящей элиты. Поль Рикер отмечал, что «идеология должна преодолевать напряжение, которое характеризует процесс легитимации»¹³⁹. Легитимация является одной из функций идеологии, но, по Рикеру, даже большим значением обладает функция интегративная. Философ убежден, что любая человеческая общность обретает прочность и устойчивость из-за существующего долговременного образа, который она создает о себе самой. Роль идеологии в этом случае заключается в служении посредником в коллективной памяти, чтобы ценность образа стала объектом веры.

Возвращаясь вопросу легитимации, подчеркнем, что, конечно, любая признанная на государственном уровне идеология является апологией существующего строя, своеобразной защитой статус-кво, и в этот период она является рациональной. Однако может ли система ценностей политической группы «потерять» свою рациональность после ее политического краха? В таком случае мы получим утверждение, что идеология находится в двух взаимоисключающих позициях, а это парадокс, который невозможно изучать с философско-мировоззренческой точки зрения и здравого смысла. Таким образом, в поле рассмотрения остается первое утверждение, что всякая политическая идеология рациональна. Кроме того, целью существования политической идеологии является реализация некоего идеала, и для возможности претворения ее принципов в жизнь необходимо вовлечение в нее как можно большего количества людей. И если они убеждены, что принципы политической идеологии разумно обоснованы, и верят в правильность идеологических постулатов, то можно утверждать, что для этих людей идеология и рациональное сливаются воедино. Если рациональность определить как акт раскрытия горизонта миропонимания, то идеология есть способ

¹³⁹ *Ricoeur, Paul, Lectures on Ideology and utopia.* – Columbia University Press, New York, 1986. – P. 13.

определения границ. В таком случае политические идеологии можно охарактеризовать как понятие надсубъективной рациональности. Речь здесь идет о своеобразном Сверх-Я или иначе «океаническом чувстве», «чувстве неразрывной связи, принадлежности к мировому целому»¹⁴⁰. Приведенная цитата Зигмунда Фрейда, конечно, относится к его объяснению религии, а не идеологии, однако автор диссертации полагает, что именно фрейдистская логика поможет прояснить определение политической идеологии как понятия надсубъективной рациональности.

Как уже отмечалось ранее, идеология призвана снимать напряжение, которое сопутствует процессу легитимации. Однако это не объясняет, почему многие политические идеологии могут сосуществовать вместе в одном общественном пространстве. По Фрейду, в человеке противоборствуют два инстинкта: влечение к жизни и влечение к агрессии, а в обществе сочетаются общинные связи (или групповые идентификации) и насильственное принуждение. Цивилизация, иначе – культура, стремится преодолеть агрессивное стремление человека за счет собирания людей в единства: «Процесс этот (*прим.*: культурный процесс) состоит на службе Эроса, желающего собрать сначала отдельных индивидов, затем семьи, племена, народы, нации в одно большое целое, в человечество».¹⁴¹ Для преодоления агрессивных влечений человека культура использует соответствующие психические реакции, выраженные в методах групповых идентификаций. Политические идеологии, как и религиозные системы, таким образом, выступают частностями общего культурного процесса, которые также «склеивают» атомизированных членов в единое общество. А существование многих идеологий в одном политическом пространстве удовлетворяет второй изначальной инстинктивной предрасположенности человека – влечению к агрессии; приверженцы одной идеологии направляют агрессивность

¹⁴⁰ Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – С. 85.

¹⁴¹ Там же. – С. 147.

на находящихся за пределами своего круга представителей иных политических взглядов.

В переписке с Эйнштейном Фрейд приходит к мнению, что «любые попытки заменить грубую силу властью идеалов в современных условиях фатально обречены на провал»¹⁴². В данном случае Фрейд говорит о человечестве в целом, утверждая невозможность преодоления биологического инстинкта к насилию и агрессии. Одновременно с этим Фрейд подчеркивает: «Идеальным состоянием для общества является, очевидно, ситуация, когда каждый человек подчиняет свои инстинкты диктату разума. <...> Однако природа вещей такова, что это не более чем утопия»¹⁴³.

Таким образом, идеологии все же являются формулой косвенного метода устранения войны, так как продуцируют чувство общности между людьми. Иначе можно сформулировать так: «океаническое чувство» необходимо обществу, чтобы не допустить проявления беспорядочной агрессии внутри него. Идеология может быть признана людьми рациональной, если она логична и коррелируется с идеей создания лучшего будущего для общества. Тогда политические действия, проводимые представителями этой политической идеологии, будут благосклонно приниматься обществом, гармонично встраиваясь в их собственную картину миропонимания. Если не рассматривать отдельно каждый постулат той или иной политической идеологии с целью препарирования его на соответствие некоей объективной рациональности, можно утверждать, что при принятии верных политических решений любая идеология для ее последователей рациональна. По Мангейму, мышление неизбежно обусловлено теми или иными социальными факторами. Отсюда следует, что принципиальной разницы между следованием заповедям, призывом вернуться в Золотой век и принятием Конституции нет – все эти действия рациональны для каждого конкретного круга единомышленников. Таким образом, рациональная политическая идеология не претендует

¹⁴² Истоки войн. Переписка между Э. Эйнштейном и З. Фрейдом // Экология и жизнь. – М.: 2003, № 5. – С. 8.

¹⁴³ Там же. – С. 10.

на объективность и является не истинной идеологией, а лишь той идеологией, что основана на критериях объединения людей, взятых в перспективе определенной социально-политической ситуации, и сдерживания приступов агрессии.

Также стоит отметить, что неслучайно в дальнейшем в тексте диссертации будет идти речь только о либеральной и консервативной идеологиях. Собственно, идеология социализма исключена из рассмотрения и анализа именно из-за утверждения существования инстинкта насилия, о котором пишет Фрейд. Дело в том, что внутри и либерализма, и консерватизма помимо культурного объединяющего момента в том или ином виде присутствует неравенство или конкуренция, которые позволяют сохранить хотя бы возможность воплощения влечения к агрессии. В то время как социал-демократическая идеология, как переходный этап к коммунизму, предполагает отказ от какого-либо насилия в принципе. Общество при реализации данной политической доктрины сможет существовать только на этапе своего культурного строительства, дальнейшее его существование представляется утопией.

1.2. Особенности рациональности политической философии эпохи Просвещения

Чтобы рассмотреть проблему рационального в политических западноевропейских идеологиях конца XVIII – начала XIX веков, необходимо прежде понять рациональность предшествующей эпохи Просвещения. Именно в это время были сконструированы основные рациональные звенья, которые позже были использованы политическими деятелями и философами Нового времени. Классическая рациональность Просвещения – это идейно-мировоззренческие основы классического западноевропейского сознания, сформулированные в форме четких и ясных концептуальных смыслов и категорий: «Именно в русле европейской цивилизации Нового времени и Просвещения с ее, признаем, ограниченным и односторонним рационализмом сформировалась и развилась традиция *свободной ответственной самосознающей мысли*, не подчиняющейся давлению внешних сил»¹⁴⁴. Собственно, и сегодня естественно-научная форма рациональности, главенствующая в эпоху Просвещения, при всей ее однобокости является широко распространенной и используемой в виду того, что «с Просвещением, с его кульминацией в виде Американской и Французской революций мы связываем возникновение современного общества»¹⁴⁵. Именно непреходящая ценность – формирование теоретического рационально-рефлексивного сознания – позволила говорить о коренном сдвиге в развитии цивилизации.

Мишель Фуко утверждает, что «тип рациональности, представляющий собой одну из самых существенных черт современной политической рациональности, развился в XVII и XVIII веках на основе общего представления о "государственном разуме"»¹⁴⁶. Фуко рассматривает «государственный разум» как некую технику,

¹⁴⁴ Швырев В.С. Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. – 1997. № 1. – С. 109.

¹⁴⁵ Европейская политическая мысль XIX века / Отв. ред. И.К. Пантин, И.И. Мюрберг. – М.: Наука, 2008. – С. 11.

¹⁴⁶ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – С. 363.

образующуюся по установленным правилам, которые включают в себя не только традиции и обычаи, но и определенный способ разумного познания. Появление в вышеназванном периоде подобного представления стало возможно после разрыва с двумя существующими на тот момент незыблемыми традициями – с христианской традицией и с теорией Макиавелли. В соответствии с европейским пониманием политической власти управлять государством можно только при условии уважения целой системы законов – божественных, естественных и человеческих. Макиавелли же ставит основной задачей определение связи между Государем и государством. Для политических деятелей XVII-XVIII столетий стал важен поиск других начал управления: в первую очередь их начинает интересовать вопрос «что есть государство?», а идеи естественного или божественного предназначения человека и вопрос об отношениях между Государем и подвластной ему территорией уходят из поля их рассмотрения. Теперь речь в политическом поле идет о поисках иных способов укрепления государства. Наступившая эпоха «освободила людей от внутренних ограничений в действиях»¹⁴⁷. Фуко подчеркивает, что «разум государства не отсылает ни к мудрости Бога, ни к разуму или к стратегиям Государя. Он соотносится с государством, с его собственной природой и собственной рациональностью»¹⁴⁸. Эта новая политическая рациональность, как пишет Фуко, впервые обнаруживается в связи между политическим процессом как практикой и политикой как знанием. То есть если в платоновском полисе правителем должен быть философ, а христианская модель диктовала верховенство теократического государства, то теперь в систему государственного управления входит политик. Причем теперь он не должен быть просто добродетельным, для того чтобы управлять другими в рамках государства, он «должен быть способен опираться

¹⁴⁷ Мельников В.В. Поведенческие основы неконкурентной рациональности // Terra Economicus. – 2011. – Т. 9. – № 1. – С. 34.

¹⁴⁸ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – С. 366-367.

на компетентность и на особое политическое знание»¹⁴⁹. Это политическое знание дается человеку не через всеобщий разум и волю – популярные идеи классического рационализма в эпоху Просвещения, – для управления политик должен обладать специальными техниками.

В таком случае не будет неверным вывод о том, что все деятели эпохи Просвещения и раннего Нового времени были классическими рационалистами в политической философии, хотя эпистемологически далеко не все они стояли на рационалистических позициях. Всех крупных мыслителей того времени объединяет общая логика и общая рациональность, что помогает им противостоять друг другу на одном политическом поле. Этот момент отметил Э. Кассирер: «Если мы хотим понять направление, в котором движется социальная наука XVII и XVIII вв., если мы хотим получить отчетливое представление о новом методе, который развивается в этот период, то нужно рассматривать их в непосредственной связи с одновременным развитием логики»¹⁵⁰. В период расцвета философии эпохи Просвещения развивающийся рационализм перманентно утверждался в борьбе с иными гносеологическими концепциями: эмпиризмом, сенсуализмом, скептицизмом, романтизмом. В частности, недовольство сугубо логическими критериями расцветающего рационализма отмечали деятели шотландского Просвещения, первые консервативные мыслители и представители течения романтизма, хотя, подчеркнем, что все они оставались рационалистами в познании политического.

Рационализм стал господствующим в политическом мышлении XVII-XVIII вв. Разум познающего субъекта – центральная категория эпохи. Так в чем же заключаются классические представления о рациональности, которые восходят к эпохе Просвещения? Классическая интерпретация рационалистической традиции заключается в представлении индивидуальной свободы разумного человека. Сформулирован основной принцип рационализма был Рене Декартом. Знаменитый «*cogito ergo sum*» – фундаментальная установка в рациональной теории познания,

¹⁴⁹ Там же. – С. 367.

¹⁵⁰ Кассирер Э. Философия Просвещения. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 278.

заклучавшаяся в возможности индивидуального человека руководствоваться только силами собственного разума. Главным критерием достоверного знания Декарт утвердил ясность предпосылок, явленных человеческому разуму¹⁵¹.

Собственно, при первом взгляде на исследование проблемы рационального в политической философии эпохи Просвещения вспоминается общеизвестная статья И. Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?», опубликованная в конце XVIII столетия в «Берлинском ежемесячном журнале». Девиз «*Sapere aude!* – имей мужество пользоваться собственным умом!»¹⁵² часто используется по сей день в популярной литературе для доказательства соотнесенности или даже равенства философских смыслов, открытых Просвещением, и разума. Классический рационализм эпохи Просвещения часто приравнивают к объективной разумности вне морали, вне чувств и вне традиций. Множество ученых утверждают, что Просвещение определяло в своих концепциях рациональность как нечто тождественное разуму, который должен был отвергнуть традиции и предрассудки и не опираться на опыт предшествующих поколений. В таком случае понятна влияние идеи абсолюта разума, устанавливающего догмы для всего общества через идеи прогресса, свободы, справедливого и разумного социального устройства. Просвещенческий культ разума привел к идее подчинения универсальному идеальному началу не только общественного строя и государственных учреждений, но и полностью жизни людей, их общественных нравов, морали и обычаев: «...история, общественное устройство, общественные институты, верования и человеческое общение должны быть построены на разумных основаниях, быть рациональными. В этом смысл идеологии и деятельности Просвещения»¹⁵³. Произошло своеобразное очищение разума от всех ненужных примесей. Освобождаясь от средневекового мышления,

¹⁵¹ См.: *Декарт Р.* Рассуждения о методе: С приложением «Диоптрика», «Метеоры», «Геометрия» / Ред., пер., статьи и коммент. Г.Г. Слюсарева и А.П. Юшкевича. – Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

¹⁵² *Кант И.* Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. [Статьи. Лекции. Избранные письма. Из рукописного наследия] / Под общ. ред. проф. А. В. Гулыги. – М.: Чоро, 1994. – С. 29.

¹⁵³ *Касавин И.Т., Сокулер З.А.* Рациональность в познании и практике. Критический очерк. – М.: Наука, 1989. – С. 10.

«ответственность за нравственный порядок в мире, честь и бремя решений относительно целей, смысла человеческой жизни берет на себя разум»¹⁵⁴.

Таким образом, в XVII столетии теоретико-познавательная тематика для философов стала центральной. Основателями классической рационалистической традиции, которая нередко нарекается естественно-научной формой рациональности, можно по праву считать Декарта, Лейбница, Ньютона, Галилея и пр. Утверждая примат разума, мыслители полагали, что весь мир устроен по логико-математическим принципам. Следовательно, рациональность эпохи Просвещения являлась средством легитимации науки. Собственно, классическая рациональность обладает следующим набором особенностей, которые выделил В.А. Лекторский: наукоцентризм, о чем было уже сказано выше; критицизм – в плане критики сложившихся ранее метафизических систем, т. е. используется антидогматический подход к всяческим авторитетам; фундаментализм и нормативизм – сама рациональность выступает в качестве способа обоснования и узаконения новой науки; субъектоцентризм – существование субъекта является единственным самосознаваемым фактом, все внешнее – опосредованно. Таким образом, «Просвещение создает «расколдованный» мир, который целиком и полностью подчиняется единым физическим законам или в том, что касается человеческих обществ, единым механизмам поведения»¹⁵⁵. Антропоцентризм в различных вариациях пришел на смену ранее главенствующему теоцентризму. Немыслимая ранее способность человека и общества к развитию и реформированию появилась в процессе разрыва с традиционалистской формой легитимации общественных связей. Постхристианская европейская цивилизация приняла и прочно закрепила в себе особый статус рефлексии, в условиях которого человек находил новые истины, используя альтернативные смыслы.

¹⁵⁴ *Андреева П.В.* Взаимодействие науки и нравственности в контексте становления новой рациональности // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 311. – № 7. – С. 38.

¹⁵⁵ *Тодоров Ц.* Дух Просвещения / Пер. с франц. В. Божовича. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – 120 с. – С. 8.

Ориентированная на естественно-научное познание рациональность в силу своего проектного характера повлияла и на социально-политический мир. Исходя из эпистемологических особенностей рациональности Просвещения становятся понятны и объяснимы появляющиеся в политико-философском пространстве идеи индивидуализма, универсализма и свободы. Эти идеи сформировали то политическое проблемное поле, на котором в дальнейшем родились идеологии либерализма и консерватизма.

Принятие нового понятия индивида является переходом к абсолютно новой парадигме мышления в политической философии. В центре мира основополагающим становится человек, руководствующийся в поведении исключительно собственным разумом и волей. М.М. Федорова указывает: «Индивидуалистическое видение мира не только управляет развитием политических идей всего Просвещения, формирует дискурс французской революции, фиксирует отношения людей в декларациях прав, принятых американскими и французскими революционерами, но и вообще представляет собой магистральную линию развития политической мысли, совпадающую с логикой Современности: современно такое отношение к миру, при котором человек заявляет о себе как о силе основания (своих поступков и представлений, основания истории, истины, закона)»¹⁵⁶. Рациональной особенностью философов Нового времени, например Локка, Гоббса, Спинозы или Руссо, становится рассмотрение связи между политической мыслью и конкретным индивидом. Несмотря на то что их политические концепции различны, для них человек является основополагающим субъектом политического пространства за счет обретения свободы в действии разума. Осуществление же свободы ограничивается требованием универсальности, которая воплощается в провозглашенных правах человека.

Все вышеперечисленные моменты, характерные для рациональности XVII-XVIII вв., в том числе и отмеченный Фуко особый тип политического знания,

¹⁵⁶ Федорова М.М. *Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций* / М. Федорова. – М., ИФ РАН, 2005. – С. 10.

формируемый на стыке политики как практики и политики как знания, привели к разработке фундаментальных концептуальных схем. В частности, были разработаны теории общественного договора, правового государства, гражданского общества и многие другие. Главным образом, эти концепты были сформулированы, чтобы «ответить на главные вызовы Современности: обоснование автономии сферы политического, изменение шкалы ценностных установок, выявление сущности и функций нового формирующегося типа государства – суверенного государства-нации»¹⁵⁷. Выдающиеся представители классической формы рациональности проделали колоссальную работу по объективизации теоретических идей, чем и воспользовались политики, с помощью подобных очищенных понятий выведя основные принципы социального и государственного строительства. К сожалению, теоретические выкладки просветителей-философов оказались малопригодными для практического политического пространства. Например, говоря о модели государства, основанной на общественном договоре, нужно иметь в виду, что это абстрактная теоретическая модель, не имеющая ничего общего с реальным политическим положением дел. Само понятие общественного договора принадлежит «механицистской картине мира и общества, которой присуще почти религиозное преклонение перед сведением сложного к простому»¹⁵⁸. В действительности же при столкновении революционных деятелей с практическим политическим миром подлинное общество предстало как нагромождение несправедливостей и несовершенств, поэтому радикальное переустройство его в соответствии с идеальной разумной моделью не представляется возможным.

Великая французская революция показала, что человек не может действовать в точном соответствии со своими рациональными представлениями, сколь бы

¹⁵⁷ Федорова М.М. Политическая рациональность: к становлению новых эпистемологических оснований политической науки. Специальный выпуск «История и философия науки»: прил. к журн. «Философ. Науки» / М.М. Федорова. – М.: Гуманитарий, 2009. – С. 7.

¹⁵⁸ От абсолюта свободы к романтике равенства (Из истории политической философии). – М., 1994. – С. 36.

хороши и правильны они ни были. Недовольство абстрактностью теорий, излишним рационализаторством подтолкнуло философов к поиску иных возможностей выхода из политически непростой сложившейся ситуации. В данный период эмпирическим путем выясняется, что и сам разум, и его функции в социально-политическом пространстве можно понимать по-разному и выстраивать на этой основе разные политические стратегии. Анализирующий позже социальную рациональность М. Вебер выявил два типа рациональных действий: целерациональное, которое определяет классический тип, так как ориентировано исключительно на успешное достижение цели, и ценностно-рациональное, нацеленное не на успех в итоге, а на некую ценность в процессе. В то время как целерациональное действие позволяет «освободиться от ценностей» и достигается использованием логических, идеальных конструктов, ценностно-рациональный тип поведения может быть соотнесен со сферой восприятия человека, с чувственными, этическими или религиозными установками. К примеру, такие «медиумы»¹⁵⁹ рациональности, как поиск счастья и любви, верность собственному слову или традиция наследования ремесла полностью отрицают целерациональную парадигму, являясь по сути ценностно-рациональным действием. Либеральные мыслители сделали ставку на целерациональный тип социального действия, укладывающийся в систему классической рациональности эпохи Просвещения, тогда как консервативные – на тип ценностно-рациональный. Подробнее об этом в следующих главах диссертации.

В настоящее время проводится большое количество научных диспутов, выпускаются монографии по вопросам, связанным с эпохой Просвещения. В юбилейном докладе Римского клуба 2018-го года с символическим названием «Come on! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты»¹⁶⁰ категорично выдвигается мысль о спасении человечества путем перемены сознания. Ученые клуба озадачены поиском идеи «нового Просвещения»

¹⁵⁹ Понятие из книги: Рациональность на перепутье. В 2-х книгах. Кн. I. / Под ред. В.А. Лекторского – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 237.

¹⁶⁰ Weizsaecker, E. von. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet / E. von Weizsaecker, A. Wijkman. – Springer, 2018. – 220 p.

в фундаментальной трансформации человеческого мышления, которое должно в результате привести к новой ценностной парадигме. Интересно, что авторы заявляют о развитии нового Просвещения, как они пишут – «Просвещения 2.0», не на европоцентристских позициях, а путем баланса между Востоком и Западом. Представители Римского клуба делают акцент на необходимости развития гуманизма в отрыве от концепции антропоцентризма, под которой понимается эпоха, когда деятельность человека является определяющей для всей планеты в целом. Ученые подчеркивают, что к философии нового Просвещения необходимо прийти всему миру как можно скорее: для этого возможны действия на государственном, местном или национальном уровнях, а также сам индивид может стать катализатором для социального изменения и эволюции.

Во второй части доклада «Come on! Не цепляйся за устаревшую идеологию» Римский клуб выражает надежду на изменение мировоззрения человечества путем примирения противоположностей, достижение баланса между фундаментальными науками и религиозными и идеологическими установками. Ученые подчеркивают важность развития экологического сознания, отмены восприятия прогресса как самооценности, изменения типологии деятельности как мужской и женской. В политико-правовой сфере авторы признают личную автономию индивида и одновременно учет общего блага за счет государственного вмешательства в экономические дела, а также утверждают идеи государственных механизмов по обеспечению социальной справедливости и позитивного значения религии. Если говорить об образовании, то сегодня доминируют редуccionистское мышление и фрагментация знания, что пагубно отражается на базовом акте познания – взаимодействии исследователя с объектом. Интеллектуалы клуба подчеркивают необходимость правильного образования молодежи исходя из плюрализма содержания, утверждения универсальных ценностей, уважения к культурным различиям и культивации интегрального мышления.

Таким образом, можно подвести итоги первой главы. Проблема рационального в политических идеологиях на сегодняшний момент широко не освещена. Одним из предполагаемых объяснений данного феномена является

некая мнимая самоочевидность понятия рациональности применительно к политическому полю. Трудности в понимании сути проблемы и определении понятий политической рациональности и идеологии связаны с современным контекстом. В работе подчеркивается необходимость прояснения их смыслов в политической философии, тем более что в философии активно ведутся масштабные дискуссии о рациональности, ее типах и включении ее в круг изучения ранее отбрасываемых, считавшихся вне- или нерациональными идей и смыслов, а в политике – не менее масштабные дискуссии об идеологии, ее роли и функциях. Автором диссертации предлагается определение политической рациональности как способа аргументации, рациональное в идеологическом дискурсе в таком случае – способ осмысления и принятия происходящих действий в социально-политической сфере человеческой жизнедеятельности.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОГО В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ

2.1. История становления и формирования либерализма

Идеология либерализма сегодня ассоциируется с привычными для современного политического лексикона категориями, в первую очередь с идеями самоценности отдельной личности, индивидуальной свободы, частной собственности, с принципами разделения властей, свободного рынка и конкуренции. Либерализм – это довольно гибкое идейно-политическое течение, рассматривая которое можно отметить разнообразие оттенков и множество противоречий. Каждый исторический виток развития с собственными специфическими вызовами и социально-политическими вопросами оказывает влияние на идеологию, а потому исследуемый либерализм, чьи идеи по сей день лежат в основе взаимоотношений человека и общества, подлежит регулярной переоценке и теоретической реконструкции. Стоит отметить, что при каждом новом витке исторического развития основные установки и идеи либерализма раскрываются, дополняются, но по факту являются устойчивыми к изменениям.

Истоки либерального мировоззрения лежат в Ренессансе, однако свое облачение в общественно-политическую доктрину они получили в XVIII столетии. В самом начале развития либерального мировоззрения мыслители бессистемно искали новые подходы к организации общества, и только по истечении времени их можно связать в единое либеральное движение. Собственно, сегодня к либерализму относят различные, зачастую даже не согласующиеся между собой, идейно-политические учения, которые исторически развились из рационалистической и просветительской критики. Объединяет эти не соотносящиеся концепции причастность «к идее политического освобождения – идее, впервые ставшей в Новое время насущной (практической) необходимостью для огромного числа людей, представителей самых разных слоев христианских

обществ»¹⁶¹. К раннему либеральному течению можно отнести и участников английской революции XVII века, и представителей Славной революции 1688 года. Первой формой либерального движения, которая стала реальной политической силой, являлось течение английских философов-радикалов конца XVIII столетия. Но ключевым, поворотным моментом в формировании либеральной концепции как идеологии стоит считать Великую французскую революцию конца XVIII столетия.

XVIII век занимает особое место в европейской истории и, о чем уже говорилось в прошлой главе, наиболее известен как эпоха царствования идей классического рационализма – эпоха Просвещения. Американский ученый С. Пинкер, пытаясь определить границы Просвещения, пишет: «Нет никакого официального ответа, потому как эра, обозначенная в эссе Канта, никогда не ограничивалась церемониями открытия и закрытия, такими как Олимпийские игры, и ее принципы не были обозначены клятвами или верой. Эпоха Просвещения намеренно помещена в последние две трети XVIII-го века, хотя вышла из научной революции и века Разума XVII-го века и перешла в период расцвета классического либерализма первой половины XIX-го века»¹⁶². Следует отметить, что в своей книге Пинкер исследует идеи Просвещения – Разум, гуманизм и прогресс – как сугубо либеральные.

То, что либеральная идеология является продуктом вышеназванной эпохи, исторически неоспоримо. Однако можно ли говорить о прямом «рождении» политической идеологии либерализма из просветительских идей, или в связи этих интеллектуальных традиций кроется что-то большее, нежели «родительская» связь. В любом случае нужно попытаться выявить основания и механизмы понимания, определяющие прорастание политической идеологии из философских идей Просвещения.

Зачастую авторы научных текстов проводят прямую параллель между Просвещением и либерализмом (ранним или классическим). Например, ранее

¹⁶¹ Мюрберг И.И. Либерализм и проблема современной свободы: между утилитаризмом и кантианством // Философские науки. – 2010. – № 4. – С. 64-77.

¹⁶² Pinker S. Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. – New York: Viking, 2018. – P. 24.

упомянутый С. Пинкер или один из авторов монографии «Общественно-политическая мысль европейского Просвещения» А.В. Тырсенко, который без пояснений использует выражение «либеральная идейная традиция Просвещения»¹⁶³. Подобные соотнесения понятий, так как некоторые идеи просветителей, таких как Вольтер, Д. Юм, Ж.-Ж. Руссо, А. Смит, И. Кант, легли впоследствии в основание либеральной идеологии.

Между Просвещением и ранним либерализмом действительно существует прочная связь: рассматриваются одни и те же вопросы, в частности права человека, религиозная толерантность, свободная торговля и т. д., а также употребляются некие общие для течений категории и смыслы. Более того, «связь между Просвещением и либерализмом более интимна, чем между Просвещением с одной стороны и консерватизмом и социализмом с другой»¹⁶⁴, в частности, потому, что либерализм сформировался по времени раньше других идеологий, которые, в свою очередь, явились критической реакцией на появление либерального течения. Именно либерализм стал исторически первой общепризнанной идеологией в процессе становления современного политического поля. О возможности логичного отождествления идей Просвещения с либерализмом писал Б.Г. Капустин, отметив, что понятия неправильно рассматривать вообще, в неких общих смысловых конструкциях – необходимо акцентировать внимание на исследовании «тех или иных версий Просвещения, с которыми и устанавливается связь тех или иных версий либерализма»¹⁶⁵.

Логичным в таком случае кажется очертить круг репрезентативных авторов эпохи Просвещения, которых уже в современности соотносят с истоками либеральной теории, и сравнить их с либеральными теоретиками начала XIX века. Однако в связи с проблематикой работы показательнее будет провести анализ

¹⁶³ *Общественно-политическая мысль европейского просвещения* / МГУ им. М.В. Ломоносова; под ред. Н.М. Мещеряковой – М.: КН.ДОМ, 2002. – С. 126.

¹⁶⁴ *Европейская политическая мысль XIX века* / Отв. ред. И.К. Пантин, И.И. Мюрберг. – М.: Наука, 2008. – С. 12.

¹⁶⁵ *Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе.* – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – С. 261.

общих смысловых рациональных конструкций, которые прояснят связь Просвещения с либерализмом. Попытка раскрытия проблемы рационального в главе будет отражена через анализ трансформации просвещенческих идей в становлении либеральной идеологии.

Любая политическая идеология может быть раскрыта и объяснена только исторически, в связке с действующими на момент исследования экономическими и общественно-политическими явлениями. Политические идеи формируются в рамках определенных обстоятельств и несут в себе решения общественных потребностей, их вызвавших. Таким образом, изучение либеральной мысли нельзя проводить в отрыве от исторических условий и философской среды, в которых та зарождалась. В Возрождении произошло так называемое «расколдование» мира, фундаментальный сдвиг в научной и философско-антропологической сферах. В рамках классической рациональности философы начинают представлять объективный мир «в формах некоторого деятельного бытия, которое проявляет, «ведет себя» аналогично тому, что самосознательно создается человеком на рациональных основаниях, наглядно и непрерывно связывающих цель и средство, результат и действие, реализацию и замысел»¹⁶⁶. Следовательно, в поле политического пространства мыслителями Просвещения были сконструированы определенные смыслы, тот концептуальный аппарат, который был использован в дальнейшем формировании западноевропейской политической жизни. По мнению дореволюционного поколения мыслителей, путь развития общества лежал через овладение собственными рациональными способностями.

В научно-философских текстах XVII-XVIII веков изучение явлений действительности проводится изначальным прояснением содержания внутренних представлений, фиксирующих эти явления. Классическая идея постижения мира, упорядоченного собственным разумом, с очевидностью в политическом пространстве преобразуется в идею простого и рационального устройства общества. В кругу таких идей развивались теории рациональных форм мысли

¹⁶⁶ Философия в современном мире: Философия и наука: Критич. очерки буржуазной философии / Редкол.: Л.Н. Митрохин и др. – М.: Наука, 1972. – С. 37.

и концептуальные схемы для познания социально-политического среза человеческих взаимоотношений, характерные для Нового времени.

Происходило переосмысление сути политического, в частности сущностей государства и общества, выработка ценностных установок и функций. Политические концепции таких философов Нового времени, как Гоббс, Локк, Спиноза или Руссо, не схожи между собой, однако их общей мыслью является признание человеческого разума как регулятивного принципа нравов политической действительности. Собственно, такое представление, где человеческая мысль – источник любой деятельности в объективном мире, является основой политической рациональности эпохи Просвещения. Постхристианская европейская цивилизация приняла и прочно закрепила в себе особый статус рефлексии, в условиях которого человек находил новые истины, используя альтернативные смыслы: «По мере упрочения в европейской культуре рефлексии нового типа в политической жизни западных стран складывались условия для "золотого века либерализма"»¹⁶⁷.

В проблемном поле вопросов рациональной перестройки политических институтов появились теория естественного права, исходящая из представления о равенстве людей с их рождения и идеологически обосновывающая требования индивидуальных свобод, и теория общественного договора, согласно которой государство – это уже не привычное для Средневековья божественное установление, а гражданский институт, возникающий посредством заключения договора между населяющими одну территорию людьми. Следует подчеркнуть, что, хотя идея естественного права существовала и в античности, там ее понимание строилось на понятии «природы как гармонии и соразмерности, управляющей не только движением звезд, сменой времен года, климатическими явлениями, растительными и животными формами, но также и социально-политическими институтами. Сформулированное Новым временем понятие естественного права

¹⁶⁷ Мюрберг И.И. Цикличность либерализма: политико-философский анализ // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. – 2013. – № 6. – С. 96–106.

во многом означало разрушение классического естественного права»¹⁶⁸. Связано это различие в исторических дефинициях понятия с переходом от теоцентризма к антропоцентризму. Немыслимая ранее способность человека к развитию и реформированию появилась в процессе разрыва с традиционалистской формой легитимации общественных связей. Первым ярким политическим шагом здесь можно отметить изданный в 1679 году в Великобритании парламентский «Акт о лучшем обеспечении свободы личности и о предупреждении заключений за морем». Именно с этого момента за человеком признается и ему гарантируется индивидуальная свобода. Акт *habeas corpus* устанавливает за человеком право на личную неприкосновенность, если быть точнее, на неприкосновенность тела. Все же индивидуальная свобода как свобода духа и совести к тому моменту еще только складывалась в философских работах. Обсуждения идей свободы совести и вероисповедания получили большое распространение в эпоху Просвещения.

Суть либерализма заключается в идее свободы. Общеизвестно, что в становлении современной свободы как реализации политической субъектности главнейшую роль сыграла исторически формировавшаяся идеология либерализма. Начиная с XVII века мыслители не только рассматривают возможности коренного преобразования общественного строя, но и производят научную революцию в понятиях, которые отражают социальные сдвиги. «Понятие свободы из сферы чисто морального философствования перемещается в область политического дискурса и занимает там одно из первых мест»¹⁶⁹, – пишет М.М. Федорова. Интерпретация свободы как ценности сформировалась намного раньше по времени до просветительского проекта. В XVII-XVIII веках мыслители поместили понятие свободы в философско-политический дискурс. Новая точка зрения на понимание свободы в западноевропейской мысли – не как проявления волеизъявления, а как раскрепощения человека в социуме – появилась благодаря началу формирования правового государства и основ гражданского общества. «Человек рождается

¹⁶⁸ Федорова М.М. *Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций.* – М., ИФ РАН, 2005. – С. 12.

¹⁶⁹ Федорова М.М. *От абсолюта свободы к романтике равенства (из истории политической философии).* – М., 1994. – С. 35.

свободным, но повсюду он в оковах»¹⁷⁰, – такими словами выразит просветительский концептуальный смысл свободы Ж.-Ж. Руссо. Идея свободы определяется через право человека распоряжаться собой, своим имуществом и вершить собственную судьбу без чьего-либо дозволения, иначе это отсутствие всяких ограничений к действию. Такая трактовка выходит из требования разума и соответствует естественному порядку вещей.

Дж. Локк считается одним из первых мыслителей либерального толка, так как он установил ценности свободы и собственности наравне с ценностью жизни. Локковские размышления о понятии свободы присутствуют в разных его работах. Например, в трактате «Опыт о человеческом разумении» философ классически определяет идею свободы как идею способности (силы) человеческого разума: «свобода есть идея, относящаяся не к хотению или предпочтению, но к лицу, обладающему силой действовать или воздерживаться от действия согласно выбору или распоряжению ума»¹⁷¹. А в «Двух трактатах о правлении», где возникают связи «индивид – общество» и «индивид – государство», Локку приходится классифицировать и усложнять понятие свободы¹⁷². Его первоначальная абсолютная свобода индивидов в отличие от гоббсовской «войны всех против всех» заключена в выражении естественного равенства людей и их готовности следовать разумным природным законам. Из подобного видения идеи свободы Локк развивает рациональную теорию общественного договора, согласно которой независимые, равные и свободные индивиды самостоятельно приходят к мысли о необходимости становления политической власти, являющейся звеном регулирования отношений между людьми и предотвращения конфликтов, возникающих из-за взаимного несоответствия субъективных стремлений. Следовательно, «Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и надевает на себя узы гражданского общества, – это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы

¹⁷⁰ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: трактаты. – М., 2000. – С. 198.

¹⁷¹ Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – С. 290.

¹⁷² Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 274-276.

удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества»¹⁷³. Вышеприведенный политический вывод Локка обладает всеми аспектами типичной классической формы рациональности Нового времени: здесь есть и представление об изначальной упорядоченности мира, и зафиксированная причинно-следственная связь, и создание идеального конструкта с помощью прояснения содержания понятий. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, каким бы сенсуалистом Локк ни был в гносеологическом смысле, в отношении политической действительности философ мыслил как классический рационалист.

Собственно, все развитие политической философии в XVII-XVIII вв., которое заложило основу для политического проекта современности, строилось на основаниях классической рациональности. Основополагающим звеном стало «не трансцендентное начало, а свобода и правовое равенство индивидов, руководствующихся в своих действиях не идеей божественного Провидения, но исключительно своей волей и разумом»¹⁷⁴. Просвещенческие идеи оптимизма в отношении человеческого разума и индивидуализма наследуют политические движения конца XVIII столетия. В основу либеральной концепции также ложится универсальная идея человеческой способности с помощью разума понимать и организовывать окружающую действительность, в том числе социальную. Об этом пишет Дж. Грей: «...традиционный либерализм – это система принципов, функционирующих в качестве универсальных критериев оценки общественных институтов»¹⁷⁵. Изначально сформированная универсалистская рациональность либерализма говорит, таким образом, о притязаниях классических мыслителей

¹⁷³ Там же. – С. 317.

¹⁷⁴ *Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М.* Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. – М.: Аквилон, 2015. – С. 145.

¹⁷⁵ *Грей Дж.* Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. Л.Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М.С. Фетисова и др., под общей ред. Г.В. Каменской. – М.: Праксис, 2003. – С. 131.

либерального толка на применимость их идей в идеале ко всем людям. Однако и сам человек уже воспринимался иначе.

В основание просвещенческих текстов легла идея индивидуализма, на что опирается все либеральное течение вплоть до сегодняшнего дня. Об этом, в частности, писал историк Л.М. Баткин, говоря об индивидуалистической идеологии, легшей в основание европеизма, в составе прочих либеральных ценностей и норм. Он уточняет, что понимание индивида, дошедшее до сегодняшних дней, формировалось начиная с Возрождения: «То был не просто переход от одной традиционалистской модели... к другой модели того же класса. Но переход к новому классу моделей. К обоснованию «Я» из него же самого: «вот этого» не как части и производного, но как непосредственного и актуального всеобщего»¹⁷⁶. Явленный Новым временем индивид рационален в той степени, что приводит в соответствие с собой внешние обстоятельства, метод философствования и даже природу вещей. Стоит особенно подчеркнуть, что в размышлениях деятелей эпохи содержится сильное субстанциональное допущение: человек автономен и сам по себе способен к рациональным действиям, которые ограничиваются соображениями личной выгоды и внутренним чувством справедливости. Такое понятие индивида было сформировано западноевропейскими философами Нового времени, принимались разные попытки уточнения его положения в политическом поле. В частности, упомянутый ранее Дж. Локк вырабатывает технику политического правления согласно принципу индивидуализма и через утверждение права на сопротивление притеснению со стороны государственной власти. Иными словами, имелось в виду не просто обособление человека от других, главенство личностных желаний и самостоятельность в поступках, но и необходимость ограничения давления на индивида со стороны государства. В общем и целом раннее либеральное мировоззрение изначально тяготело к индивидуалистическому идеалу свободы как к некой универсальной ценности.

¹⁷⁶ Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – М.: РГГУ, 2000. – С. 19.

Шотландский экономист А. Смит, наряду с Локком считающийся одним из отцов-основателей либерализма, опубликовал в 1776 году известную работу «Исследование о природе и причинах богатства народов»¹⁷⁷. Сам труд интересен для диссертации даже не своими экономическими идеями, хотя, безусловно, выделенные Смитом основания существования капиталистического общества немаловажны для формирования либеральной идеологии, а принципом антипатернализма, который впоследствии стал отличительной чертой классического либерализма. Эта идея отчетливо прослеживается в объяснении системы естественной свободы индивидов, где главную роль играет частная собственность, а государство является лишь помехой для развития экономики. Данный принцип невмешательства государства в экономическую жизнь граждан развивает реформатор, основоположник теории утилитаризма И. Бентам, описывая его в еще дореволюционном труде «Защита лихвы».

Несмотря на то что среди просветителей было множество идейных оппонентов, все они пусть и разными путями стремились к одному результату – освободить человеческую личность от порабощения – внутреннего, морального, или внешнего, гражданского. Дух эпохи Просвещения отражен в возвеличивании свободного индивида, главного носителя европейских ценностей, в таком позитивном определении индивидуализма как самоценности и самостоятельности личности. Помогает им в этом вера в бесконечное совершенствование и чистый от предрассудков человеческий разум. Именно принцип индивидуализма ложится в основу идей прав человека на жизнь, свободу и частную собственность. Идеи представителей эпохи Просвещения подтолкнули практических политиков к действиям: «Правление отеческое, – пишет И. Кант, – при котором подданные, как несовершеннолетние, не в состоянии различить, что для них полезно или вредно... Такое правление есть величайший деспотизм»¹⁷⁸. В трудах просвещенческих мыслителей появилось осознание, что устоявшиеся традиции,

¹⁷⁷ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ. П.Н. Ключкина, под ред. А. Меркурьевой. – М.: Эксмо, 2016. – 1056 с.

¹⁷⁸ *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. – М.: Мысль, 1965. – С. 270.

институты и политические механизмы могут быть уничтожены и реорганизованы ради снятия любой зависимости с индивида и обеспечения ему полноты его прав и свобод. Желание кардинально изменить жизнь общества и просвещенческая вера в возможность его полноценной рациональной перестройки привели к Великой французской революции.

2.2. Специфика рациональности в либерализме в конце XVIII – начале XIX вв. и ее эволюция

Великая французская революция стала самым ярким политическим событием конца XVIII века. Она является отправной точкой для формирования целого спектра идеологий, в том числе либерализма в современном его понимании, которые возникли как та или иная реакция на произошедшее. Сам факт революции утверждал во Франции появление нового общества, нацеленного на достижение скорого общественного прогресса. Произошедшее событие – кульминация политико-философских идей эпохи Просвещения, воплощенный в жизнь результат абстрактного и метафизического рационализма XVII-XVIII вв.

Однако идеи, которые господствовали в предреволюционный период и выполняли свою роль в процессе организации революционных событий, самой революцией были явлены как недееспособные. Большинство мыслителей-либералов после революции пришли к выводу, что человек не может действовать в точности со своими рациональными представлениями, сколь бы хороши и правильны они ни были. Недовольство абстрактностью теорий, излишним рационализаторством подтолкнуло философов к поиску иных возможностей выхода из политически непростой сложившейся ситуации. Революция не привела общество к новому правовому социальному пространству, как рассчитывали просветители, полагаясь на ответственность «вышедшего из возраста несовершеннолетия» человека. Жестокая реальность выявила иную картину: нестабильность политической ситуации, подмена Разума превосходством грубой силы, расколотое общество и насилие.

Великая французская революция повлияла не только на политическую обстановку во Франции, но и на все социально-политическое пространство Европы. Эпоха Просвещения предполагала, что индивид разумным образом уже преодолел хаос, воплощенный в насилии, и освобожден от подобной неразумности. Якобинская диктатура ниспровергла эти надежды. Либеральные постреволюционные мыслители столкнулись с проблемой взаимоотношений между обществом и его политической составляющей. Полностью принять

революцию означало бы отказаться от идеи разума, ведущего к истине, отказаться от рационалистической традиции, в рамках которой разум несовместим с насилием. Перед философами либерального толка конца XVIII – начала XIX вв., таким образом, встала задача либо легитимизировать разумность насилия, либо вынести насилие за рамки разума. В большинстве своем мыслители, осознав противоречивость революции и невозможность отказа от исторической реальности, приходят к необходимости разработки политических перспектив и планов ситуативного характера. Либеральные мыслители послереволюционного периода вынуждены сменить приоритеты: им приходится не столько заниматься развитием фундаментальных концепций, как делали представители эпохи Просвещения, сколько углубляться в практическую деятельность исходя из контекста запросов, характерных для того или иного государства.

Стоит отметить, что А. Токвиль, к примеру, позже писал, что крах Старого порядка произошел бы постепенно, без каких-либо потрясений и революции, а П. Губер отметил, что огромное количество пережитков Старого порядка осталось и после революции, возродившись под властью Бурбонов с 1815 года. В любом случае история неопровержима, и Великая французская революция в 1789 году стала практической реализацией политико-правовых доктрин деятелей эпохи Просвещения и одновременно воплощением либеральных принципов и их попранием: результаты политического акта, в том числе и установившийся период якобинского террора, стали для либералов вызовом в части поиска новой политической модели. Период якобинства обозначил кризис революции, заключенный в двух доведенных до абсурда стремлениях – к свободе, выродившейся в анархию, и к централизации власти, превратившейся в террор. Установившаяся «политическая идеология революционного якобинства – своего рода разрыв в эволюции либеральных идей во Франции, но разрыв, сыгравший довольно существенную роль в этой эволюции и наложивший особый отпечаток на все последующее развитие французского либерализма»¹⁷⁹. Массовый террор

¹⁷⁹ Федорова М.М. Французский либерализм. До и после революции: Руссо – Констан // Полис. Политические исследования. 1993. № 6. – С. 126.

и гражданская война, порожденные колоссальными революционными потрясениями, выявили во французской интеллигенции страх перед революционными подходами к политическому процессу. Стоит отметить, что постреволюционный французский либерализм обладал сравнительно умеренным и компромиссным характером в связи со стремлением обнаружить точку совместимости сильной власти как основы порядка и свободы личности. Для доказательства этого вывода попробуем разобраться и наглядно продемонстрировать силу изменений на примере идей, взгляд на которые был сменен в связи с переосмыслением событий Великой французской революции.

Одной из таких идей является идея суверенитета, трансформация содержания которой в политико-юридическом поле того исторического периода весьма показательна. Складывающееся правовое поле эпохи Просвещения строилось на основании предшествующего исторического типа: «Созданный поздним Возрождением образ короля-законодателя как нельзя лучше сочетается с присущей ранней Современности верой в нормативные, законодательствующие способности Разума»¹⁸⁰. Иными словами, просветителями в политико-правовом пространстве использовалась та же однонаправленная схема, в которой был заменен элемент законотворца и переосмыслено основание политической легитимности. Этот момент М.М. Федорова объясняет руководством принципом политического монизма, согласно которому в политико-философской конструкции Руссо – и это является его неоспоримой заслугой – была вычленена связка «суверенитет – народ (через общую волю) – закон», где суверенитет наделяется категориями неделимости и абсолютности. Суверенитет в контексте предреволюционных событий является способностью провозглашения общего дела, исключая любые проявления плюрализма, частных интересов и политических противостояний взглядов индивидов. Воля, по Руссо, индивидуальна и не передается через функции представительства. Мыслитель проводит различие между «волей всех», как суммы изъявления воли и частных интересов индивидов, и «общей волей», как условной

¹⁸⁰ Федорова М.М. Суверенитет как политико-философская категория современности // Философский журнал. – 2009. – № 1 (2). – С. 154-164. – С. 157.

коллективной волей, соблюдающей лишь общие интересы: «Если бы в то время, когда решение принимает достаточно сознательный народ, граждане не имели никаких отношений между собой, то из большего числа незначительных различий проистекала бы всегда общая воля и решение было бы всегда правильным»¹⁸¹. Следовательно, подчеркивая легитимность общей воли и отвергая идею представительства, Руссо полагает, что после избавления от сословного строя люди добровольно ограничат свою свободу ради интересов всего общества, а общественный договор, как бы «категорический императив здравого смысла»¹⁸², станет основанием для установления политического порядка.

Однако политическая практика, явленная событиями Великой французской революции, указала на неспособность избавления принципа суверенитета от деспотических моментов, которые проявляются в рамках политического монизма. Замена источника власти – короля на народ – предполагаемых результатов и свободы не принесла. В качестве реакции на произошедшее возникает разрыв с рациональностью просветителей в отказе от договорных теорий и возникновении идеи ограничения суверенитета, осознаваемого ранее как всевластие государства.

Критика незыблемого и абсолютного характера суверенитета прослеживается уже в философских работах И. Канта. Идея того, что принцип суверенитета является не основополагающим принципом политического процесса, а регулятивным, присутствует в работе «Метафизика нравов». В описании основания истинной республики Кант подчеркивает необходимость представительства, «дабы от имени народа путем объединения всех граждан обеспечить их права через посредство их уполномоченных»¹⁸³. Но наиболее важны его последующие рассуждения о возможных действиях избранного правительства:

¹⁸¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц 2000. – С. 24.

¹⁸² Длугач Т.Б. «Руссо и общественный договор» // Историко-философский ежегодник. – М.: ИФРАН. 2012. – С. 189.

¹⁸³ Кант И. Сочинения в шести томах. – М.; «Мысль», 1965. (Философ. наследие). Т. 4. Ч. 2. – С. 267.

национальное собрание не вправе становиться самим сувереном, а должно лишь быть фигурой, обладающей властью управлять делами от имени суверена – всего народа. Тот, кто обладает правом верховного законодательства в обществе, «может только через общую волю народа распоряжаться народом, но не самой этой общей волей – первоначальной причиной всех публичных договоров»¹⁸⁴.

Критикуя принцип абсолютности народного суверенитета, Бенжамен Констан обращает внимание на личную жизнь индивида, на которую не должно иметь влияние ни общество, ни государство. Свои рассуждения о свободе и идеальной форме политического устройства Констан ведет в русле противостояния как просветительским и революционным доктринам, так и ультрароялистским идеям. В речи «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей» Констан определяет современную свободу как право индивида быть лично независимым, самостоятельно выбирать себе дело, высказывать свое мнение, владеть и распоряжаться собственностью, а также влиять на политическое правление путем представительства. То есть для либерального философа свобода индивида заключена в личных действиях и желаниях, от него требуется лишь малая доля непосредственного участия в политическом суверенитете. Констан утверждает: «личная свобода – вот подлинная современная свобода; политическая свобода выступает ее гарантом»¹⁸⁵. Именно политическая свобода для мыслителя является средством совершенствования человека, только она развивает разум и облагораживает мысли. Драгоценность свободы заключается в правильной пропорциональности распределяемого времени: чем больше времени осуществление политических прав дает индивиду на частную жизнь, тем свобода его драгоценнее. Либеральный философ утверждает идеал репрезентативной формы правления, так как именно такая форма позволяет индивидам получить наилучшие условия для реализации личной свободы. В лице конституционного монарха Констан видит нейтральную власть – независимую структуру, которая

¹⁸⁴ Там же. – С. 268.

¹⁸⁵ *Констан Б.* О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. Политические исследования. – 1993. № 2. – С. 103.

может обеспечить нормальную работу трех «классических» властей. В то же время государство не должно выходить за пределы своего влияния. Констан предстает как философ, отстаивающий идеи политической субъектности. В этом вопросе заслугой мыслителя является разделение понятий суверенитета народа и индивидуальных прав индивидов – то, что классики теории общественного договора мыслили как единое целое.

В свою очередь, Франсуа Гизо, отходя от руссоистской идеи демократического общества, основанного на общественном договоре, утверждает, что в современном ему обществе «власть не является больше регулирующей и организующей инстанцией, внешней по отношению к самому обществу»¹⁸⁶. По мысли политика, власть эффективна тогда, когда взаимодействует как с теми индивидами, в чьих руках находится само политическое управление, так и с общей массой граждан, которые испытывают на себе ее воздействие. Гизо полагает, что обладающий неограниченной властью разум оказывает пагубное воздействие на человеческий дух и торжество разума приводит к заблуждению и тирании. Человеческий разум был повергнут беспредельностью приобретенной им власти. Собственно, часто Гизо интерпретируют как либерала-консерватора за использование соответствующих консервативным идеям методов в реальной политике. Говоря о свободе, мыслитель разделяет понятия свободы индивидуальной и политической. В условиях действительной политики свобода для него – «общая мысль, общая цель всех партий, участвующих в движении, как бы велико ни было их взаимное различие»¹⁸⁷. Одновременно с этим правительство притязает на управление только внешними действиями человека, обязанность правительства ограничивается воздействием на гражданские отношения людей между собой, что же касается «человеческой мысли, совести, нравственности в тесном смысле слова, личных мнений и нравов, то во все это правительства

¹⁸⁶ Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.). – М.: ИФРАН, 2004 / Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. – 226 с. – С. 137.

¹⁸⁷ Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с франц. В.Д. Вольфсона. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – С. 292.

не вмешиваются, во всем господствует свобода»¹⁸⁸. Отходя от идеи суверенитета народа, Гизо предлагает политическую теорию суверенитета разума, заключенную в следующих тезисах: отсутствие абсолютного авторитета в мире, постоянная необходимость легитимации власти и применение общественного мнения для проверки действий властных органов.

Таким образом, можно сделать вывод, что для постреволюционных либеральных мыслителей понимание идеи суверенитета народа как ограниченной власти государства становится приемлемым и возможным для преодоления причин возникновения тирании. Соответственно, суверенитет был лишен своих главных принципов – абсолютности и безграничности. Главной идеей либералов начала XIX столетия становится артикуляция в теоретическом плане принципа суверенитета и несколько позднее идеи демократии, что позволило заложить основы теории современного государства. В политико-философских работах постреволюционных мыслителей преодолевается инструментальная рациональность Просвещения, выраженная в политическом поле принципом политического монизма; разрабатываются принципы демократической организации государства и политического плюрализма, повлекшие за собой и появление основанной на реальных коммуникативных процессах политической аргументации. К слову, по сей день существует сложность в связке демократии и принципа суверенитета народа. Как отмечал французский философ П. Рикер, говоря о современном кризисе в западноевропейских обществах: «Граждане больше не ощущают того, что их представители считаются с ними, выражают их волю»¹⁸⁹.

Постреволюционные либералы-теоретики переосмыслиют и другие выдвинутые революцией смыслы. Идеи равенства, братства и даже в какой-то степени свободы были дискредитированы. Политические формы, рожденные Французской революцией, создавали резкий контраст с представлениями

¹⁸⁸ Там же. – С. 125

¹⁸⁹ Рикёр П. Герменевтика, этика, политика: Моск. лекции и интервью / Отв. ред. и авт. послесл. И.С. Вдовина. – М.: Изд. центр «Academia» 1995. – 159 с.

о свободном обществе в идеалах последнего поколения просветителей, которые верили, что «солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина кроме своего разума»¹⁹⁰. Воплощение революции – якобинская диктатура, как политическая практика, стала еще более притеснительной для индивида, нежели деспотическое правление эпохи абсолютизма. Западноевропейские либералы постреволюционного периода отвергают утопистские идеи просветителей и, находясь в рамках современных им политических реалий, пытаются заложить рациональные основы для управления обществом.

Интересно здесь развитие теории немецкого либерализма, который в условиях раздробленности государства своими идеями удивительно перекликался с идеологией формировавшегося движения романтизма. Борьба между консервативно-романтическим севером и либерально-просветительским юго-западом развернулась из-за того факта, что феодальные порядки в государстве менялись на буржуазные гораздо медленнее, нежели в других европейских государствах. Необычным либералом предстает В. фон Гумбольдт, чьи эстетические работы фактически роднят его с движением романтизма. В политических эссе Гумбольдт настроен либерально. Наиболее важным для человека, по мысли теоретика, является свобода, так как только с ее помощью человек может достичь главной цели в жизни – развить максимум своих возможностей. По мнению Гумбольдта, существование гражданского общества является подспорьем для развития человеческих способностей и государство подчиняется обществу и работает на человека: «...должно быть отвергнуто всякое вмешательство в частные отношения граждан во всех тех случаях, когда нет прямого нарушения прав одного из граждан кем-либо другим из них»¹⁹¹. Таким образом, государство есть необходимое зло, а потому его деятельность должна

¹⁹⁰ Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Пер. И.А. Шапиро. – М.: Государственное социально-экономическое издательство (СОЦЭКИЗ), 1936. – С. 228.

¹⁹¹ Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. – М.: Социум, Три квадрата, 2003. – С. 19.

быть ограничена правовой сферой. Дословно эту мысль позже воспроизведет английский мыслитель Дж. С. Милль. Интересно, что для Гумбольдта государство так и остается абсолютистским, изменению подвергается не сама его сущность, а лишь границы распространения деятельности. Государство, по мнению философа, должно обеспечить условие, необходимое индивидам для достижения свободы, – безопасность.

Либерализм начала XIX века меняет приоритеты по отношению к идеям классической философии эпохи Просвещения. В общем смысле задачей постреволюционных либеральных деятелей стало разделение политической власти и гражданского общества: «Политическая власть не рассматривается более как причина социальности, ... но, напротив, она выступает в качестве ее (социальности) действия»¹⁹². Речь здесь идет не только об общей смене понимания принципа индивидуализма как необходимости освобождения личности от посягательств со стороны общества и государства, о чем было сказано ранее. Если в XVIII веке основным идеалом либеральные мыслители провозгласили человеческую свободу и фактически довели ее в обсуждении до кульминации, то постреволюционные философы вывели понятие из критического уровня. Если философы Просвещения работали над идеальными смыслами, то деятели постреволюционного периода погружали эти смыслы в политико-исторический контекст. Идеи были воплощены в реальности, иными словами, принципы были превращены в практики. Таким образом, для идеологов постреволюционной эпохи идеи разума сохраняют свою ценность, однако процесс внедрения их в политическую действительность происходит уже с позиций ответственности и осторожности.

На первый план стали выходить другие идеалы. В частности, английский философ Иеремия Бентам утверждает в качестве главной ценности человеческое счастье. Рожденная внутри либерального течения утилитаристская концепция Бентама включает в себе предпочтение вести речь не о свободе индивида, а о его

¹⁹² Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М. Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. – М.: Аквилон, 2015. – С. 175.

интересе и безопасности. Философ отвергает теории естественных прав, естественного состояния и общественного договора, а потому декларируемые неотъемлемые права человека во французской Декларации прав человека и гражданина для него метафизичны и неопределенны. Говоря о свободе, Бентам не видит ее вне закона, чьей целью является удовольствие и безопасность человека. Государство ограничивает свободу, что является необходимым для достижения безопасности. Бентам понимает: в таком ключе закон противостоит принципам равенства и свободы, однако убежден, что все это может сосуществовать при условии, что государство в качестве пределов законодательного регулирования обнаружит нравственные обязанности и принцип пользы: «Наибольшее счастье как можно большего числа членов общества – вот единственная цель, которую должно иметь правительство»¹⁹³. Все же философ подчеркивает, что хоть правительство и должно стремиться к общему благу общества, это не представляется возможным без притеснения отдельной личности. Тогда задачей правительства является поиск баланса страданий и счастья, которые причиняются нормой закона отдельному человеку и социуму в целом. Таким образом, чистая свобода как классический идеал переходит в учении утилитариста в свободу ограниченную как средство достижения счастья.

Можно заключить, что постреволюционный либерализм начала XIX века постепенно порывает с абстрактно-рационалистическими идеями просветителей и встает на позиции практического рационализма и утилитаризма, что позволяет ему оформиться в доктрину.

Классический либерализм, складывающийся в начале XIX столетия, предстает как идеологическое течение, выражающее интересы сформировавшегося класса буржуазии и требующее замены существовавшей системы феодальных отношений на систему капиталистическую. Представители либерализма данного периода отказались от абстрактного и инструментального рационализма эпохи

¹⁹³ *Бентам И.* Избранные сочинения Иеремия Бентама. Том I. Введение в основания нравственности и законодательства. Основные начала гражданского кодекса. Основные начала уголовного кодекса / Бентам И. – Санкт-Петербург: Типография и Литография Н. Тиблена и Ком. (Н. Неклюдова), 1867. – С. 323.

Просвещения, концепций общественного договора и руссоистской идеи народного суверенитета, разделили понятия государства и общества и обратили внимание на обоснование прав индивидов. К середине века проблемное политическое поле либеральных мыслителей уже окончательно переходит из оси «индивид – государство» в ось «индивид – общество – государство». Основным становится «вопрос о совмещении автономии индивида в приватной сфере с его активной гражданственностью, с преследованием не только своекорыстных интересов, но и интересов всего общества»¹⁹⁴. Появляется новое понимание ценности индивида в рамках общества и государства.

В теоретической либеральной мысли проблема взаимоотношений индивида, общества и государства сформулирована в философии Алексиса де Токвиля. В проекте общественно-политического устройства философ объединил принцип индивидуализма и идею народного представительства. Переосмысляя понятие демократии, Токвиль дифференцирует гражданское общество и общество политическое. Демократией является не характерный для раннелиберального понимания политический режим с возможностью волеизъявления каждого гражданина, а общественный строй, определяемый равенством условий. «В демократических странах умение создавать объединения – первооснова общественной жизни; прогресс всех остальных ее сторон зависит от прогресса в этой области»¹⁹⁵. Создание подобных объединений, согласно Токвилю, возможно только при наличии у индивидов политической свободы, а также свободы печати. Именно возможность свободных публикаций в газетах становится показателем существования всего демократического общества. Разработанная концепция гражданского общества Токвиля, воплощенная в свободных ассоциациях граждан, на сегодняшний момент является одной из ведущих в мировом политико-социальном строительстве.

¹⁹⁴ Европейская политическая мысль XIX века / Отв. ред. И.К. Пантин, И.И. Мюрберг. – М.: Наука, 2008. – С. 54.

¹⁹⁵ Токвиль А. де Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – С. 378.

Проблемы индивида и его свободы также лежат в центре интересов Джона Стюарта Милля, а похожее смещение акцентов во многом схоже с теорией либерализма Токвиля. Либеральный философ середины XIX века Дж. Ст. Милль начинал развивать свои идеи в русле бентамовского утилитаризма. Собственно, сама утилитаристская концепция формировалась в одном русле с экономической теорией свободного предпринимательства, которая была разработана британскими классиками А. Смитом и Д. Рикардо и существенно дополнена Дж. Миллем, а позже и его сыном. Теория свободного рынка представляла собой веру либералов в то, что экономика работает лучше в том случае, когда на нее нет ограничений со стороны правительства. Логическая связь между утилитаризмом и капиталистической теорией проста: счастье людей является достижением удовольствия, которое, в свою очередь, достигается при удовлетворении желаний, в частности, при покупке товаров со стороны потребителей и при умножении прибыли со стороны предпринимателей. Что характерно, в разрабатываемой капиталистической системе – теории свободного рынка – благо получали все участники: в процессе заботы о собственном благе каждый человек автоматически содействовал благу других людей.

Дж. Ст. Милль приходит к осознанию, что идея прагматического удовольствия недостаточна для обоснования принципов права и возвращает в политико-философский дискурс идеал человеческой свободы. Собственно, это был своеобразный ответ Милля на происходящие политические реформы в сфере ограничения свободы в Великобритании, в частности на принятый в конце XVIII века закон против свободы печати, собраний и слова и на принятые в начале XIX законы, запрещающие рабочие союзы. Однако для Милля сфера человеческой свободы характеризуется как сфера человеческой жизни, которая прямо и непосредственно отнесена к индивиду. Идеи Константа и Гумбольдта о человеке Нового времени в философии Милля-младшего очищаются от метафизики и адаптируются к британской действительности. Благо всего общества, утверждает Милль, складывается не только из стремлений каждого индивида к счастью, но и при согласовании общественных и индивидуальных интересов. Вследствие

этого философ акцентирует внимание на требовании индивидуальной свободы как основы нравственности. Свободная личность, самоотверженно служащая социуму, – вот, по Миллю, высшее проявление нравственности. Следовательно, ясна необходимость свободы индивида в сфере тех действий, что прямо касаются его самого: свобода мыслей и мнения, свобода выбора жизненных целей и установок, а также самостоятельное устройство судьбы. Свобода одного индивида ограничивается свободой другого, а потому при пересечении границы в разрешение конфликта правомерно вступает общественное мнение: «Власть общества над индивидуумом не должна простирается далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей; в тех же своих действиях, которые касаются только его самого, индивидуум должен быть абсолютно независимым над самим собою, – над своим телом и духом он неограниченный господин»¹⁹⁶. Таким образом, Милль отвергает радикальный принцип *laissez faire*: для него минимальное вмешательство правительства не тождественно максимальному уровню достижения свободы, он придает особое значение существованию законодательства.

Таким образом, Дж. С. Милль устанавливает четкую границу индивидуальной сферы человека: вмешательство иных индивидов в действия конкретного человека возможно лишь в случае самосохранения, если его действия затрагивают других людей. Так в сфере индивидуального Милль закрепляет свободу совести, мысли и мнений, свободу выбора целей и свободу жизни сообща с другими индивидами. Свободный человек может указывать путь другим, но без стороннего принуждения. Говоря иными словами, единственное, что имеет силу над человеком, – законно установленные права других индивидов. В этом и только в этом заключается общественное и государственное вмешательство.

¹⁹⁶ Милль Дж. Ст. О свободе // Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. О свободе: С приложением очерка о жизни и деятельности Милля Е. Конради / Пер. с англ. А. Н. Неведомского. 2-е изд. – СПб., 1882. – С. 163-164.

Идеи Дж. С. Милля заложили переход к последующему развитию доктрины социал-либерализма. Новый тип либеральной мысли с этически переработанным содержанием принципа индивидуализма стал формироваться к концу XIX века.

До современного этапа существования концепция либерализма пересматривалась еще множество раз. Существуют антагонистические точки зрения самих либералов на принципы индивидуализма, свободы, идею правового государства. Большинство представителей нацелены на переработку классических либеральных принципов в условиях постоянного изменения общественно-политической сферы. Новый рубеж в идеологии обозначен периодом с конца XIX до начала XX вв., когда в разгар усиления капиталистических позиций принципы свободного рынка и конкуренции стали использоваться по большей части для защиты интересов привилегированных сословий. Радикальный либеральный экономический принцип *laissez faire* достигает наивысшего расцвета к концу XIX века в Англии. В это время реакционно появляется целая общность либерально настроенных деятелей во всем мире, таких как Дж. Гобсон, Л. Хобхауз, Дж. Дьюи, Б. Кроче, которые ставили своей целью пересмотреть классические принципы в ряде реформ для ограничения произвола крупных корпораций и для облегчения положения жизни обездоленных групп населения и работали над политикой социального реформизма. Именно через идеи социального равенства и справедливости Дж. Ст. Милля был проложен переход к новому либерализму, чаще всего определяемому как либерализм социальный.

Собственно, идеология либерализма, как, к слову, и социализм, в начале XIX столетия развивалась, активно перерабатывая идеи свободы и равенства и фокусируясь на принципах классической рациональности, основные позиции которой выработаны были еще философами эпохи Просвещения. Либеральная идеология работала над вопросом о лучшем общественном устройстве для развития личности. Однако если либерализм остался на позициях индивидуализма, где интересы личности стоят выше интересов общества и государства, то социализм выбрал противоположный вариант. Появившееся движение социального либерализма пыталось решить эту проблему, включая

в рассмотрение формирования индивида факторы социальной среды. Таким образом, либерализм развивался, одновременно оставаясь в рамках классической рациональности в плане принципиальной защиты свободы личности и расширяясь за счет включения в идеологию социальных идей.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОГО В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ

3.1. История становления и формирования консерватизма

Сразу следует оговориться, что в данной главе диссертации будет рассматриваться зарождение и становление консерватизма в его узком значении, как политической идеологии. Исследователи консерватизма в его широком смысле, как некоем вечном и универсальном мировоззрении, несомненно, правы, утверждая, что «консервативные начала можно усмотреть на самых различных этапах развития человеческого общества. Можно заметить элементы консерватизма и у Платона и Аристотеля, и у других древних мыслителей»¹⁹⁷.

Также стоит сразу отметить, что в дальнейшем тексте диссертации будут проанализированы концептуальные позиции романтического движения, которое, бесспорно, оказало значительное влияние на развитие идеологии консерватизма. Однако в данной главе по истории становления исследуемой политической идеологии раннее романтическое движение не рассматривается. Причина такой логики заключается в том, что представители йенской школы романтизма поднимали и обнаруживали в своих сочинениях именно мировоззренческие, философские, а не политические вопросы. Фактически немецкие романтики XVIII века явились как философское движение, противостоящее просвещенческому универсализму, наряду с, например, шотландской школой здравого смысла.

Отправной временной точкой для формирования именно консервативной идеологической практики стала разразившаяся война брошюр в 90-х годах XVIII в., содержащих критику и защиту действий французских революционеров, а именно появление памфлета «Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию, в письме, предназначенном для парижского дворянина, написанном достопочтенным Эдмундом Берком». Сосредоточение внимания в последующем тексте диссертации

¹⁹⁷ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. и др. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – С. 51.

на Берке обусловлено тем, что Э. Берк стал первым автором, который критиковал Великую французскую революцию с антиреволюционной, консервативной позиции. Все следующие критики так или иначе оказывались под его влиянием.

Ранние сочинения Э. Берка, считающегося многими исследователями отцом-основателем консерватизма, неоднозначны в оценке его отношения к политическим идеям, рожденным философами-просветителями. До сих пор существуют разные интерпретации этих текстов. Одним из таких текстов является опубликованный в 1756 г. трактат «В защиту естественного общества, или обозрение бед и несчастий, приходящихся на долю человечества в любого рода искусственно созданном обществе. В письме покойного благородного сочинителя к лорду». Часть историков полагает, что изначально увлеченный рационалистическими теориями политик в русле просвещенческих концепций поддерживал идею мощи разума конкретного человека ради достижения свободы общества: «...крепнет наша воля к освобождению. Несчастья, приносимые роду человеческому предрассудками, скрывающимися под именем религии, и церковная тирания, именуемая церковным правлением, были полностью и с превеликой пользой разоблачены. Мы начали думать и действовать, полагаясь только на свой разум и природу»¹⁹⁸. Иные интерпретаторы Берка, например Л.В. Поляков, убеждены в иронической сатире подобных произведений, выполненных в виде блестящих стилистических подделок с функциями дискредитации и опровержения рационалистических теорий. Хотя, конечно, сложно об этом судить. Исторически Берк шел в ногу со временем, пользовался достижениями предшествующих исследователей, отстаивал политические права человека и давал свои интерпретации современной ему общественно-политической практике. В памфлете «Размышления о причине имеющегося недовольства» 1770 года Берк подчеркивает, что в споре с правительством народ далеко не всегда оказывается правым, однако утверждает, что «во всех спорных ситуациях между народом и правителям, как правило, следует по умолчанию вступать на сторону

¹⁹⁸ Берк Э. Правление, политика и общество / Пер. с англ., сост., вступ. ст. и коммент. Л. Полякова. – М.: Канон-пресс Ц, Кучково поле, 2001. – С. 57.

народа»¹⁹⁹. Объясняет он свою позицию тем, что предметом политики стала защита двором своего неограниченного влияния, используемого ради собственных частных интересов. Интересна здесь точка зрения профессора Йельского университета Дэвида Бромвича. Подчеркивая тот факт, что Берк обычно рассматривается как отец современного консерватизма, Бромвич утверждает, что вопрос о принадлежности политика к тому или иному идеологическому течению гораздо более тонкий и интересный. Эдмунд Берк в своей государственной жизни был защитником прав бесправных меньшинств и противником милитаризма. Бромвич относит Берка к политикам демократического мышления. На протяжении всей карьеры тот демонстрировал безусловное презрение к абсолютизму, а также верил в конституционный принцип, который без некоторого демократического элемента не реализуется на практике ограничения власти посредством институциональной защиты от злоупотребления властью. А народ у Берка, как политическая сила, представляет собой «голос за дверью, который должен влиять на правительство»²⁰⁰.

Если говорить о ситуации того времени, пожалуй, однозначно можно утверждать, что английский мыслитель в начале вел осторожную политику и резко не осуждал Французскую революцию. Как свидетельствует переписка Берка, в письме к лорду Шарлемону от 9 августа 1789 г. философ отмечал: «Англия, пристально и с удивлением смотрящая на французскую борьбу за Свободу, не знает: обвинять или приветствовать! Во Французской революции, хотя, мне казалось, я уже видел нечто подобное в течение нескольких лет, есть что-то парадоксальное и мистическое. Этим духом невозможно не восхититься...»²⁰¹. Смена тона и задокументированное первое проявление Эдмундом Берком острого неприятия актуальной политики можно увидеть в письме к сыну Ричарду, которое было написано спустя несколько дней после событий 5-6 октября 1789 г., когда

¹⁹⁹ Берк Э. Два памфлета. – [б.м.]: Издательские решения, 2018. – С. 7.

²⁰⁰ Bromwich D. The Intellectual Life of Edmund Burke: from the sublime and beautiful to American independence / David Bromwich. – L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2014. – P. 422.

²⁰¹ Clark J.C.D. Reflections on the Revolution in France. A Critical Edition / ed. Jonathan Clark. – Stanford University Press, 2001. – P. 61.

толпа парижских женщин шла на Версаль, чтобы заставить короля Людовика XVI вернуться в Париж: «Сегодня я получил известие от Лоуренса, приславшего мне газеты, где описывалось злое состояние Франции: элементы, которые составляли человеческое общество, разорваны, и в мире чудовищ, который сформировался вместо этого, председательствует великий мятежник Мирабо, а покойный великий монарх выглядит жалким и смешным»²⁰². Менее чем через месяц, 4 ноября 1789 г., Берк в разговоре с Чарльзом-Жан-Франсуа Депон дал характеристику революционным событиям: «Вы можете ниспровергнуть монархию, но не познаете свободу»²⁰³. В том же месяце он описал Францию как «страну уничтоженную».

Первое общественное осуждение Французской революции Берком произошло на дебатах в Парламенте 9 февраля 1790 г. и было вызвано одобрением революции Уильямом Питтом и Чарльзом Джеймсом Фоксом: «Французы показали себя очень способными архитекторами разрушения всего того, что существовало в мире до настоящего времени. За очень короткий промежуток времени они полностью уничтожили свою монархию, свою церковь, свое дворянство, свой закон, свою армию, свой флот, свою торговлю, свое искусство...»²⁰⁴.

В январе 1790 г. Берк прочитал проповедь доктора Ричарда Прайса от 4 ноября 1789 г. «Рассуждения о любви нашей родины к обществу революции», обращенную к организации «Общество Революции», которое было основано в память Славной революции 1688 года. В своей проповеди Прайс поддерживал философию универсальных «прав человека» и подчеркивал, что любовь к Англии «не подразумевает утверждения превосходства собственных ценностей над ценностями других стран или особого предпочтения своих законов

²⁰² Ibid. – P. 61-62.

²⁰³ Ibid. – P. 62.

²⁰⁴ Ibid. – P. 66-67.

и конституции»²⁰⁵. Вместо этого англичане должны были рассматривать себя «больше как граждан мира, чем как членов какого-то особого сообщества»²⁰⁶. Спор между Прайсом и Берком стал классическим моментом, в котором две существенно различных концепции национального самосознания были представлены английской общественности. Немедленно после прочтения проповеди Прайса Берк написал проект того, что в конечном счете получило название «Размышления о Революции во Франции» (далее – «Размышления...»). Оцененных в пять шиллингов (это было дороже, чем большинство политических брошюр) и молниеносно ставших бестселлерами памфлетов к концу 1790 г. в Англии было продано приблизительно 17 500 копий. Именно с идеей этого произведения по оценкам современных идеологов берет свое начало официальная теория консерватизма.

Анализируя вспыхнувший интерес современников к тексту Берка, американский политолог Кори Робин подчеркивает: «Сопrotивляясь и вступая таким образом днем за днем в полемику с прогрессивными идеями, в результате он подвергается, часто вопреки самому себе, влиянию того самого движения, которому противостоит. Намереваясь подчинить язык своей воле, он обнаруживает, что сам зависит от этого языка»²⁰⁷. Иначе говоря, Эдмунд Берк не только реваншистски реагирует на революционные идеи в политической деятельности, но и старательно копирует и даже учится на новых идеях, против которых выступает. Что нельзя сказать о другом видном представителе зарождающейся идеологии консерватизма, французском мыслителе Жозефе де Местре, который принципиально отказывается рассуждать в терминах прогрессистской философии, хотя также анализирует актуальные для своего времени идеи. Когда Берк говорит о стремлении сохранить стоящее перед угрозой

²⁰⁵ *Price, R.* A discourse on the love of our country delivered on November 4, 1789 at the meeting house in the Old Jewry to the society for commemorating the revolution in the Great Britain: With an appendix. – L.: Cadell, 1789. – P. 12.

²⁰⁶ *Clark J.C.D.* Reflections on the Revolution in France. A Critical Edition / ed. Jonathan Clark. – Stanford University Press, 2001. – P. 63.

²⁰⁷ *Робин К.* Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Берка до Сары Пэйлин / пер. с англ. М. Рудакова, И. Кушнareвой, К. Бандуровского. – М.: Изд. Института Гайдара, 2013. – С. 96-97.

настоящее или о восстановлении утраченного прошлого, он, являясь рационалистом эпистемологически, признает, что становится новатором и творцом будущего.

По приказу Людовика XVI «Размышления...» от начала до конца были переведены на французский язык. Коллеги-депутаты партии вигов, члены парламента Ричард Шеридан и Чарльз Джеймс Фокс не согласились с Берком и поссорились с ним. Фокс считал, что «Размышления...» написаны «в очень дурном тоне» и «одобряют принципы Тори»²⁰⁸. Другие представители вигов, такие как Герцог Портлендский и Лорд Фицвиллиэм, в частном порядке согласились с Берком, не желая общественных прений со своими либеральными коллегами. Так, 29 ноября 1790 г. Берк написал: «Я получил от Герцога Портленда, лорда Фицвиллиэма, Герцога Девонширского, Лорда Джона Кавендиша Монтегю и других вигов полное одобрение принципов своей работы и доброй снисходительности к исполнению»²⁰⁹. Герцог Портлендский сказал в 1791 году: когда кто-либо при нем критиковал «Размышления...», он сообщал, что рекомендовал эту книгу своим сыновьям как источник, содержащий истинное либеральное кредо.

«Размышления...» Берка разожгли целую войну брошюр. Один из отцов-основателей США Томас Пейн издал свои «Права человека» в 1791 году в ответ Берку, прародительница феминизма Мэри Уолстонкрафт ответила эссе «В защиту прав женщин», отец анархизма Уильям Годвин выдвинул свое мнение в «Исследовании о политической справедливости», наконец, Джеймс Макинтош написал «*Vindiciae Gallicae*». Макинтош был первым, кто увидел в берковском произведении «манифест встречной революции». Впрочем, позже либеральный мыслитель согласится с взглядами Берка и скажет: «Берк был одним из великих мыслителей, также, как и один из самых великих ораторов своего времени. Он ни с кем несравним во всей истории, за исключением, возможно, лорда Бэкона

²⁰⁸ *Mitchell L.G.* Charles James Fox. – L.: Penguin, 1997. – P. 113.

²⁰⁹ *The Correspondence of Edmund Burke* / eds. A. Cobban and R.A. Smith. – Cambridge: Cambridge University Press, and Chicago: University of Chicago Press, 1967. – P. 178.

и Цицерона; и его работы содержат большое обилие политической и моральной мудрости, больше, чем можно найти в любом другом авторе»²¹⁰.

²¹⁰ *Prior J.* Life of the Right Honourable Edmund Burke. Fifth Edition. – London, 1854. – P. 491.

3.2. Особенности формирования консервативного типа рациональности и его эволюция

Что касается проблемы рационального в консервативной идеологии, то для многих исследователей вопрос о рациональном в философии первых консерваторов не стоит в принципе в связи определением их как традиционалистов. Сторонники данного взгляда исходят из логики, что представители возникшего течения консерватизма изначально выступали против рациональности Просвещения, следовательно, ничего рационального в их концепции нет и не может быть. Например, анализируя работы Э. Берка по историческому анализу и преемственности как противоположности революции, историк Э. Хобсбаум определяет идеологию консерватора как «иррациональную веру в добродетель традиций, последовательность и медленный органический рост»²¹¹. Но мог ли действительно первый консерватор быть нерационалистом, живя и работая во времени, когда разум являлся фактически единственной константой в общественно-политической мысли? Или, может, имеет смысл говорить о Берке как рационалисте в гносеологическом плане и нерационалисте в сфере политики?

В главе будет предпринята попытка доказать, что общественно-политическая практика в конце XVIII и начале XIX вв. внесла существенные коррективы в рациональное видение мира. Формированию иного типа рациональности способствовала критика просвещенческих идей, и появившиеся консерваторы внесли значительный вклад в становление ее нового типа в политическом поле. Если деятели Великой французской революции жили с уверенностью в том, что человек может познать окружающий мир с помощью одного только разума и данный факт позволяет ему адекватно действовать в этом мире, то консервативные идеологи поставили перед политиками задачу включения в рациональность моральных, этических, эстетических, религиозных и других «необъективных» форм мышления. Консерваторы стали рационалистами иного типа в политическом поле, как до того сенсуалисты и эмпирики —

²¹¹ Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789-1848 / Пер. с англ. Л.Д. Якуниной. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – С. 329.

в онтологическом. Иными словами, консерватизм, как реакция на революционные абстрактность и схематичность, появлялся путем отрицания инструментального для просветителей рационального мышления – мышления, подчиненного сугубо логическим и незыблемым принципам и не уступающего влиянию внелогических факторов (ценностных, интуитивных, эмоциональных).

По праву считающийся отцом консерватизма Эдмунд Берк сделал ставку на, пользуясь понятиями Макса Вебера, ценностно-рациональный тип социального действия, который не укладывался в систему классической рациональности. Берк не просто ратовал за восстановление былого жизненного уклада, основной его задачей было доказать важность и необходимость того «наносного», что безжалостно удалили из своего рассмотрения прогрессисты, в частности предрассудков и традиций. «Надеюсь, не найдется глупцов, готовых поверить ... будто она [Франция] может существовать в мире и безопасности, отбросив извечные сословные права и привилегии и уничтожив все свои древние законы и обычаи: политические, гражданские и религиозные, создав вместо них систему, якобы основанную на правах человека и абсолютном равенстве всех и каждого»²¹², – пишет англичанин в «Замечаниях о политике союзников по отношению к Франции» в 1793 году. Английский политик Эдмунд Берк подчеркивал, что идеальный, чистый проект невозможно внедрить в социально-политическую жизнь общества, так как общество само по себе обладает собственными векторами развития, а значит, и универсальные схемы не могут работать по некоему запланированному сценарию.

Консерватизм Берка построен на абсолютно ином типе рациональности, нежели просветительские тексты. Если в своих произведениях мыслители Просвещения разумно обосновывали равенство и свободу от рождения, то Берк указывает на ошибочность подобных мыслей, подчеркивая их действительную невозможность. Разум, поставленный просветителями во главу общественных отношений, соперничает у Берка с традицией. Обращаясь к Франции

²¹² Берк Э. Два памфлета. – [б.м.]: Издательские решения, 2018. – С. 89.

в размышлениях и памфлетах, философ в первую очередь «разговаривает» с ней не как с географически очерченным объектом, а как с моральной и политической сущностью. Берк обосновывает мнимость существования независимого автономного разума реальностью конкретного историко-культурного содержания. Следовательно, произведенные разумом универсальные суждения ложны и лишены достоверности.

Консерватор связывает политическую философию с практической политикой. Его жизнь – показатель реального сочетания теоретической проработки философских воззрений и непосредственного участия в политическом процессе. В течение двадцати восьми лет в Палате общин Берк был в числе самых популярных ораторов.

Даже при достаточно поверхностном рассмотрении философского творчества Эдмунда Берка можно увидеть его бессистемность. Берк ни в одном из своих произведений не ставил цель развернуто изложить собственную цельную социально-политическую систему. Хотя консервативная концепция четко не прописана ни в одном из произведений, дать более-менее полное ее представление могут «Размышления...» в связке с письмами и речами, опубликованными в «The Works of the Right Honourable Edmund Burke with a Portrait and the Life of the Author» (London, 1823). Стоит отметить, что Берк писал «Размышления...», используя три различных стиля: пафосно-лирический, язвительно-сатирический и рационально-адвокатский. Все типы письма перемешаны в произведении так же, как перемешаны и используемые им понятия. С легкостью Берк переключался с одного стиля на другой для выполнения различных функций. Адвокатский стиль был необходим публицисту для четкого вразумительного ответа рационалистам, привыкшим к стройным абстрактным теориям. Немилосердная ирония, вкрапленная в текст, раскрывает отношение Берка к происходящим во Франции событиям. С помощью же пафоса он пытается показать не столько значимость событий происходящей революции, сколько тот порядок, который революционеры беспощадно уничтожали.

Именно в «Размышлениях...» большинство историков выделяет основу политической философии Э. Берка. Все внимание тот уделял политической современности в ее прозаических социально-экономических проблемах – налоговая политика, борьба с коррупцией, наказание недобросовестного чиновничества. Выражал он свои взгляды в форме речей, писем, эссе, памфлетов и т. д. Такая несистематичность по форме и бессистемность по содержанию по всей видимости вызвана берковской неприязнью к строгим, абстрактно-теоретическим строениям, пусть последовательным, но абсолютно оторванным от конкретных жизненных реалий, заранее составленным схемам, утопиям, которые являются по сути своей воплощением просвещенческого инструментального типа рациональности.

Абстракция обоснованно классифицирует людей, но обходит вниманием их собственную жизнь и личностные качества. Главное же в философии Берка – это живые люди со всеми их достоинствами и недостатками. Идея о конкретно-личностном познании человека слишком отдалена от реального человека у просветителей, а Берк характеризует ее как сочетание жизненных обстоятельств и глубочайших мыслительных установок, убеждений. Это учение философ называл *prudentia* (мудрость, пред-мышление, рассудительность). Собственно, о пруденции Берк пишет в «Письме к монсеньору Дюпону, писанном в октябре 1789 г.», определяя ее как всяческую добродетель, в сфере политики – добродетель первейшую. Именно пруденция приводит к принятию замысла, а не абсолютная, совершенная абстрактно созданная идея. Отвлеченные сконструированные идеи только разрушают здание общественного благополучия.

Согласно идеям Берка, абстрактно-теоретический подход, предложенный мыслителями Нового времени, с присущей ему созерцательностью в отношении к человеку способствует появлению фанатизма и жестокости в политической и социальной жизни. Человека в таком подходе заменяет отстраненная схема. Берк писал о доверии к разуму только при его согласовании с нравственностью, благородством и религией. Только в таком случае можно говорить о человеческой политической мудрости, пруденции. Индивид, по Берку, не является

исключительно разумным существом, он одержим желаниями и страстями, что не вписывается в абстрактные теории о правах и добре. Исследователь Ф. Мейнеке рассматривал политическую деятельность Берка как отклонение преромантического движения в область государства и утверждал, что «консервативное благочестие Берка... представляло собой основное настроение, в котором нуждался грядущий историзм, чтобы в иррационально построенном историческом мире все же находить рациональное начало, которое можно было обрести с помощью не одного лишь чистого разума, а только во взаимодействии всех сил души»²¹³.

Здесь Берк обнаруживает «парадокс консерватизма: ценности универсальны, но, как правило, должны воплощаться в жизнь как процесс, то есть постепенно»²¹⁴. Иными словами, ценности должны вводиться в жизнь, опираясь на историю и обстоятельства, поэтому Берк не принимает Французскую революцию: та разрушила опыт, накопленный поколениями, и уничтожила перспективу органичного роста.

Затронув тему органичности, нельзя не вспомнить и другого философа в русле формировавшегося консервативного течения в конце XVIII столетия. Действительно, наряду с английским политиком появляются другие немаловажные в европейской истории мысли персоналии, получившие в истории звания консерваторов. В 1796 году в Лозанне Жозеф де Местр публикует историко-политическое произведение «Рассуждения о Франции», где излагает собственное видение возникновения и течения Французской революции. Эта работа – кристаллизация консервативной позиции франкоязычного мыслителя – была написана под влиянием берковского произведения «Размышления о революции во Франции». Как и Эдмунду Берку, де Местру также присуще недоверие к алгоритмизированному просвещенческому рационализму. Основная схожесть двух философов заключается в отстаивании идеи, что объяснить какой-либо

²¹³ Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 213.

²¹⁴ Киссинджер Г. Пределы универсализма. О консерватизме Берка // Россия в глобальной политике. – М.: Фонд исследований мировой политики, 2012. № 4. – С. 35.

общественно-политический процесс невозможно при помощи рационалистических моделей и утопических схем. Для де Местра очевидно существование некоей высшей причины мира, волю которой нельзя постигнуть и, более того, которую недопустимо выражать при помощи выведенных математических закономерностей. В своих «Рассуждениях о Франции» де Местр подчеркивает, что «... отнюдь не люди ведут революцию, а что сама революция использует людей в своих собственных целях. Очень верно, когда говорят, что она *свершается сама собой*. Эти слова означают, что никогда доселе Божество не являло себя столь зримо в человеческих событиях»²¹⁵.

Большинство исследователей относят фигуру Жозефа де Местра к антипросвещенческому философскому движению. Однако автор диссертации склоняется к позиции доктора философских наук М.И. Дегтяревой, которая полагает, что де Местр близок логике Просвещения и одновременно соединяет в текстах различные современные ему интеллектуальные тенденции. Заняв позицию противника прогрессистской рациональности и детерминистской причинности, де Местр все же использует их достижения. В частности, философ не уменьшает значение разума человека, однако пишет о его недостаточности для понимания коллективных процессов. В анализе мысли Жозефа де Местра Дегтярева характеризует консерватора следующими словами: «умный, проницательный политик, непререкаемый в защите авторитета и порядка, однако способный на компромисс, «затворивший ум» в атмосфере старой Европы и в совершенстве владеющий «оружием» своих противников – просветителей»²¹⁶.

Возвращаясь к мировоззренческим идеям Берка, стоит отметить, что Эдмунд Берк всегда отстаивал права свободы личности. никоим образом не отвергая возведенного Просвещением принципа необходимости свободы общества, мыслитель подчеркивает: «Поскольку речь идет о моих принципах, то в моем

²¹⁵ Местр Ж.М. де. Рассуждения о Франции / Пер. Г. Абрамов, Т. Шмачкова, ред. М. Федорова. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 18-19.

²¹⁶ Дегтярева М.И. Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России: диссертация ... д-ра филос. наук: 09.00.03. – М., 2009. – С. 297.

представлении не существует свободы, не связанной с честностью и справедливостью»²¹⁷. В «Размышлениях...» же на этот счет Берк отмечает, что большинство из желающих взять власть в свои руки – это далеко не достопочтенные господа, имеющие весомый авторитет и уважение в обществе за свои таланты и заслуги, а низшие чины адвокатуры, клерки, биржевые спекулянты и пр. Люди, не учившиеся политике ранее и фактически случайным образом вставшие во главу власти, по мнению писателя, не могут отвечать за достойную власть в государстве, для них важнее разграбление казны и обеспечение собственного благополучия. Идеи Просвещения позволили им экспериментировать с преобразованием общественно-политической жизни, апеллируя исключительно к теоретически построенным утопиям. «Я постоянно убеждаюсь в том, что любая попытка – какую бы форму она не принимала – подавлять, лишать титулов, разорять, реквизируют имущество и истреблять родовую знать, а также уничтожать земельную собственность целой нации, не может быть оправдана»²¹⁸, – именно в этой цитате видны выделенные будущими теоретиками основные понятия оформленного консерватизма: наследственность, иерархичность, собственность.

Одним из центральных понятий в сочинениях консерватора Эдмунда Берка стало понятие традиции. Именно на него делают упор ученые, ставящие консервативную мысль на позицию нерациональной теории. Однако что нерационального в традиции? Ведь даже если использовать определение классической рациональности как «вписывания» человека в мир, то традиция – это непреложно заданные рамки внешней социальной детерминации. Человек изначально не единственен, он не может быть самодостаточен без включения в историю и культуру, так как он рождается без отрыва от корней. С детства неся на плечах груз наследственности и отпечаток определенной культуры, он может

²¹⁷ пер. Л.В. Полякова по *The Works of th Right Honourable Edmund Burke with a Portrait and the Life of the Author. Vol. I-VIII. London, 1823. Vol. III*

²¹⁸ *Ibid.* Vol. III

только рационально встраиваться в уже существующий, сложившийся годами порядок. На традиции строится государство, общественная и личная жизнь.

Согласно Берку, настоящее не может быть свободно от прошлого, поэтому, чтобы развивать настоящее, необходимо изучать историю, видеть прошлое в настоящем. Отсюда и доказательство несостоятельности попыток коренной рациональной перестройки исторически сложившегося социального порядка. Порядок в государстве показывает результат обычаев не одного поколения. Так и де Местр ставит историю во главу угла в противовес рациональным представлениям о создании нового общества на принципах разработанной человеческим разумом системы управления. Именно традиция является необходимым звеном для поддержания порядка и движения истории. Следовательно, если историю и можно представить как предмет экспериментальной политики, то лишь потому, что она изначально подчиняется незыблемым законам.

Еще одно успешно «похороненное» Просвещением понятие – понятие предрассудка – выходит у первых консерваторов на главный план. Сегодня часто встречается определение предрассудков как смутных, а порою и ложных, основанных на неудовлетворительном или искаженном знании закономерностей развития общественных явлений, чаще всего принимаемых на веру со слов других людей взгляды на жизнь и окружающие условия. Своими корнями понимание исследуемого термина уходит в XVIII век, в эпоху Просвещения, когда предрассудку мыслителями приписывалось единственно негативное значение. Учение о новой морали и о царстве разума (рационализме) по факту отрицало предрассудок. Один из ярчайших представителей французского Просвещения – Вольтер – неутомимый и беспощадный враг Церкви и клерикалов, преследовал их аргументами логики и стрелами сарказма с лозунгом «écrasez l'infame» («раздавите гадину»). Вольтер боролся словом и делом против господства и гнета религиозных суеверий и предрассудков, против клерикального изуверства. Предрассудок, по Вольтеру, есть мнение, не основанное на рассудке. Отсюда вытекает и его второе, не менее известное высказывание, что «предрассудки – разум глупцов».

Поль-Анри Тьери Гольбах утверждает, что вера в бога – «вредный предрассудок, порожденный страхом, возвещенный обманщиками, распространившийся благодаря невежеству и трусости, укрепившийся при помощи деспотизма»²¹⁹. В своем произведении Гольбах выводит религию из невежества и ярко отстаивает точку зрения, что освобождение человека от религиозных предрассудков возможно будет только тогда, когда он научится пользоваться своим разумом, над ним засияет светоч знания и он перестанет желать верить в сверхъестественное.

Иными словами, просветители придавали сугубо отрицательное значение понятию предрассудка. Собственно, утверждение, что предрассудки, безусловно, плохи есть предрассудок, привнесенный за 250 лет в головы европейцев и американцев просвещенными философами и либералами.

Позже, уже в XX веке, ученик Хайдеггера Х.Г. Гадамер будет использовать в своем учении категории предпонимания, традиции, предрассудка и горизонта понимания. Гадамером будет предпринята попытка преодоления негативной коннотации этих понятий. Для него предпонимание являет собой идентифицированную традицией предпосылку понимания, одно из условий самого понимания. Совокупность же предрассудков и предсуждений, обусловленных традицией, составляет то, что Гадамер называет «горизонтом понимания». А центральным понятием, которое обуславливает все остальные категории, является понятие предрассудка. Сам предрассудок характеризуется как предсуждение, то есть «суждение, которое выносится до окончательной проверки всех предметно определяющих моментов»²²⁰. Гадамер анализирует предрассудки как идеи, вплетенные в культурную традицию, догадки и предположения. Предрассудок, таким образом, вовсе не означает неверной мысли и не является отрицательным для человеческого существования суждением,

²¹⁹ Гольбах П. Письма к Евгению; Здравый смысл / Ред., статья и примеч. Ю. Я Когана. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 39.

²²⁰ Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер; Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 15.

так как в его понятии заключена возможность как позитивной, так и негативной оценки.

Свое мнение о предрассудках было у Эдмунда Берка. В ответ на развивающийся либерализм в умах философов XVIII века и последовавшее внутри него искажение «неугодных» понятий Берк, наряду с развенчанием индивидуалистских идей и идей прогресса, отметил важность для здоровья нации сохранения ее традиционных ценностей – обычаев, сказаний, склада мышления, норм морали и предрассудков. О предрассудках Берк пишет, что вместо отбрасывания всех человеческих старых предрассудков люди очень дорожат ими и, что усугубляет их стыд, дорожат ими именно потому, что они предрассудки. Предрассудок превращает достоинство человека в его привычку, а не в ряд несвязанных поступков. Именно через предрассудок долг человека становится частью его натуры. Просветители утверждали, что разум универсален, а потому для человека это единственно надежный способ познания, чувства же в их интерпретации являются категориями непостоянными, и, соответственно, мораль, опирающаяся на чувства, не может быть аргументированной, она изменчива и относительна. У Берка мнение противоположное: философ полагает, что множество эмоциональных установок и чувств обладают даже большей устойчивостью и универсальностью, нежели интеллектуальные измышления, которые постоянно находятся в движении, следуют моде и часто меняются. Укорененные же предрассудки, которыми живет общество, по мысли Берка, гарантируют нравственную устойчивость.

Под предрассудками понимается сложившийся в определенной культуре стандарт отношений к явлениям, субъектам и объектам живого и неживого миров. Предрассудки могут быть как со знаком плюс, так и со знаком минус: иными словами, обладать положительным или отрицательным зарядом. Предрассудки, сами по себе, это автоматические действия, которые избавляют от критической мозговой деятельности, их задача заключена в обеспечении быстроты реакции при принятии решения или совершении поступка, степени и окрасе эмоциональной

силы. Предрассудки, по мнению Берка, помогают людям одной общности правильно понимать и чувствовать друг друга.

Берк высказал мнение, что «Мы боимся Бога, у нас присутствует страх перед королями; мы привязаны к парламентам; обязаны судьям; с почтением относимся к священникам; и относительно благородны. Почему? Потому что когда такие идеи принесены перед нашими умами, естественно они будут нами затронуты»²²¹. Берк защищал предубеждение (или предрассудок) на том основании, что это «общий банк, капитал стран, и возрастов»²²².

Консерватор полагает, что предрассудки живут в умах людей, и чем более они распространены, тем более они дороги. «Предрассудок всегда под рукой в час опасности, — подчеркивал Берк, — он побуждает человека идти путем истины и добродетели, не оставляет его в колебании в роковую минуту — во всем сомневающегося, обескураженного и нерешительного. Предрассудок превращает добродетель в привычку, не давая ей остаться последовательностью не связанных между собою поступков. Посредством предрассудка долг делается частью человеческой природы»²²³.

С предрассудками, понимаемыми как вид нерационально обоснованной человеческой деятельности, усиленно боролся рационализм XVIII века с присущей ему критикой. Что удивительно, как бы обосновывая иррациональное, а именно существование предрассудков в человеческой деятельности, пользой, концентрированной мудростью и истиной, Берк подходит к расшифрованию с позиций тех же рационалистических схем объяснения и находится в рамках того же рационалистического мышления XVII-XIX веков.

В одном ключе с Эдмундом Берком работал и публицист Жозеф де Местр, который писал о необходимости нивелирования индивидуальных догм в пику

²²¹ Берк Э. Размышления о революции во Франции о прениях в некоторых лондонских обществах касательно сего события, содержащиеся в письме, предполагавшемся быть отправленным некоему благородному господину в Париж / Соч. высокопочтенного Эдмунда Берка; Пер. с англ. Сима Векслер; Под ред. Андрея Бабича; Предисл. и примеч. снабдил Кнор Круз О'Брайен. — London: Overseas publ. interchange ltd., 1992. — С. 158.

²²² Там же. — С. 159.

²²³ Там же. — С. 164.

абсолютного и общего царства догм национальных, другими словами, отмечал важность полезных предрассудков, существующих в обществе.

Таким образом, консерваторы фактически заменяют в сформированной просветителями рационалистической схеме общественно-политической мысли разум на предрассудок, логическую схему на традицию. Это можно считать опорной точкой в становлении иного типа рациональности в сфере политического.

В основе народа (нации), считал Берк, «лежит идея непрерывности, протяженности во времени, как, впрочем, и в пространстве, выраженная в количественном отношении. А это дело не одного дня... Это и есть та самая конституция, которая творится не случайно, а тем, что в десять тысяч раз лучше любого случая: она творится особенными обстоятельствами, причинами, нравами, установками, а также нравственными, гражданскими и общественными свойствами людей, обнаруживающимися лишь спустя длительный период времени»²²⁴. Акцент на социально-культурной и исторической тематике отличает органическое общество (общество как организм) с его традициями, обычаями, преданиями, нравами, интересами людей от простого скопления народа или плохо управляемого государства. В «Размышлениях о причине современных волнений» Берк утверждает, что нации управляются не столько законами и не только при помощи насилия: управление и сила могут быть особо могущественными, однако эти действия являются лишь служебным фактором. Правительство, то есть высшая власть, согласно Берку, обязано учитывать насущные потребности своего времени, разнообразие нравов, образы мыслей и жизни своих граждан и только изредка прибегать к насилию для подчинения людей своим законам: «Что касается человечества, то для него не представляют интереса никакие установления и теории, если оно счастливо; и вернейшим показателем плохого управления государством как раз и является повышенное внимание его граждан к такого рода теориям»²²⁵.

²²⁴ Edmund Burke on government, politics and society / Selected and ed. by B.W. Hill. – L.–Glasgow: The Harvester press, 1975. – P. 59.

²²⁵ Ibid. – P. 200.

Традиции для Берка являются основными скрепами общества, именно традиция обосновывает государственность. Философ утверждает, что людей невозможно связать друг с другом бумагами и печатями. Индивиды начинают общаться между собой при условии имеющихся сходства, каких-либо соответствий и обязательно приязни. Причем для Берка этот принцип применим не только к обособленным личностям, но и к целым народам. Сильнее любых договорных отношений международную дружбу укрепляет взаимное соответствие законов, образа жизни, привычек и обычаев. Такие взятые за основу обязательства объединяют людей иногда даже вопреки их намерениям, а могут быть даже совершенно неосознанными.

Для эпохи Просвещения характерным было критическое отношение к традиции и критика существующего ее воплощения в социальном институте – церкви. Понимание традиции было связано с проблемой социально-политической эмансипации третьего сословия, а именно освобождение человека вообще предполагало необходимость возвеличивания индивидуального разума и преодоления принуждающей силы традиции. Критическому переосмыслению подвергались границы существования и признания традиции, более того, некоторыми философами полностью отрицался сам факт традиционности, воспринимавшийся как основополагающее препятствие на пути личности к своей аутентичности. Как полагали авторы-традиционалисты, в частности Жозеф де Местр, такое ожесточенное неприятие традиции просвещенческими мыслителями послужило идеологическим обоснованием Французской революции. У либеральных же деятелей эпохи понятие человека находилось вне культуры, поэтому такого понимания понятия традиции у них просто не существовало.

В XX веке с определением термина традиции выступил Х.Г. Гадамер. Он писал, что «даже самая подлинная и прочная традиция формируется не просто естественным путем благодаря способности к самосохранению того, что имеется в наличии, но требует согласия, принятия, заботы. По существу своему традиция – это сохранение того, что есть, сохранение, осуществляющееся при любых исторических переменах. Но такое сохранение суть акт разума, отличающийся,

правда, своей незаметностью»²²⁶. Подобную трактовку традиции, которая являет собой связь истории и современности, Гадамер полагает одной из форм авторитета.

Авторитетом государства у Э. Берка выступает существующая конституция, а в основе государственного строя Англии лежит идея наследования. Собственно, Берк утверждает, что принципы свобод и привилегий общества обеспечиваются с 1215 года, со времен Великой хартии вольностей, с помощью наследования, хотя и не без усовершенствования. Идея наследования, выраженная в принципе сохранения и передачи свобод, позволяет обществу пользоваться неоспоримыми преимуществами. Следовательно, писал Берк, «наша конституция сохранила наследственную династию, наследственное пэрство. У нас есть палата общин и народ, унаследовавший свои привилегии и свободы от долгой линии предков»²²⁷. В качестве опоры государственного авторитета – конституции – лежат обычаи, религия, нравы, предрассудки и традиции, содержащие мудрость предков.

Встав на позиции защитника традиции, Э. Берк также оправдывает сохранявшиеся в Англии средневековые пережитки. Идеи пэрства, рангов, политического и правового неравенства отстаивались консерватором, в то время как английские радикалы и либералы активно их критиковали. Основой английской цивилизации Берк называл «дух благородства и дух религии»²²⁸. По мнению философа, эти два принципа помогли сформироваться государству и продолжают выполнять функцию скрепляющих основ.

«Благодаря нашему угрюмому сопротивлению новшествам, благодаря холодной вялости нашего национального характера, мы все еще несем на себе клеймо наших предков, – писал Берк. – Мы не адепты Руссо и не последователи Вольтера. Идеи Гельвеция не привились среди нас. Среди наших проповедников нет безбожников, безумцы не предписывают нам законов... Нас не поймали

²²⁶ Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер; Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 334.

²²⁷ Берк Э. Размышления о революции во Франции. London: Overseas Publications Interchange, 1992. – С. 99-100.

²²⁸ Там же. – С. 154.

в силки, чтобы потом набить, как музейное чучело, которое набивают соломой, тряпьем и прочим хламом наподобие бумажонок о правах человека»²²⁹.

Английский консерватор считал, что каждый индивид рождается в некоей культурной общности, что подразумевает под собой обязательное присутствие традиции в государственном устройстве. Для Берка важно доказать факт, что традиция всегда актуальна. Именно традиция позволяет включить индивида в нацию, а не воля и эгоизм. Традиция является концентрированной мудростью и ценностью общества. Берк убеждает, что любой принцип, который устойчив и сохраняется в течение некоторого продолжительного времени, обладает правом на дальнейшее существование.

Эдмунд Берк, как и Жозеф де Местр, противопоставлял просвещенческим рационалистическим идеям историзм и традицию. Его убеждение в неодолимости хода истории, которая не зависит от действий человека, впоследствии было оценено и дополнено. На основании озвученной позиции в дальнейшем развилось учение исторической школы права. Несколько позже Ф.-К. Савиньи и его ученики станут критиковать теорию, рассматривающую правовые нормы как порождения разума, и искать истоки этих норм в национальном самосознании народов, в *Volksgeist* (народном духе). Представители исторической школы права выразят мысль, что нации вырабатывают собственные права, выражаемые в обычаях, которые лучше законов отражают их требования.

Подводя итог всему вышесказанному, можем обобщить: абстрактным идеям, созданным просветителями и поддерживаемым революционерами, Берк противопоставлял историю, накопленный опыт народов, а разуму – традицию и предрассудки. Существование политического общественного порядка для первых консерваторов воспринималось как нечто самостоятельно сконструированное в результате поступательного исторического развития, воплощающего собой общий разум народов. Любое общественно-политическое устройство исторически неспешно обрастало стабильностью, традициями,

²²⁹ Там же. – С. 163.

обычаями и предрассудками, поэтому, по мысли консерваторов, традиции являются ценнейшим наследием, которое необходимо бережно хранить, и именно в давности традиций скрывается истинная сила действительной конституции. Так, для того чтобы постичь государство и право, необходимо сначала изучить исторический опыт народа, его законы и практику, а предлагаемая же революционерами схема априорных построений и доказательств не может дать настоящего знания. Как в обществе Берк противопоставлял категории рационализма и традиции, так и в человеке он разводил понятия предрассудка и чистого разума, основанного не на человеческой чувственности и нравственности, а на строго дедуктивном, упрощенном видении социально-политического благополучия индивида.

Рациональность первых консервативных мыслителей построена на ином типе восприятия политической реальности. Не соглашаясь со всемогущим человеческим сверхразумом, консерваторы базируются на опыте, историчности и традиции. Совершенно иные понятия выходят на первый план у Берка, но они появляются не бездумно в пику либералам, а рационально аргументированы. Новый подход к обоснованию разумности создает иное видение привычной жизни общества. Таким образом, Берк сформулировал основной рациональный консервативный принцип: все люди обладают равными правами, но не одними и теми же благами. Данная теория справедливости исторически развилась и легла в основание американской и британской конституций.

Не случайно прозванный отцом консерватизма английский политик Эдмунд Берк не просто смог нащупать нечто совершенно отличное от универсальной классической рациональности, проповедуемой просветителями, но и попытался увлечь других политиков за собой. К сожалению, его несистемность и излишняя антагонистичность к идеям просветителей не дали быстрых результатов для развития консервативного типа мышления, однако его работы серьезно повлияли на будущее политической науки.

Консервативное движение, зародившееся в конце XVIII столетия, стало интеллектуальным ответом на идеи эпохи Просвещения. Консервативные

мыслители, бесспорно, заимствовали из арсенала идеологических соперников проблематику и логические приемы, одновременно критикуя систему рационального мышления. Идеологи консерватизма смогли поколебать понимание самого субъекта рациональности в политической сфере. Отказавшись от абстрактного рационального актора – выбирающего разумного индивида, они возвели в принцип индивида, обусловленного социальным действием.

Защищая принципы наследственности, преемственности и традиционализма, зародившиеся консерваторы первыми начали доказывать возможность сосуществования традиции и разума в одном политическом поле, однако не смогли достичь золотой середины и углубились в обоснование гетерономии традиции, в отстаивание прошлого опыта и пр. Однако уже в это время можно говорить о начале становления консерватизма как целостного политического мировоззрения, составившего альтернативу другим идеологиям, основанным на предпосылках Просвещения.

Первые консерваторы поняли, что сила классического рационалиста состоит в способности быть озадаченным вымыслом больше, чем реальностью. Конечно, они делали только первые шаги в становлении консервативного мышления, а потому неизбежно страдали неполнотой и заблуждениями, однако именно Эдмунд Берк, Жозеф де Местр и Луи де Бональд являются теми, кто создал совершенно отличный от классического тип рациональности. У либералов-революционеров разум заменил нравственность. Консерваторы же были убеждены, что ум отдельно взятого человека слаб, поэтому индивид может и должен воспринимать мудрость нации из общего фонда, приобретенного за время существования общности и хранящегося веками. Тем самым они защищали культуру, религию, традицию и предрассудки от нивелирования и разрушения. В этом моменте наиболее заметна разница политических притязаний радикального либерализма и ценностного консерватизма. Первый развивает абстрактную концепцию индивида, в которой люди руководствуются исключительно собственной волей и эгоизмом, по сути являясь тождественными в своих стремлениях к снисканию прибыли и удовольствий. Второй же делает упор

на исторический и культурный аспекты общественного развития и различие между людьми за счет богатства и сложностей человеческого поведения.

Тогда как идеи в рамках классической рациональности, предложенные мыслителями века Просвещения и давшие толчок развитию многих человеческих сфер, на политическом поле потерпели поражение из-за излишней абстрактности и утопичности, консерваторы попытались разумно совместить рациональность с иррациональностью, разум с традицией, историю с новацией.

Стоит упомянуть, что в едином течении анти-Просвещения вместе с консерватизмом стало активно развиваться движение романтизма. Французская революция стала апогеем века Разума, однако одновременно с этим явила собой неиссякающее количество коллизий и проблем, что, собственно, и дало основания для развития романтизма. Революционные действия разрушили старые формы мышления: как монархические и феодальные, так и классицистские, просветительские. Во многих идеологических вопросах соглашаясь с первыми консерваторами, ранние романтики усугубили конфликт с либеральной концепцией и встали на позиции иррационального, эмоционального и чувственного. Романтическое движение возникает как радикальное представление индивидуалистических начал эпохи Просвещения. Романтическая философия строилась на противоречивости природы человека, которым иногда руководит разум, но чаще всего иррациональная сила. Романтическое течение заявило о себе в истории как эстетическая революция, которая во главу угла вместо науки и разума поставила художественное творчество человека. Эпоха Просвещения сделала ставку на абстрактный индивидуализм, некое отвлеченное человечество, а романтизм вышел из такого понимания индивидуальности, что пробуждает связи, соединяющие в жизни различные индивидуальности. Иначе говоря, в центре философии романтизма находится личность, устремленная к полной внутренней свободе, к совершенству и обновлению. «Культ художественной творческой индивидуальности», «романтический герой в его столкновении с обществом», «экспансия индивидуализма в мораль и политику», «анархизм и культ героического», «романтический аристократизм духа» – эти

и подобные темы, кочующие по страницам литературы о романтизме, иллюстрируют некоторые из граней романтического индивидуалистического субъективизма²³⁰. Для романтиков очевидно, что моральные нормы являются оковами и составляют основное препятствие для индивида на пути к достижению свободы. Целью романтического движения было освобождение человеческой личности от пут морали и общественных условностей. Интересно, что Б. Рассел представляет в качестве основоположника философского романтизма Ж.-Ж. Руссо: «Он [Руссо] является отцом движения романтизма, вдохновителем систем мышления, которые выводят не относящиеся к человеку факты из человеческих эмоций...»²³¹. Основной идеей определения Руссо как предромантика у Рассела выступает его доминирующая роль эмоционально-чувственной стороны.

Не зная еще понятия «бессознательного» (введенного З. Фрейдом только в начале XX века), романтики ранней, йенской, школы уже интуитивно будут отстаивать существование «коллективного бессознательного». Для них социальное родовое «я» человека даже более мощный источник для поэзии, чем личное «я», нередко являвшееся ослабленным своими причудами. Связь человека с жизнью рода, с общественной традицией, с чужим сознанием зачастую представляется романтиками как платоновское «припоминание». К примеру, у Новалиса подобный «анамнесис» станет художественным образом, способом, который позволяет осязаемо передать неосознанные внутренние отношения. В частности, в его литературном произведении «Генрих фон Офтердинген»²³² главный герой «вспоминает» новые для него вещи во снах и разговорах с встречающимися ему героями, словно помнит он эти вещи неким родовым сознанием.

Возникшее течение романтизма с его аккордами иррациональности затормозило развитие консервативной идеологии. Для романтизма был естественен

²³⁰ Аркан Ю.Л. Очерки социальной философии романтизма. Из истории немецкой консервативно-романтической мысли. – СПб.: «Наука», 2003. – С. 90-91.

²³¹ Рассел Б. История западной философии. В 3 кн.: 5-е изд., стер. / Подгот. текста В.В. Целищева. – Новосибирск: Сиб. унив. Изд-во, 2007. – С. 800.

²³² Новалис. Генрих фон Офтердинген. Изд. подг. В. Б. Микушевич – М.: Ладомир; Наука, 2003. – 280 с. («Литературные памятники»).

хаос иррациональных влечений в душе, предшествующий разуму. Точнее романтизм в отличие от консервативных теорий, построенных на трансформированной, но все же перенятой у Просвещения рациональности, не просто включил иррациональное в круг обсуждения, а возвел его в принцип.

Если ранние, йенские романтики больше работали над теоретическими поисками творческого пути индивида, оправданием душевных порывов и терпимостью к человеческим недостаткам, то концепции поздних немецких романтиков – представителей Гейдельбергской школы – были направлены на поиск пути нации, так как рождались концепции в непростых политических условиях под воздействием социальных и политических обстоятельств. Впитав идеи антинаполеоновской освободительной борьбы, поздние романтики выработали особую идеологию национально-народнического характера через воспевание идеи немецкой традиции. Представители позднего романтизма уже потеряли ценность того мистического, иррационального чувства, что было присуще воззрениям представителей Йены, взамен же приобрели прагматическое желание реставрации монархического прошлого.

Тогда как представители позднего романтического движения сопоставляли государство с живым организмом, имея в виду прежде всего его духовное наполнение, то консервативные мыслители конца XIX – начала XX веков стали использовать биологические подходы основательнее и прагматичнее, отдавая большое значение роли природных факторов в формировании и существовании народа.

Впрочем, исключительно биологические подходы для консервативной мысли в русле объяснения социальных явлений были неприемлемыми. Так, Хьюстон Стюарт Чемберлен объяснял начальное формирование наций (рас) не столько биологическим вмешательством, сколько историческим расположением. Для него смешанные нации, которые включают в себя множество перемешанных этнических сообществ, являются наиболее благородными. Смешение, если оно взвешенное и разумное, по мнению консерватора, ведет к обязательному обогащению жизни и к выработке национальной

индивидуальности. Вопреки природно-биологическому закону, согласно Чемберлену, расу определяет ее дух: «...то, что мы характеризуем как расу, есть некий пластичный феномен внутри известных границ, и как физическое влияет на интеллектуальное, так и интеллектуальное обладает обратным воздействием на физическое»²³³. Чемберлен отмечал, что биологические параметры обязательно сопутствуют социальным критериям, поэтому физическое должно быть учтено.

Исследования XIX века областей этнографии и наследственности дали толчок к развитию консервативной мысли за счет возросшего интереса к психофизическим условиям бытия нации. Более того, появились методики по развитию нации, приближению ее к некоему культурному образцу (идеалу).

Идеи «почвы и расы» присутствовали в доктрине консерватора Шарля Морраса. Надо отметить, что в конце XIX – начале XX вв. широко толковался термин «раса» большим количеством ученых, политиков и социологов. В то время активно разрабатываемая расовая теория еще находилась в поле науки. Моррас негативно относился к теориям основоположника расовой концепции, поднявшего над всеми расами «арийцев», Жозефа де Гобино, хотя в его концепции присутствовало существенно передающееся через «кровь» национальное культурное наследие. Расовую антропологию и социологию Моррас считал заблуждением в связи с тем, что, по его мнению, биологические параметры менее влияют на историю и социум. Действительно образующими цивилизацию вещами могут в синтезе считаться родной язык, почва, климат, искусство, религия, обычаи и нравы.

Романтизм для политика несколько не консервативен. Шарль Моррас критикует идеи романтизма не меньше, чем идеи Революции, для него они составляют фактически единое целое, дополняя друг друга. Романтическое индивидуалистическое неверие, по мысли Морраса, произошло от фанатичной веры, противопоставленной разуму, а секуляризация мистики привела к превращению метафизического бунта в социальный и политический. Основным

²³³ Чемберлен Х. Основания XIX столетия (в 2-х томах). – СПб.: Русский Мир, 2012. – С. 359.

принципом романтизма как в философии, так и в поэзии является абсолютная суверенность человеческой воли, выводимая из беспорядка чувств индивида. Следовательно, для Морраса романтизм – это антигосударственный индивидуализм, анархизм: «Романтизм – это Революция. Это порождение Руссо свергает то, что было вверху, и протаскивает наверх то, что было внизу»²³⁴. Моррас пишет об иллюзорности прав и свобод в той надуманной «либеральной догматике». Политик доказывает, что никакого «рационализма» в Революции не было, а абстрактные идеи человека и его прав с точки зрения разума – ложные идеи. Идеи революции были насквозь иррациональными, а оттого разрушительными.

Для Морраса человек в естестве своем – хаотичное и аморальное существо. Избавление от хаоса стало возможным при помощи синтеза разума и традиции, причем разума – в меньшей степени, а традиции – в большей. Моррас уверен, что разум человека слаб, и для того чтобы удержать человека от погружения в хаос, необходимо нечто более прочное и основательное. Это он находит в традиции, а точнее в традиции, основывающейся на крови и почве, которые в совокупности являют собой природную данность, столь же иррациональную, как и хаос страстей. Таким образом, согласно мысли Морраса, именно традиция благодаря своей способности управлять разумом и волей «созидает» человека.

Консерваторы в первой половине XX века искали в традиции источник культурного стандарта, тогда как предшествующие им представители романтического движения только констатировали некий эфемерный идеал, не обладая намерением воспроизводить его. Консервативное течение, по факту, явилось политически более рискованным подходом к социальным проблемам. Однако консервативные идеи Шарля Морраса потерпели политическое поражение, и к 30-м годам XX столетия консерватизм заразился собственным порождением – нацистскими идеями.

По мнению большинства исследователей политической философии, развитие идей позднего романтизма вместе с набирающими популярность идеями «почвы

²³⁴ *Maurras Ch. Oeuvres Capitales.* – P. 42. Цит. по: *Руткевич А.М. Консерваторы XX века: Монография.* – М: Изд-во РУДН, 2006. – С. 39.

и крови» породило политическую болезнь XX века – фашизм. Идеи расы, типа, увязанные с идеей национального разнообразия, проявились в политическом поле как один из ростков консервативной и романтической интеллектуальной традиции. Понимание расы как определенного человеческого типа и стремление упорядочить в политической жизни эти типы выделили конкретность консервативной идеи на фоне развернутой в основном к истории концепции романтизма. Получившийся синтез романтических идей преемственности, немецкой традиции, возрождения былого могущества страны через понятие нации в совокупности с биологическими концепциями вряд ли можно причислить к консерватизму, однако это его прямое порождение. Именно поэтому вплоть до сегодняшнего времени многие политологи и философы относятся к консервативной идеологии с некоторой опаской.

Идеи первых консерваторов и романтиков в дальнейшем дали толчок развитию многих концепций. В XIX веке сформировалось противостояние пространств Нового порядка с его цивилизацией, разумом, всеобщим законом, свободой и Старого порядка – пространства авторитета, традиции, иерархий, насилия. Для консерваторов конца XIX – начала XX вв. открывается тот тип мышления, который предложил Берк. В отличие от первых консерваторов, делавших первые шаги в становлении консервативной концепции, а потому неизбежно страдавших неполнотой и заблуждениями, консервативные деятели конца XIX – начала XX вв. считали политику той самой «экспериментальной наукой» (понятие Ж. де Местра), зависимой не столько от рациональных процедур, сколько от совокупности всего человеческого опыта, выразившегося в истории и традиции. С конца XIX века для политиков рациональное переосмысление политического зачастую уже начиналось с форм артикуляции исторического опыта, созданных в предшествующем столетии.

Понимание современного консерватизма было выражено в философских работах. Немецкий философ Ганс-Георг Гадамер, сам консерватором не являющийся, доказал, что человек не может освободиться от исторического пласта, удалиться от него так, чтобы прошлое стало для него идеальным объектом. Сознание человека всегда обременено конкретной исторической ситуацией,

с которой он так или иначе соотносит собственные взгляды и действия. Также человек зависит и от груза прошлого опыта. Такое действенно-историческое сознание есть осознание того факта, что история всегда работает в живущем в ней человеке, и потому его знание никогда не сможет превратиться в знание абсолютного субъекта. Этим аргументом Гадамер уничтожает воспетую Просвещением идею полного отстранения разума человека и общества от истории.

Гадамер полагал главной ошибкой романтического движения то, что, поднимая вопросы исторической традиции и важности существования предрассудков, романтики все равно были закреплены в логике рассуждений просвещенческой мысли. Просветительская дилемма «разум – предрассудки» осталась в романтической традиции, с изменением лишь в занятии другой стороны противостояния. Встав на противоположную позицию, романтики остались рассуждать в том же поле противопоставления, избрав в качестве опорных элементов своей теоретической конструкции миф, традицию и предрассудок.

В своих работах Гадамер отказался от навязанного противостояния и попытался уйти от разведения традиции (и сопутствующих ей понятий предрассудка, авторитета, опыта) и разума. Он максимально сблизил их: «безусловной противоположности между традицией и разумом не существует»²³⁵. По мысли Гадамера, традиция должна быть постигнута, принята и сохранена, и именно в этом она становится актом разума, поэтому «сохранение старого является свободной установкой не в меньшей степени, чем переворот и обновление»²³⁶.

Консервативная мысль XX века стала развиваться в уже вне рамок противостояния «разум – традиция», разумно используя их синтез. В частности, идеолог «консервативной революции» А. Меллер ван ден Брук пишет: «Консерватизм – это не реакция... Консерватизм, не лишенный честолюбия, отнюдь не является собранием раритетов. Консерватизм – это заводской цех,

²³⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 334.

²³⁶ Там же. – С. 335.

в котором стремятся создавать такие вещи, которые могут быть основой для новых принципов»²³⁷. Оппонируя развивающемуся либерализму, начало которому положила, по его мнению, эпоха Просвещения, Меллер обращается к важности традиций. Вечные ценности, полагает политик, не стоят на месте, они меняют свои позиции, но вновь и вновь возвращаются в традицию, а потому «консервативным является создание вещей, которые надо сохранять»²³⁸. Говоря о Разуме эпохи Просвещения, Меллер описывает его как «рационализированное понимание», которое развивает лишь мозг, но позволяет слабеть самому человеку. Для немецкого писателя главным в человеке является сохранение цельного внутреннего восприятия мира, нравственной чистоты, порядочности и целенаправленности.

К середине XX века в результате политического краха идей расизма и фашизма фактически был исключен из рассмотрения огромный пласт консервативной политической мысли. Следовательно, развитие консерватизма в 1960-1970-х гг. не смогло завоевать интерес массовой аудитории и осталось лишь уделом сравнительно узкого круга интеллектуалов. А после поражения на президентских выборах во Франции яркого правоориентированного Жан-Мари Ле Пена, основными положениями политической программы которого были уменьшение иммиграции и прекращение евроинтеграции Франции, консервативные идеи на некоторое время и вовсе ушли с политического поля.

Однако сегодня европейский консерватизм выходит на новый политический уровень. Официально признанный провал политики мультикультурализма, кризис европейской идентичности и серьезный рост национализма – эти и другие многочисленные проблемы подготовили вопрос об изменении политического курса. Такие современные реалии возродили идеи, отрицающие содержание либерального проекта, по которому двигаются государства Западной Европы.

²³⁷ Меллер ван ден Брук А., Васильченко А. Миф о вечной империи и Третий рейх / Артур Меллер ван ден Брук, Андрей Васильченко. – М.: Вече, 2009. – С. 325.

²³⁸ Там же. – С. 317.

Интерес к неоконсерватизму появился примерно в одно и то же время в разных государствах Западной Европы. Появившиеся «новые правые» представляют собой европейскую геополитическую школу, которая сохранила связь с идеями довоенных немецких геополитиков. До определенного момента истории идеи этого движения обществом игнорировались, так как считались «пережитками фашизма». Однако в современных реалиях представляющиеся свободными от рамок политического конформизма «новые правые» начали развиваться относительно независимо от прошлого опыта.

Фундаментальным принципом идеологии «новых правых», который в большей степени отличает их от старых правых и классических националистов, стал принцип континентальной геополитики. Новые консерваторы во главе с Аленом де Бенуа полагают, что принцип строительства национальных государств исторически исчерпал себя, а будущее предлагает новый вариант развития государств – Большие пространства. «Новые правые» и, в частности, Ален де Бенуа утверждают: в рамках развития общества модерна распространенной становится идея о том, что политика должна стать истинно рациональной, то есть перестать быть искусством и стать наукой, управляемой исключительно принципами разума. Однако они подчеркивают, что в условиях современности этот тезис разбивается аргументами, связанными с «обществом риска» и экологической безопасностью. Фактически чистые построения разума зачастую становятся слишком опасны для реализации.

Говоря об утраченном национальном единстве, «новые правые» исходят из того, что своеобразие народов определяется биологическими и антропологическими особенностями. С их точки зрения многие различия, существующие между европейскими народами, являются мнимыми или же второстепенными, тогда как настоящее разграничение лежит в отношении европейцев с монголоидами и негроидами. Таким образом, для неоконсерваторов Европа обладает определенной целостностью и, более того, единым национальным характером, который можно обозначить как «евроидентичность». Также

при рассмотрении культур других народов можно выявить характер, не похожий на общеевропейский, не сравнимый и не сопоставимый с ним.

По-своему понимая тезис, введенный немецкими романтиками, о личности, формируемой через концентрированное выражение национальных качеств, «новые правые» предпринимают попытку ввести человека в статус субъекта исторического процесса в рамках создаваемой им цивилизации. Согласно теории «новых правых», человек творит сам себя в историческом процессе и, соответственно, творимые им цивилизации носят отчетливо выраженный антропологический характер. Из этого исходит их требование ввести фактор «укорененности» в идею свободы, чтобы каждый человек полноправно пользовался важнейшим правом быть хозяином самого себя. Также А. де Бенуа отмечает: «Я бы сказал, что защита укорененности в традиции – одновременно защита разнообразия. Перед лицом тех, кто хочет создать единый, однородный мир, нужно снова утвердить легитимность различий. То есть легитимность идентичностей, которые были бы не только индивидуальными, но прежде всего коллективными»²³⁹. Современные европейские консерваторы сходятся на том, что новый гуманизм должен основываться не на «возвращении к природе» Ж.-Ж. Руссо, а быть «возвращением к культуре». Как и всякое консервативное течение с уклоном в традиционализм, «новые правые» желают восстановить некий золотой век. По их мнению, ренессанс Франции, а в более широком спектре и европейское возрождение целиком, возможны лишь в случае обретения утраченной идентичности, являющейся подлинным смыслом и целью истории. Также особенностью консервативной мысли является совпадение понятий национальной и персональной идентичности, таким образом, потеря национальной идентичности приводит к культурной деградации, в результате личность лишается своего суверенитета.

Сегодня консерваторы продолжают активно критиковать заложенный классической рациональностью в основание мира принцип моделирования. XVIII век заложил принцип объективности реальности, которая превратила мир

²³⁹ Бенуа А. де. Против либерализма: к Четвертой политической теории / Пер. с фр., предисл. А. Дугина. – СПб.: Амфора, 2009. – С. 14.

в объект, полностью подвластный человеку, в «объект обладания и манипулирования субъектом, доступный полному контролю и артикуляции как в практическом, так и в познавательном действии»²⁴⁰. В настоящее время консерваторами предлагаются разные пути развития современного общества: встречаются как радикальные варианты вернуться к традиционным отношениям с природой, так и возможный синтез культуры с техногенной цивилизацией. Предложенный философами иной тип рациональности, используемый консервативной мыслью, может помочь современным политикам разрешить многие общественные проблемы.

Современные консервативные идеи, разумеется, имеют особенный взгляд на рациональность и, что важно, предлагают решения, выходы из различных ситуаций, руководствуясь собственным пониманием рациональности. Сегодня консерватизм принимается обществом как одна из основных четырех властвующих идеологических парадигм, консервативные течения упрочивают свои позиции и активно включаются в политическую жизнь тех или иных стран.

²⁴⁰ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая политико-философский анализ проблемы рационального в западноевропейских идеологиях либерализма и консерватизма конца XVIII – начала XIX веков, следует отметить, что конструирование новых методологических подходов в политической философии к социально-политическим явлениям и, в частности, к идеологиям стало актуальным вопросом, решение которого важно для удовлетворения запросов общества. В современной России немалое количество ученых, не подвергая сомнению важность запрета на установление государственной идеологии, отмечают необходимость признания гражданами определенной системы ценностей и идей в качестве интегрирующего фактора. Сочетание государственного идеологического вакуума и одновременно существование в политическом поле множества идеологических конструктов свидетельствуют о нестабильности идеологического состояния современного общества, что, в свою очередь, создает потребность в изучении идеологий вообще и рационального в идеологиях в частности.

В работе были сформулированы определения понятий политической идеологии и рациональности в идеологическом дискурсе. Сложности в определениях политической рациональности и идеологии связаны с явным доминированием их классических формулировок в современном политическом поле. В связи с тем, что оба понятия в настоящее время представляют собой многогранные и трудноопределяемые смыслы, были рассмотрены их классификации. В попытках прояснения феномена идеологии в контексте политического пространства как концепта, обладающего высокой социально-политической значимостью, автор диссертации вынужденно приходит к следующему функциональному определению. Политическая идеология являет собой целостную систему концептуально оформленных идей и смыслов, которая выражает интересы, миропонимание и идеалы тех или иных субъектов политического процесса. Отдельно в диссертации раскрыто понятие рациональности как способа обоснования человеческой жизни.

Стоит подчеркнуть, что если обсуждению рациональности посвящено огромное количество философских диспутов, конференций и текстов, то проблема рациональности в политических идеологиях на сегодняшний момент фактически не освещена. Вероятно, объяснением данного феномена является мнимая самоочевидность понятия рациональности применительно к полю политического. Автором диссертации предлагается определение политической рациональности как способа аргументации, рациональное в идеологическом дискурсе в таком случае – способ осмысления и принятия происходящих действий в социально-политической сфере человеческой жизнедеятельности. Таким образом, выводится, что политическую идеологию можно рассматривать как понятие надсубъективной рациональности. Ведь фактически, идеологически сформированные установки приверженца той или иной политической идеологии одновременно являются и коллективной, и личностной формой рациональности. Выводом теоретического исследования понятий стало заключение, что любая идеология по определению всегда рациональна относительно каждого конкретного электората. Главными условиями существования рациональной идеологии являются логичное построение постулатов и, как ни странно, внедрение компонента веры – идеи создания лучшего будущего для общества. Человеческий разум способен воспроизводить рациональные, нерациональные и иррациональные суждения, все они могут быть использованы в политических идеологиях, а в процессе формирования того или иного учения накладываемая позже на данные суждения логическая связь может стать рациональной. Сама идеология вбирает в себя рациональные функции, чтобы снимать напряжение между властью и народом. Иными словами, рациональное в идеологиях – это в первую очередь форма легитимации идеологии.

Анализ идеологических пластов либерализма и консерватизма был проведен не случайно в рамках указанного временного периода, ведь именно конец XVIII – начало XIX веков является отправной точкой для становления основных идеологических доктрин. В это время еще нет устоявшихся идеологических смыслов и политического опыта в данном направлении и не могла быть схвачена

и зафиксирована трансформация рационального в формирующихся политических течениях.

В европейской истории XVIII век занимает особое место и известен как эпоха царствования идей научного рационализма – эпоха Просвещения. Просвещенческий культ разума требовал подчинения абстрактному идеальному началу всех сторон общественной жизни людей. В основание эпохи легла универсальная рациональность, которая и стала парадигмой мышления первых мыслителей зарождающегося либерального течения. Динамичное развитие науки и соответствующая абсолютная вера в безграничные ее возможности позволяют сформироваться классическим представлениям об отождествлении рациональности с логической истинностью и научностью, занимающие главенствующие позиции вплоть до сегодняшнего дня. Философы XVII–XVIII вв. полагали возможность достижения свободы общества с обладанием рационального знания. Научное знание понималось как гарантия достижения счастья, а поскольку каждый человек разумен, то основной задачей развития общества являлось просвещение. Основными рациональными звеньями либерализма стали теория естественного права, исходящая из представления о равенстве людей с их рождения и идеологически обосновывающая требования индивидуальных свобод, и теория общественного договора, согласно которой государство – это уже не привычное для Средневековья божественное установление, а гражданский институт, возникающий посредством заключения договора между населяющими одну территорию людьми. Однако первое же крупное политическое следствие эпохи Просвещения – Великая французская революция – показало, как рациональность и порядок превращается в иррациональность и хаос. В это время начинает формироваться критическая философская позиция к культу научной рациональности.

Впрочем, стоит отметить, что первые ростки иного, отличного от классического, типа рациональности появляются уже в самом Просвещении. Одним из самых ярких ответвлений от классического либерального течения стала шотландская школа мысли с ее скепсисом в отношении абсолютной истинности

Разума. Рациональные звенья либерализма изменились в связи с ярчайшим политическим актом XVIII века. Если ранние либеральные идеи обладали немалой долей радикализма, что логично связать со свершившимся переходом человечества от традиционной органической формы жизнедеятельности к активно-преобразовательской, то либеральные представители, пережившие Великую французскую революцию, становятся более осторожными. Революция стала апофеозом либеральных идей XVII-XVIII веков и одновременно их разочарованием. Идеи демократического общества, общей воли, прав человека, суверенитета народа и даже свободы подверглись критике и были пересмотрены. Либерализм после революции не отошел от ключевого принципа индивидуализма, однако всерьез стали прорабатываться вопросы действительного, практического существования в одной плоскости индивида и социально-политической сферы его жизнедеятельности. Если ранние либералы были по большей части рационалистами-теоретиками с присущими им более утопическими идеями, то либералы после Великой французской революции стали адаптировать идеи. Постреволюционные либералы стали более осторожны и приспособляли рациональность либеральной концепции к современным политическим реалиям. Переход от классического либерализма к концепции социального либерализма произошел в общем без каких-либо серьезных трудностей, и суть общественно-политической доктрины кардинально не изменилась. Либеральные идеологические смыслы и концепты основательно сплелись с религиозными и культурными особенностями европейской нации. Идеи личной свободы человека, конкуренции и достижения счастья успешно встроились в социально-экономическую организацию жизни, а потому либерализм стал фактически политической практикой, применяемой повсеместно.

Также в постреволюционный период понимание рационального начинает меняться в умах не только либералов, но и их оппонентов. Появившийся в это время консерватизм, как результат критической оценки опыта и итогов Великой французской революции, строился на ином типе восприятия реальной политической ситуации. Отказавшись от идеи всемогущества Разума, основатель

консерватизма Эдмунд Берк делает акцент на истории, традиции и опыте. Не отвергая основные принципы эпохи Просвещения, Берк расширяет сферу рассмотрения: к разуму он добавляет эмоции и чувства, к прогрессу – историю и опыт, к политике – традицию. Также отец консерватизма формулирует основной рациональный принцип идеологии: все люди имеют равные права, но не одни и те же блага. Если для просветителей рациональным было не опираться на опыт предшествующих поколений, а исключительно постигать жизнь на своих ошибках, то для первых консерваторов – Э. Берка, Л. де Бональда, Ж. де Местра – главным становится постижение накопленного опыта. Ранние консерваторы критикуют классическую рациональность и начинают доказывать возможность сосуществования традиции и разума в одном политическом поле, однако не смогли достичь золотой середины и углубились в гетерономию традиции, в отстаивание прошлого опыта и пр. Таким образом, можно говорить о появившемся в XVIII веке консервативном типе мышления как реакционном и резко противостоящем либеральному. Последующее развитие этого консервативного типа мышления очень тесно связано с возникшим течением романтизма с его аккордами иррациональности. Для романтиков естественен хаос иррациональных влечений в душе, предшествующий разуму. Романтический иррационализм появился по большей части как реакция на слишком самоуверенный рационализм, утративший в своих притязаниях чувство меры. Романтики вернули в сферу идей иррациональные пласты человеческого бытия. Но если йенские романтики сделали упор на чувства, искусство и религию, то поздние, гейдельбергские романтики создали особую идеологию национально-народнического характера. Основой философии поздних романтиков стала традиция в ее подлинно иррациональном смысле. В этот момент можно говорить о разделении консервативных теорий на два направления: одни развиваются в классическом противостоянии идей, делая значительный упор на иррациональные факторы, другие же продолжают свое развитие в рамках того иного типа мышления, которое было обнаружено отцами консерватизма. Консерваторов, появившихся как ответвление от позднего романтического движения и ставших иррационалистами «почвы и крови», следует

отличать от консерваторов, ведущих свою деятельность в рамках иного типа рациональности, следующего от Э. Берка, – М. Оукшотта, Л. Штрауса, А. Гелена. Именно представители второго направления учатся «играть на одном поле» с либералами, вводя понятия традиции и предрассудка на одну плоскость с разумом и экспериментом. Эти консерваторы заново открывают тот тип мышления, нащупанный еще Берком, но не раскрытый полностью за счет того, что это были только первые шаги в новом направлении и они неизбежно страдали неполнотой и заблуждениями. Самым главным достижением консервативной идеологии и одновременно причиной ее устойчивого существования по сей день стало обнаружение интеллектуальных обоснований неизменных институциональных условий человеческого существования.

Основные политические идеологии – либерализм, консерватизм и социализм – развивались в одно время и в связке. Каждая идеология что-то заимствовала у другой, сторонники разных теорий находились в тесном контакте, они давали интерпретации происходящим политическим действиям и предлагали свои решения, находясь в рамках собственных концептуальных систем. Аналогично развиваются и современные политические идеологии, а потому проблема рационального в современных политических идеологиях также заслуживает внимательного изучения.

В настоящее время все чаще ученые интересуются феноменами рациональности в политике и социальной рациональности. Понятию идеологии уделяют внимания еще больше – совсем недавно подошел к концу XX век, век властвования идеологий. Проблема рационального в политических идеологиях консерватизма, либерализма и социализма в период их становления сложна и многогранна. Возникшие в XVIII-XIX веках идеологии явно или неявно развивались в русле антропологической модели, однако это ядро представления о человеке было по-разному в них прописано. В диссертации делается вывод, что идеологии либерализма и чуть позже социализма были сформированы в русле классического типа рациональности и только консерватизм изначально принял другой уклон. Если философы либерального течения опирались на понимание

человека как рационального актора, то социалисты указывают носителями рациональности институты – государство, общество, класс. Рациональность для социалистических мыслителей перестает быть единственно индивидуальной, она отчуждается в сторону сложных политических субъектов. Консервативные же идеологи остаются в поле взаимодействия с индивидом: не умаляя идеи разумности человека, они убеждены, что рациональным является не столько человек, сколько человек под воздействием социальных действий, а именно традиции и опыта (истории).

Совершенствуясь и развиваясь, либерализм и консерватизм смогли просуществовать в разных своих проявлениях до современности. Оба течения относятся к рациональным политическим идеологиям, однако само рациональное, заложенное в них, существенно различается.

Подводя итог, следует отметить, что идеи и выводы, изложенные в диссертационном исследовании, могут быть использованы при составлении рабочих программ дисциплин курсов и спецкурсов для студентов направлений «политология» и «философия». В связи с тем, что современное общество обладает стабильностью, если включает в сферу идейно-политического пространства нравственно-ценностные ориентиры, то представленные в научной работе идеи могут быть полезны при разработке, например, необходимой для России объединяющей, общенациональной идеологии. Отдельные материалы идеологического анализа также могут быть использованы для выработки идеологических стратегий.

Данная диссертация – шаг к исследованию проблемы рационального в политических идеологиях. Для начального рассмотрения вопроса были взяты узкие временные рамки, очерчены четкие географические границы работы. Таким образом, существует еще огромное множество возможных направлений продолжения исследования этой широкой политико-философской проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Автономова Н.С.* Рассудок. Разум. Рациональность. – М.: Наука, 1988. – 288 с.
2. *Адорно Т.* Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. – 192 с.
3. Актуальность Жозефа де Местра: Материалы российско-французской конференции / Ред.: В. Мильчина, П. Глод, С. Зенкин, М. Кольхауэр. – М.: РГГУ, 2012. – 256 с.
4. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. – 2011. № 3 (77). – С. 159-175.
5. *Андреева П.В.* Взаимодействие науки и нравственности в контексте становления новой рациональности // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 311. – № 7. – С. 36-41.
6. *Андрески С.* Самое уязвимое место: понятие рациональности // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2011. – № 1. – С. 210-235.
7. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова. Послесл. Ю.Н. Давыдова. Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
8. *Аркан Ю.Л.* Очерки социальной философии романтизма. Из истории немецкой консервативно-романтической мысли / Под ред. К. Сергеева. – СПб.: «Наука», 2003. – 380 с.
9. *Ахтямова В.А., Ефанова Э.А., Ахтямов А.М.* Многозначность научной рациональности // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 23. – С. 199-204.

10. *Багдасарян В.Э.* Консерватизм как охранительная реакция на исторические вызовы // *Контур* глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2010. № 4. – С. 110-112.
11. *Баткин Л.М.* Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – М.: РГГУ, 2000. – 1005 с.
12. *Безвесельная З.В., Козьмин В.С.* Концепции взаимосвязи философии и науки в современной эпистемологии // *Вестник Академии*. – 2014. – № 1. – С. 89-93.
13. *Бентам И.* Избранные сочинения Иеремия Бентама. Т. I. Введение в основания нравственности и законодательства. Основные начала гражданского кодекса. Основные начала уголовного кодекса. – СПб.: Типография и Литография Н. Тиблена и Ком. (Н. Неклюдова), 1867. – 745 с.
14. *Бенуа А. де.* Как можно быть язычником. – М.: Русская Правда, 2004. – 240 с.
15. *Бенуа А. де.* Против либерализма: к Четвертой политической теории / Пер. с фр., предисл. А. Дугина. – СПб.: Амфора, 2009. – 480 с.
16. *Берк Э.* Два памфлета. – [б.м.]: Издательские решения, 2018. – 158 с.
17. *Берк Э.* Правление, политика и общество / Пер. с англ., сост., вступ. ст. и коммент. Л. Полякова. – М.: Канон-пресс Ц, Кучково поле, 2001. – 480 с.
18. *Берк Э.* Размышления о революции во Франции о прениях в некоторых лондонских обществах касательно сего события, содержащиеся в письме, предполагавшемся быть отправленным некоему благородному господину в Париж / Соч. высокопочтенного Эдмунда Берка; Пер. с англ. Сима Векслер; Под ред. Андрея Бабича; Предисл. и примеч. снабдил Кнор Круз О'Брайен. – London: Overseas publ. interchange ltd., 1992. – 411 с.
19. *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии / Ред. И. Гурвиц. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 512 с.
20. *Берлин И.* Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткинда. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.

21. *Вебер М.* Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – (Сер.: «Социологич. мысль Запада»).
22. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Сост., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 612 с.
23. *Власов Д.В.* Проблема эволюции рационального и определения понятия как формы мысли // Вестник РУДН. Сер.: «Философия». – 2009. – № 4. – С. 38-43.
24. *Власова С.В.* Соотношение научного знания и реальности // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2010. – Т. 13. – № 2. – С. 265-272.
25. *Вольтер М.Ф.* Философские сочинения / Пер. с франц. С.Я. Шейнман-Топштейн, отв. ред., сост. и автор вступ. ст. В.Н. Кузнецов. – М.: Наука, 1988. – 750 с.
26. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Пер. с нем. Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
27. *Гаджиев К.С.* Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии. 1998. – № 12. – С. 3-20.
28. *Гайденко П.П.* Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
29. *Гайм Р.* Гердер, его жизнь и сочинения / Пер. с нем. В.Н. Неведомского. Т. I. – СПб.: Наука, 2011. – 963 с. (Сер.: «Слово о сущем». Т. 86)
30. *Генон Р.* Кризис современного мира / Пер. Н.В. Мелентьевой, ред. и вступ. ст. А.Г. Дугина. – М.: АРКТОГЕЯ, 1991. – 160 с.
31. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества / Пер. и прим. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 240 с.
32. *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе / Пер. с франц. В.Д. Вольфсона. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 336 с. (Сер.: «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

33. *Гириц К.* Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 29. – С. 7-38.
34. *Гольбах П.* Письма к Евгении; Здравый смысл / Ред., статья и примеч. Ю. Я Когана. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 455 с.
35. *Грамии А.* Тюремные тетради. – М., 1991. – 560 с.
36. *Грей Дж.* Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. Л.Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М.С. Фетисова и др., под общей ред. Г.В. Каменской. – М.: Праксис, 2003. – 368 с. – (Сер.: «Новая наука политики»).
37. *Грязнов Б.С.* Логика и рациональность // Методологические проблемы историко-научных исследований. – М.: Наука, 1982. – 256 с.
38. *Гумбольдт В. фон.* О пределах государственной деятельности. – М.: Социум, Три квадрата, 2003. – 200 с.
39. *Гюнтер Г.Ф.К.* Избранные работы по расологии / Пер. А. Иванов. – М.: Белые альвы, 2002. – 576 с. – (Сер.: «Библиотека расовой мысли»).
40. *Даниелян Н.В.* Конструктивистский подход и научная рациональность в контексте «информационного общества» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: «Философские науки». – 2011. – № 4. – С. 18-24.
41. *Дегтярева М.И.* Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России: диссертация ... д-ра филос. наук: 09.00.03. – М., 2009. – 321 с.
42. *Декарт Р.* Рассуждения о методе: С приложением «Диоптрика», «Метеоры», «Геометрия» / Ред., пер., статьи и коммент. Г.Г. Слюсарева и А.П. Юшкевича. – Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 654 с.
43. *Дидро Д.* Энциклопедия // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. – М.: Наука, 1994. – 720 с.
44. *Длугач Т.Б.* Руссо и общественный договор // Историко-философский ежегодник. – 2013. – № 2012. – С. 177-190.

45. *Длугач Т.Б.* Три портрета эпохи Просвещения. Монтескьё. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). – М.: ИФРАН, 2006. – 256 с.
46. *Дугин А.Г.* Основы геополитики. – М.: АРКТОГЕЯ, 2000. – 928 с.
47. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначения / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с. – (История социологии в памятниках)
48. Европейская политическая мысль XIX века / Отв. ред. И.К. Пантин, И.И. Мюрберг. – М.: Наука, 2008. – 486 с.
49. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – 236 с.
50. *Жилинская А.В., Сенцов А.Э., Трунтягин А.А.* Трансформация идеологии в мире политики // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 968-970. – URL <https://moluch.ru/archive/89/18460/> (дата обращения: 03.04.2018).
51. *Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика / Пред. и ком. А.Г. Аствацатурова. – СПб.: Аксиома, Новатор, 1996. – XL + 232 с. (Сер.: «Памятники и история европейского романтизма»).
52. *Ильин М.В.* Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа // Дискурс-Пи, 2015. – Т. 12, № 1 (18). С 83-87.
53. *Ильинская С.Г.* Концепт аутентичного развития как альтернативная модернизации идеология // Вестник РУДН. Сер.: «Политология». – 2018. – Т. 20. – № 2. – С. 215-236.
54. Истоки войн. Переписка между Э. Эйнштейном и З. Фрейдом // Экология и жизнь. – 2003. – № 5. – С. 4-11.
55. *Истон Д.* Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал. – 1993. № 8. С. 115-128.
56. Исторические типы рациональности / Отв. ред. В.А. Лекторский. – Т.1. – М.: ИФРАН, 1995. – 350 с.
57. *Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 4. – М.: Мысль, 1965. – 478 с. (Сер.: «Философ. наследие»).

58. *Кант И.* Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. [Статьи. Лекции. Избранные письма. Из рукописного наследия] / Под общ. ред. проф. А. В. Гулыги. – М.: ЧОРО, 1994. – 718 с.
59. *Капустин Б.Г.* Критика политической философии: Избранные эссе. – М.: Территория будущего, 2010. – 424 с. (Сер. «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
60. *Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М.* Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. – М.: Аквилон, 2015. – 288 с.
61. *Карпович В.Н., Шевченко А.А.* Рациональность и нормативность, вера и знание // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: «Философия». – 2013. – Т. 11. – № 2. – С. 16-23.
62. *Карцев Е.А.* Французский неоконсерватизм: либеральная стратегия для XXI века. Социокультурная программа, концепция и стратегические направления Клуба «Орлож». – М.: ТЕИС, 2008. – 452 с.
63. *Касавин И.Т., Сокулер З.А.* Рациональность в познании и практике: Критич. очерк / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1989. – 191 с.
64. *Кассирер Э.* Философия Просвещения / Пер. с нем.: В.Л. Махлин. – М.: РОССПЭН, 2004. – 399 с.
65. *Кепеци Б.* Неоконсерватизм и «новые правые» / Пер. с венг. М.А. Хевеши. Общ. ред. и послесл. Б.Т. Григорьяна – М.: Политиздат, 1986. – 146 с.
66. *Киносьян В.А.* К дискуссии о статусе науки в современной культуре // Аналитика культурологии. – 2008. – № 12. – С. 29-33.
67. *Киссинджер Г.* Пределы универсализма. О консерватизме Берка // Россия в глобальной политике. – М.: Фонд исследований мировой политики, 2012. – № 4. – С. 32-37.
68. *Кондорсе Ж.А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Пер. И.А. Шапиро. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1936. – 266 с.

69. *Констан Б.* О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 97-106.
70. *Корнев В.В.* Идеология после конца идеологии: в лабиринтах современного политического сознания // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 4. – С. 51-59.
71. *Косолапов Н.А.* Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 3-24.
72. *Кребель И.А., Першин Ю.Ю.* Открытость мысли культурным практикам: проблема подлинной рациональности // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. IX. – № 2. – С. 230-239.
73. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2004. – 399 с. – (Сер.: «Классика философии»).
74. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
75. *Лазаревич А.А.* Наука, рациональность и нормы социальной приемлемости // Философия науки. – 2007. – № 1 (32). – С. 16-32.
76. *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. – М., изд-во «Прогресс», 1978. – С. 203-235.
77. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / Под ред. А.С. Дмитриева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 639 с.
78. *Локк Дж.* Сочинения в 3-х т. Т.1-3. – М.: Мысль, 1985–1988. (Сер.: «Филос. наследие»).
79. *Лукьянов И.С.* Отношение идеологии: Собственность. Идеология. Право. Власть. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 314 с.
80. *Макферсон, К.Б.* Жизнь и времена либеральной демократии [Текст] / пер. с англ. А. Кырлежева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 176 с.

81. *Малинова О.Ю.* Когда «идеи» становятся «идеологиями»: К вопросу об изучении «измов» // *Философский век.* Вып. 18. Ч. 2. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, 2001. – С. 11-26.
82. *Малинова О.Ю.* Концепт идеологии в современных политических исследованиях // *Политическая наука.* – 2003. – № 4. – С. 8-31.
83. *Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С.* Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // *Философия в современном мире.* – М.: Наука, 1972. – С. 28-94.
84. *Мамчур, Е.А.* Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности / Е.А. Мамчур // *Философия науки: сб.ст./ Рос. АН, Институт философии; ред. кол. В.А. Смирнов (отв. ред.) [и др.].* – Выпуск 5. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 10-30.
85. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ., отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
86. *Марков Б.В.* Априорное знание в гуманитарных науках // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: «Общественные и гуманитарные науки».* – 2013. – Т. 1. – № 7. – С. 77-81.
87. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9-ти т. Т.1. – М.: Политиздат, 1984. – XXVI. – 549 с.
88. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация / Пер. с англ. А.А. Юдина. – М.: АСТ: Ермак, 2003. – 312 с.
89. *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма / Пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. – М.: РОССПЭН, 2004. – 480 с. (Сер.: «Книга света»)
90. *Меллер ван ден Брук А.* Миф о вечной империи и Третий рейх / Пер. с нем. А.В. Васильченко. – М.: Вече, 2009. – 366 с.
91. *Мельников В.В.* Поведенческие основы неконкурентной рациональности // *Terra Economicus.* – 2011. – Т. 9. – № 1. – С. 33-47.
92. *Мельников В.Ю.* Необходимость формирования национальной идеи и правовой идеологии в обществе, государстве // *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник.* Вып. 12. Ч. 3. М.: ИНИОН РАН, 2017. – С. 640-645.

93. *Местр Ж.М. де.* Рассуждения о Франции / Пер. Г. Абрамов, Т. Шмачкова, ред. М. Федорова. – М.: РОССПЭН, 1997. – 216 с.
94. *Микешина Л.А.* Гуманитарное знание как тип рациональности, его трансцендентальные измерения // Человек: образ и сущность. – 2008. – № 1. – С. 114-140.
95. *Милль Дж. Ст.* О свободе // Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. О свободе: С приложением очерка о жизни и деятельности Милля Е. Конради / Пер. с англ. А. Н. Неведомского. 2-е изд. – СПб., 1882. – 389 с.
96. *Мишель А.* Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 536 с. (Сер.: «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
97. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов / Сост., пер. и коммент. примеч. авт. А.В. Матешук. – М.: Мысль, 1999. – 672 с. (Сер.: «Из классического наследия»).
98. *Мюрберг И.И.* Либерализм и проблема современной свободы: между утилитаризмом и кантианством // Философские науки. – 2010. – № 4. – С. 64-77.
99. *Мюрберг И.И.* Цикличность либерализма: политико-философский анализ // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. – 2013. – № 6. – С. 96–106.
100. *Никитина Ю.А.* Новая рациональность и коэволюционно-инновационная стратегия человечества // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 325. – С. 59-61.
101. *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. – М.: Дом интеллектуал. кн., 1998. – 220 с.
102. *Новалис.* Генрих фон Офтердинген. Изд. подг. В.Б. Микушевич – М.: Ладомир; Наука, 2003. – 280 с. («Литературные памятники»).
103. Общественно-политическая мысль европейского просвещения / Под ред. Н.М. Мещеряковой. – М.: КН.ДОМ, 2002. – 383 с.
104. От абсолюта свободы к романтике равенства (из истории политической философии) / Отв. ред. М.М. Федорова, М.А. Хевеши. – М., 1994. – 212 с.

105. *Оукиот М.* Рационализм в политике и другие статьи. / Пер. с англ.: И. Мюрберг и др., под общ ред. Л. Макеевой и др. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.
106. Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.). – М.: ИФРАН, 2004 / Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. – 226 с.
107. *Писарчик Л.Ю.* Р. Рорти о природе философского знания и научной рациональности // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 7 (143). – С. 37-45.
108. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
109. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
110. *Порус В.Н.* На мосту интерпретаций: Роберт Мертон и социальная эпистемология // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2011. – № 2. – С. 28-38.
111. *Порус В.Н.* Рациональность, наука, культура. – М.: Университет Российской Академии образования. Кафедра философии, 2002. – 352 с.
112. *Ракитов А.И.* Рациональность и теоретическое познание // Вопр. философии. – 1982. – № 11. – С. 68-81.
113. *Рассел Б.* История западной философии. В 3 кн. 5-е изд., стер. / Науч. ред. В.В. Целищева. – Новосибирск: Сиб. ун-ое. изд-во, 2007. – 992 с.
114. Рациональность как предмет философского исследования / Отв. ред. Б.И. Пружинин, В.С. Швырев. – М.: ИФРАН, 1995. – 225 с.
115. Рациональность на перепутье. В 2-х кн. Кн. I. / Под ред. В.А. Лекторского. – М.: РОССПЭН, 1999. – 365 с.
116. *Рикёр П.* Герменевтика, этика, политика: Моск. лекции и интервью / Отв. ред. и авт. послесл. И.С. Вдовина. – М.: Изд. центр «Academia» 1995. – 159 с.

117. *Робин К.* Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Берка до Сары Пэйлин / Пер. с англ. М. Рудакова, И. Кушнारेвой, К. Бандуровского. – М.: Изд. Института Гайдара, 2013. – 313 с.
118. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 440 с.
119. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре: трактаты / Вступ. ст. А. Филиппова и др.; коммент. В.С. Алексеева-Попова, Л.В. Борщевского. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 1998. – 414 с.
120. *Руткевич А.М.* Консерваторы XX века / Ред. И.Л. Панкратова. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 180 с.
121. *Самаркина И.В.* Политическая картина мира как компонент субъективного пространства политики: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.03. М., 2013. – 360 с.
122. *Самченко В.Н.* Эволюция науки: новый взгляд // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2009. – № 6. – С. 158-165.
123. *Сенцов А.Э.* Концепт будущего в программах политических партий современной России // Вестник ТГУ. Сер.: «Философия. Социология. Политология». – 2012. – №3 (19). – С. 82-92.
124. *Сенцов А.Э., Скочилова В.Г.* Выражение концепта будущего в партийных программах // Молодой ученый. – 2015. – № 3. – С. 597-600.
125. *Серова И.А., Ягодина А.Ю.* Иррациональное в науке // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2010. – Т. 23. – № 3. – С. 50-52.
126. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ. П.Н. Клюкина, под ред. А. Меркурьевой. – М.: Эксмо, 2016. – 1056 с.
127. *Соловьёв А.И.* Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 5-23.
128. *Соловьёв А.И.* Политический облик постсовременности: очевидность явления // Общественные науки и современность. – 2001. – № 5. – С. 66-81.

129. *Соловьёв О.Б.* Феномен естественного объекта и неклассическая рациональность // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 21. – № 3. – С. 108-121.
130. *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: ИФРАН, 1994. – 274 с.
131. *Суркова Н.А.* Понятие трансцендентального субъекта в контексте парадигмы классического философствования. Уфа: Изд-е БашГУ, 2001. – 168 с.
132. *Сытых О.Л.* Новая рациональность и проблема интерпретации знания в современной науке // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2-1. – С. 205-209.
133. *Тодоров Ц.* Дух Просвещения / Пер. с франц. В. Божовича. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – 120 с.
134. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке / Пер. с франц. Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
135. *Тулмин Ст.* Человеческое понимание / Пер. с англ. З.В. Кагановой, общ. ред. и вступ. ст. П.Е. Сивоконя. – М.: «Прогресс», 1984. – 326 с.
136. *Уолцер М.* Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 360 с.
137. *Фай Г.* Всемирный переворот. Эссе о новом американском империализме / Пер. с франц. А.М. Иванова. – М.: Слава!, 2005. – 250 с.
138. *Федорова М.М.* Критика или герменевтика – два подхода к изучению идеологий // Политическая наука. – 2013. – № 4. – С. 31-44.
139. *Федорова М.М.* Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций. – М.: ИФ РАН, 2005. – 190 с.
140. *Федорова М.М.* Политическая рациональность: к становлению новых эпистемологических оснований политической науки. Спец. вып. «История и философия науки»: приложение к журналу «Философские науки». – М.: Гуманитарий, 2009. – 46 с.

141. *Федорова М.М.* Суверенитет как политико-философская категория современности // *Философский журнал.* – 2009. – № 1 (2). – С. 154-164.
142. *Федорова М.М.* Французский либерализм. До и после революции: Руссо – Констан // *Полис. Политические исследования.* – 1993. – № 6. – С. 126-134.
143. *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе // *Личность. Культура. Общество.* – 2009. – Т. XI. – № 1. – С. 58-76.
144. *Философия в современном мире. Философия и наука: Критич. очерки буржуазной философии /* Ред.: Л. Н. Митрохин и др. – М.: Наука, 1972. – 423 с.
145. *Философия истории /* Под ред. А.С. Панарина – М.: Гардарики, 1999. – 432 с.
146. *Фихте И.Г.* Речи к немецкой нации / Пер. с нем. А.А. Иваненко. – СПб.: Наука, 2009. – 352 с.
147. *Фрейд З.* Психоанализ. Религия. Культура / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 368 с.
148. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса, под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с. – (Сер.: «Новая наука политики»)
149. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2010. – 584 с.
150. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // *Вопросы философии.* 1990. № 3. – С. 134-148
151. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия (фрагменты) // *Вопросы социальной теории.* – 2007. Т. 1. Вып. 1. – С. 229-245.
152. *Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок / Пер. с англ. О.А. Дмитриевой, под ред. Р. И. Капелюшникова. – Челябинск: Социум, 2011. – 432 с.
153. *Херсон Л.Дж.Р.* Идеология в Соединенных Штатах // *Полис. Политические исследования.* – 1993. – № 6. – С. 87-92.
154. *Хобсбаум Э.* Век революции. Европа 1789-1848 / Пер. с англ. Л.Д. Якуниной. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1999. – 480 с.

155. *Хоркхаймер М. Адорно Т.* Диалектика просвещения: Философские фрагменты. – М.: Медиум, 1997. – 310 с.
156. *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума / Пер. с англ. А.А. Юдина; пред. В.Ю. Кузнецова; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 224 с.
157. *Чамаева Н.А.* Политическая теория Майкла Джозефа Оукшотта (1901-1990): автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. – М., 2010. – 22 с.
158. *Чемберлен Х.* Основания XIX столетия (в 2-х тт.) / Пер. с нем. Е. Колесниковой. – СПб.: Русский Мир, 2012. – 688 с.
159. *Чернавин Ю.А.* Рациональность как фактор развития социально-гуманитарных наук в современных условиях // Вестник Екатеринбургского института. – 2008. – № 1. – С. 10-13.
160. *Черникова И.В.* Постнеклассическая наука и эволюционная эпистемология // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2011. – № 2. – С. 7-17.
161. *Чмыхало А.Ю.* Феномен повторения научных открытий в контексте обсуждения проблемы научной рациональности // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – Т. 312. – № 6. – С. 93-97.
162. *Чудинов А.В.* Размышления англичан о Французской революции: Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин. – М.: Памятники исторической мысли, 1996. – 304 с.
163. *Шварцмантель Д.* Идеология и политика / Пер. с англ. Е. В. Пызиной; Науч. ред. Т. И. Арсеньева. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.
164. *Швырев В.С.* Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 105–116.
165. *Швырев В.С.* Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – 225 с.
166. *Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.

167. *Шеллинг Ф.* Сочинения в 2 т. / Сост. ред. А.Г. Гулыга. – М.: Мысль, 1987. – 637 + 636 с.
168. *Шлегель К.В.Ф.* Сочинения. Т. 1. Философия жизни. Философия истории. – М.: Quadrivium, 2015. – 816 с.
169. *Шлейермахер Ф.* Речи о религии. Монологи / Пер. с нем. и пред. С.Л. Франка. – М.: Издат-во «Алетейя», 1994. – 432 с.
170. *Шустова О.Б., Сидоров Г.Н.* Философская категория веры в научном познании // Вестник Омского университета. – 2014. – № 1 (71). – С. 28-29.
171. *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении / Пер. С.И. Церетели, примеч. А.Ф. Грязнова. – М.: Прогресс, 1994. – 237 с.
172. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
173. *Яшин Б.Л.* Рациональность и логическое мышление // Философская мысль. – 2015. – № 10. – С. 75-87.
174. *Bell D.* The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. – Illinois: Free Press, 1960. – 415 p.
175. *Blattberg, Ch.* Political Philosophies and Political Ideologies // Public Affairs Quarterly 15. – 2001. – No. 3. – P. 193-217.
176. *Bromwich, D.* The Intellectual Life of Edmund Burke: from the sublime and beautiful to American independence. – L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2014. – 500 p.
177. *Burke, E.* A Philosophical Enquiry into the Origins of Our Ideas of the Sublime and Beautiful. – London: printed for R. and J. Dodsley, 1757. – 184 p.
178. *Burke, E., Bredvold, L.I., Ross, G.* The philosophy of Edmund Burke: A selection from his speeches and writings. – [Ann Arbor]: The University of Michigan Press, 1960. – 276 p.
179. *Caplan, B.* The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies. – Princeton University Press, 2006. – 266 p.
180. *Clark, J.C.D.* Reflections on the Revolution in France. A Critical Edition / ed. Jonathan Clark. – Stanford University Press, 2001. – 301 p.

181. Edmund Burke on government, politics and society / Selected and ed. by B.W. Hill. – L.–Glasgow: The Harvester press, 1975. – P. 7-64
182. *Ferguson, A.* Of man's progressive nature // Selections from the Scottish Philosophy of Common Sense. – Chicago, 1915. – 276 p.
183. *Gerencser, S.A.* The Skeptic's Oakeshott. – Basingstoke: Macmillan, 2000. – 410 p.
184. *Hobhouse L.T.* Liberalism / *в*упо L.T. Hobhouse. – L.: Williams & Norgate. – 254 p.
185. *Jost, J.* The End of the End of Ideology // *American Psychologist.* – 2006. – Vol. 61. – No. 7. – P. 651-670.
186. *Mitchell, L.G.* Charles James Fox. – L.: Penguin, 1997. – 160 p.
187. *Morgenthau, H.J.* Scientific Man vs. Power Politics. – London: Latimer House Limited, 1947. – 207 p.
188. *Pinker, S.* Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. – N.Y.: Viking, 2018. – 383 p.
189. *Price, R.* A discourse on the love of our country delivered on November 4, 1789 at the meeting house in the Old Jewry to the society for commemorating the revolution in the Great Britain: With an appendix. – L.: Cadell, 1789. – 51, 13 p.
190. *Prior, J.* Life of the Right Honourable Edmund Burke. – 5 Ed. – London, 1854. – 545 p.
191. *Ricoeur, P.* Lectures on Ideology and utopia. – N.Y.: Columbia University Press, 1986. – 353 p.
192. *Yudkowsky E.* Politics is the Mind-Killer // *Yudkowsky E.* How to Actually Change your Mind. 2007. 19th Feb. URL: <https://www.lesswrong.com/s/3ELrPerFTSo75WnrH/p/9weLK2AJ9JEt2Tt8f> (Дата обращения: 28.11.2019).
193. *Seliger, M.* Ideology and Politics. – N.Y.: Free Press, 1976. – 352 p.
194. The Correspondence of Edmund Burke / eds. A. Cobban and R.A. Smith. – Cambridge: Cambridge University Press, and Chicago: University of Chicago Press, 1967. – XXVI, 495 p.

195. *Tseng, R.* The Sceptical Idealist: Michael Oakeshott as a critic of the Enlightenment / R. Tseng. – Thorverton, Exeter: Imprint Academic, 2003. – 245 p.

196. *Weizsaecker, E. von.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet / E. von Weizsaecker, A. Wijkman. – Springer, 2018. – 220 p.